

Философия Право

№ 5 (78)

Научно-теоретический журнал
Издается с апреля 2000 года
Выходит шесть раз в год

2016

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций 30 сентября 1999 г.
Регистрационный номер ПИ 019290

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

СОДЕРЖАНИЕ

ДУХОВНЫЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВА

Овчинников А. И., Бойко Н. А.

НАРОДОВЛАСТИЕ В ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ РОССИИ:
ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ТРАДИЦИИ 7

Апольский Е. А., Киселев А. К.

УЧЕНИЯ О РУССКОЙ ПРАВДЕ В РОССИИ
В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (ОПЫТ ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАЗРАБОТКИ) 12

Небрятенко Г. Г.

О ДАТЕ ОБРАЗОВАНИЯ И СТАРШИНСТВЕ ДОНСКОЙ ПОЛИЦИИ
С 20 ОКТЯБРЯ 1800 ГОДА (ПО НОВОМУ СТИЛЮ) 17

Эрендженова Ю. Ю.

БУДДИЙСКИЕ ПРИНЦИПЫ В ЗАКОНОТВОРЧЕСТВЕ ТИБЕТЦЕВ И ОЙРАТОВ 22

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Астапов С. Н.

РЕЛИГИЯ И ПРАВО В ПОСТСЕКУЛЯРНОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ 26

Ковалев В. В., Сажина Л. В.

РЕЛИГИОЗНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФОРМА СОБОРНОСТИ В РОССИИ
И ПРОБЛЕМЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ 31

Матяш Т. П.

ЗАПАДНАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ: РЕФЛЕКСИЯ РОССИЙСКИХ
РЕЛИГИОЗНЫХ ФИЛОСОФОВ 37

Нефедовский Г. В. ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО В ЗАКОНОТВОРЧЕСТВЕ ЮСТИНИАНА	42
--	----

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Лубеккий А. В. ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ КАК БАЗОВАЯ СТРУКТУРА МЕНТАЛЬНОЙ МАТРИЦЫ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В РОССИИ	46
Федоренко С. П. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПАЛАТ КАК СТРУКТУРНОГО ЭЛЕМЕНТА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА	52
Тишкин Д.Н. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО БОРЬБЕ С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ В РОССИИ: ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ	57
Нарыкова С. П. К ВОПРОСУ О ПОНИМАНИИ СИСТЕМЫ ВЛАСТИ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ	63
Баранова М. В. ПРОГНОСТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО ПРАВОВОТВОРЧЕСТВА	67
Корик Е. Д. ДЕЙСТВИЕ КАК СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ	72

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Касаткин С. Н. КОНЦЕПЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЯЗЫКА ГЕРБЕРТА ХАРТА: ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ	77
Лазарев Д. А. ЭМПИРИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОФИЛАКТИКИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ	84

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Палухина Е. С. ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА НАЦИОНАЛЬНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ РОССИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА	88
Буткевич С. А., Коноплева А. А. МОЛОДЕЖНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫХ ВОЗЗРЕНИЙ (КРЫМСКИЙ ВЕКТОР)	94
Соколова О. В. ВЗГЛЯДЫ СОВРЕМЕННЫХ НЕМЕЦКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ НА ПРОБЛЕМУ ОБОСНОВАННОСТИ ПАТЕРНАЛИСТСКИХ ЗАПРЕТОВ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ	101

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Шавко Н. А.

КРИТИКА МАРКСИЗМА И АНАРХИЗМА РУДОЛЬФОМ ШТАММЛЕРОМ 107

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Цымлянская О. А.

**ДИАЛЕКТИКА КОМПАРАТИВИСТСКОГО ПОДХОДА СЛИЯНИЙ
И ПОГЛОЩЕНИЙ КОМПАНИЙ 112**

Чернобровкина Н. И.

**МОДАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ 119**

Главный редактор: **К. А. Плясов**, канд. юрид. наук, доцент

Редакционная коллегия:

Г. С. Працко, д-р юрид. наук, д-р филос. наук, проф.
(заместитель главного редактора);
С. Н. Болдырев, канд. юрид. наук, доц.
(заместитель главного редактора);
П. П. Баранов, д-р юрид. наук, проф.;
И. М. Вакула, д-р филос. наук, проф.;
А. А. Конгарев, д-р филос. наук, проф.;
Е. Е. Несмеянов, д-р филос. наук, проф.;
В. Б. Рожковский, д-р филос. наук, проф.;
Е. А. Рыбалка, д-р филос. наук, проф.;
П. В. Анисимов, д-р юрид. наук, проф.;
Н. Л. Бондаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А. В. Варданян, д-р юрид. наук, проф.;
А. И. Овчинников, д-р юрид. наук, проф.;
Т. С. Паниотова, д-р филос. наук, проф.;
В. Б. Устьянцев, д-р филос. наук, проф.;
В. Н. Цыганаш, д-р филос. наук, проф.;
В. Ю. Шпак, д-р филос. наук, проф.

Учредитель и издатель – ФГКОУ ВО «Ростовский юридический институт МВД России»

Адрес редакции: 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83; тел.: 8(863) 207-86-35

Электронная почта: ruiperiodika@mail.ru

Официальный сайт журнала: periodika.ruimvd.ru

Индекс по каталогу Агентства «Книга-Сервис» – 79848.

Выпускающий редактор: И. А. Мосенцева
Компьютерный набор и верстка: Е. Е. Пелехатая

Сдано в набор 27.09.2016. Подписано к печати 27.10.2016. Выход в свет 31.10.2016.
Формат 60x84 1/8. Объем 15,75 п.л. Набор компьютерный.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл.-печ. л. 15. Тираж 300 экз. Заказ № .

Отпечатано в ГПиОП НИиРИО ФГКОУ ВО РЮИ МВД России.

344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

CONTENTS

SPIRITUAL AND SOCIO-CULTURAL FOUNDATION OF LAW

Ovchinnikov A. I., Boiko N. A. DEMOCRACY IN THE HISTORY OF RUSSIAN STATE: POLITICAL AND LEGAL TRADITION	7
Apolsky E. A., Kiselev A. K. TEACHINGS ABOUT RUSSIAN TRUTH IN RUSSIA IN THE XIX – EARLY XX CENTURY (EXPERIENCE OF THE THESIS DEVELOPMENT)	12
Nebratenko G. G. ON DATE OF FOUNDATION AND SENIORITY IN THE DON POLICE FROM OCTOBER 20, 1800 (NEW STYLE)	17
Erendzhenova Yu. Yu. BUDDHIST PRINCIPLES IN LEGISLATION OF TIBETANS AND OIRATS	22

RELIGIOUS-LEGAL RESEARCH

Astapov S. N. RELIGION AND LAW IN POST-SECULAR RUSSIAN SOCIETY	26
Kovalev V. V., Sazhina L. V. RELIGIOUS AND HISTORICAL FORM OF COLLEGIALITY IN RUSSIA AND PROBLEMS OF CIVILIZATIONAL IDENTITY	31
Matyash T. P. WESTERN MENTALITY IN RUSSIAN CULTURE: REFLEX OF RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY	37
Nefedovsky G. V. CHURCH AND STATE IN JUSTINIAN’S LAW-MAKING	42

PHILOSOPHICAL AND LEGAL ASPECTS OF STATE LEGAL POLICY

Lubsky A. V. CITIZENSHIP AS A BASIC STRUCTURE OF THE MENTAL MATRIX OF SOCIAL BEHAVIOR IN RUSSIA	46
Fedorenko S. P. THE KEY TRENDS OF FORMATION THE RUSSIAN LEGISLATION CONCERNING REGULATION OF ACTIVITIES OF THE PUBLIC CHAMBER AS A STRUCTURAL ELEMENT OF CIVIL SOCIETY	52
Tishkin D. N. STATE POLICY FOR COMBATING WITH ORGANIZED CRIME IN RUSSIA: EVALUATION	57
Narykova S. P. TO A QUESTION OF UNDERSTANDING OF THE POWER IN THE CHANGING SOCIETY SYSTEM	63
Baranova M. V. PREDICTIVE FUNCTION OF AHEAD LAW-MAKING	67
Korik E. D. ACTION AS A SOCIAL AND LEGAL CATEGORY	72

**EPISTEMOLOGY AND METHODOLOGY
OF PHILOSOPHICAL AND LEGAL STUDIES**

Kasatkin S. N.

CONCEPT OF HERBERT HART LAW LANGUAGE: EXPERIENCE OF RECONSTRUCTION 77

Lazarev D. A.

EMPIRICAL AND APPLIED SOCIOLOGICAL RESEARCHES AS A TOOL FOR PREVENTION
AND COUNTERACTION TO EXTREMISM 84

**PHILOSOPHICAL AND LEGAL ASPECTS
OF FIGHT AGAINST CRIME**

Palukhina E. S.

EVOLUTION OF VIEWS ON NATIONAL SECURITY IN THE POLITICAL AND LEGAL
THOUGHT OF RUSSIA IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY 88

Boutkevitch S. A., Konopleva A. A.

YOUTH EXTREMISM IN THE LIGHT OF PHILOSOPHICAL AND LEGAL VIEWS
(CRIMEAN VECTOR) 94

Sokolova O. V.

OPINIONS OF CONTEMPORARY GERMAN RESEARCHERS ON THE PROBLEM
FOR VALIDITY OF PATERNALISTIC PROHIBITIONS IN CRIMINAL LAW 101

HISTORY OF THE PHILOSOPHY OF LAW

Shaveko N. A.

CRITICISM OF MARXISM AND ANARCHISM BY RUDOLF STAMMLER 107

**PHILOSOPHICAL AND LEGAL MEASUREMENT
OF ECONOMIC SECURITY**

Tsymlyanskaya O. A.

DIALECTICS OF COMPARATIVE APPROACH OF MERGERS AND ACQUISITIONS 112

Chernobrovkina N. I.

MODAL MODEL OF ECONOMIC BEHAVIOR IN THE RUSSIAN SOCIETY 119

Овчинников Алексей Игоревич
Ovchinnikov Alexey Igorevich

профессор кафедры теории и истории государства и права Ростовского юридического института МВД России доктор юридических наук, профессор.

Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor.
Тел.: 8 (928) 279-36-28.

Бойко Наталья Александровна
Boyko Natalia Alexandrovna

заведующий кафедрой конституционного и административного права Института сервиса, туризма и дизайна Северо-Кавказского федерального университета кандидат юридических наук, доцент.

Head of the Department of Constitutional and Administrative Law, Institute of Services, Tourism and Design, North Caucasus Federal University, PhD in Law, Associate Professor.
Тел.: 8 (928) 373-68-24.

**НАРОДОВЛАСТИЕ В ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ РОССИИ:
ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ТРАДИЦИИ**

Democracy in the history of Russian state: political and legal tradition

---

Статья посвящена становлению демократических традиций в России. Указывается, что в формировании российской государственности огромную роль играли институты народовластия – вече, казачья вольница, земские соборы и другие. Авторы приходят к выводу, что самобытность отечественной демократической эволюции власти обусловлена отсутствием городских традиций самоуправления и авторитарных механизмов управления в условиях постоянных военных конфликтов.

Ключевые слова: народовластие, демократические традиции, Древнерусское государство, государственность, вече, Земский собор.

The article analyzes the establishment of democratic traditions in Russia. It is stated that in the process of formation of Russian statehood played a huge role institutions of democracy – the council, the Cossack freemen, Zemsky Sobor, etc. Authors come to a conclusion, that identity of domestic democratic evolution of the power is caused by lack of city traditions of self-government and authoritative mechanisms of management in a situation of the constant military conflicts.

Keywords: democracy, democratic tradition, ancient Russian state, Russian state, council, Zemsky Sobor.

Важным в истории государственного права России является вопрос о формировании демократических традиций в нашей стране. В период Киевской Руси особой формой народовластия являлись вечевые институты управления. Вече – это народное собрание, важная составная часть политической организации древнерусского общества. «Народ и князь, – писал известный русский юрист В. И. Сергеевич, – суть два одинаковых существенных элемента древнерусского общественного быта: с одной стороны, народ не может жить без князя, с другой – главную силу князя составляет тот же народ. Участие народа в общественных делах проявляется под формой веча» [11, с. 1].

В отечественной истории государства и права не умолкают дискуссии о распростра-

ненности веча и его роли в некоторых землях [7, с. 46], в том числе в Киевской Руси. Один из ведущих историков И. Я. Фроянов полагает, что у князей не было законотворческих правомочий, и отмечает присутствие в системе власти Киевского государства народного веча по аналогии с Новгородской республикой [15, с. 27–28].

Так, в древнерусских источниках права указывается, что вечевые собрания существовали во многих княжествах. Однако со временем они исчезают, и в первую очередь это связано с татаро-монгольским нашествием. В северо-западных регионах – Новгороде, Пскове, Смоленске вече просуществовало дольше, так как в них степень разорения и мобилизации была значительно меньше, чем в иных землях.

После присоединения к Московскому государству вечевые институты исчезают в них окончательно.

В летописи Нестора можно встретить самое раннее упоминание о вече – совете полян, на котором совещались по поводу сбора дани для хазар. Более точная дата проведения первого вечевого собрания приводится в Повести временных лет: «...и удолжиша остоя град, и бе глад велик, и створиша вече в Белгороде» [5, с. 12].

Организаторами, руководителями и участниками веча являлись, как правило, юридически свободные люди и высшие лица – князья, церковные иерархи, бояре, богатые купцы.

У каждого вечевого собрания были свои лидеры, однако они не оказывали влияния на свободное волеизъявление «вечников». Элита не обладала механизмами, позволяющими игнорировать решения веча [11, с. 142].

Историк И. Я. Фроянов писал: «Вечевые сходы суть народные собрания в буквальном смысле слова. Состав вечевых собраний социально неоднороден: здесь встречаются как простые люди, так и “лучшие”, то есть знатные. Нет досаднее заблуждения, чем то, согласно которому народ на вече являлся чем-то вроде послушной овечки в руках знати. Напротив, глас народный на вече звучал мощно и властно, вынуждая нередко к уступкам князей и прочих именитых “мужей”. С помощью веча, бывшего верховным органом власти городов-государств на Руси второй половины XI – начала XIII века, народ влиял на ход политической жизни в желательном для себя направлении» [14, с. 4]. Однако вече не было постоянным органом власти, хотя принимало решения о войне и мире, утверждении договоров, приглашении князей.

Компетенция веча имела чрезвычайный характер. Главным предметом его ведения был вопрос о призвании и изгнании князя. В. И. Сергеевич отмечал: «Признание того или иного князя наследственным неизвестно древней России, но встречаются случаи добровольного ограничения права призвания только одной какой-либо отраслью потомков Рюрика. Соглашение народа с князем о его преемнике есть тоже призвание, но состоявшееся под влиянием особого благорасположения к прежнему князю» [11, с. 75]. Вече оформляло свои отношения с князем через ряд (договор), од-

ной из основных форм которого была присяга в виде крестоцелования.

Вече имело и свой регламент. Статья 108 Псковской судной грамоты закрепляет за вечевым собранием на постоянной основе право законодательной деятельности: «А которой строке поплиной грамоты нет, и посадником доложити господина Пскова на вече, да тая строка написать. А которая строка в сей грамоте не люба будет господину Пскову, ино та строка вольно выписать вон из грамот». Историки отмечают, что вече также могло принимать постановления, которыми регулировалась законодательная деятельность князей.

Следует отметить, что исторически существовали различные виды народных собраний в Древней Руси. Так, феодальное самоуправление возникло на основе местных собраний. Возрождение и применение термина «вече» объясняются сохранением его в практике древнерусской жизни с большим числом значений [2, с. 15]. Им обозначались и совещания знати, и собрания городских «меньших» людей, и военные советы, и даже заговоры и восстания.

Древнерусский город представлял собой самоуправляющуюся общину со своим внутренним порядком, судом и законодательством. «Это не только рыночная площадь, но и вечевая площадь, атрибутом которой нередко был вечевой колокол. В самом городе историки выделяют ряд самоуправляющихся единиц: “концов” или “улиц” в виде уличанских общин, в которые объединяются жители района какой-то одной профессии, ремесла. Исход политической борьбы в нашем древнерусском *civitas* нередко зависел от мнения уличанских общин. Наконец, надо помнить, что городская община Древней Руси имела собственный аппарат управления в виде не только вечевого собрания, но и выборных должностных лиц, главным из которых был “тысяцкий” (др.-рус. тысяцкий). В городе Москве, например, эта должность просуществовала вплоть до 70-х годов XIV века» [5, с. 231].

Однако татарское завоевание Руси принесло абсолютистское представление о власти князя, и почва для развития вечевой деятельности исчезла. После монгольского нашествия хозяйственная и культурная жизнь городов (за исключением Новгорода и Пскова) стала приходить в упадок, рост городского населения

прекратился. Возрождающиеся же города больше напоминали Восток, чем Запад [13]. Не происходило развитие городского права, корпораций и гильдий мастеров. Так, если в западноевропейском средневековом городе формировались самостоятельные организации горожан по профессиональному признаку, защищающие их интересы и регулирующие отношения как между членами объединения, так и с представителями иных союзов, то на Руси никогда не было профессиональных городских корпораций, как и городского права. Ремесленники по своему статусу были больше схожи с крепостными крестьянами, нежели с горожанами в западном понимании. Несколько в лучшем положении находилось купечество, которое объединялось в организации, подобные гильдейским. Создатель всемерного «регулярства» Петр I организовал гильдейство «сверху»: в 1721 году Регламентом Главного магистрата было объявлено обязательным создание гильдий во всех городах. Посадское население было разделено на «регулярных» и «нерегулярных». Первые, в свою очередь, делились на гильдии по имущественному признаку. Все это происходило в XVIII веке, когда на Западе цеховой (гильдейский) порядок уже давно изжил себя.

Следует отметить, что развитию демократии не способствовали военные угрозы тех времен. Средневековые русские города – это укрепленные центры княжеской власти, а уже затем экономические центры.

Серьезный импульс демократизации власти дало казачество. При этом самобытность народовластия не только казачества, но и вообще демократии на Руси отмечается многими исследователями. «Вечевой идеал распадается на противоположные и взаимопроникающие идеалы: соборный и авторитарный», – указывает И. В. Кондаков [10, с. 69]. Вече и князь, царь и Дума, Верховный Совет, Пленум ЦК и Генсек, Президент и Администрация Президента – постоянные параллели в истории отечественного государственного права. В рамках такой демократии «дела решались не по большинству голосов, не единогласно, а как-то совершенно неопределенно сообща», – писал В. Д. Кавелин [8, с. 67–68].

Противоположным (по отношению к политической пассивности, безропотности и терпимости) вектором народных душевных уст-

ремлений является идея безвластия, ухода от государства, его гнета и деспотии, что ярко выражено в идеях русской вольницы, бунта и казачества. Этот вектор и можно считать своеобразным проявлением демократизма.

Как известно, казачество существовало в виде социальных образований с особым укладом экономической и политической жизни. Его отношения с государством были сложны, зачастую враждебны, строились на договорах. Управление осуществлялось в них в форме прямой демократии, не имеющей правовой регламентации. В ее внутреннем устройстве явно прослеживались общинные начала [1, с. 312]. Форма этой власти с трудом поддается характеристике посредством современных политических понятий, так как это было единство народоправства с жесткой авторитарной властью казачьих лидеров (Богдана Хмельницкого, Степана Разина и других).

Образ казацкого «вольного товарищества» глубоко укоренился в русской ментальности. Русский человек всегда невольно обращал свои думы в «дикое поле» и рисовал в своем воображении понизовую, свободную вольницу.

Интересен анализ Н. Н. Алексеева былинных представлений нашего народа о государстве и князе, в рамках которого казацкий идеал власти представлялся стихией воли, свободы, известной реализации народной мечты. В русском былинном эпосе, посвященном подвигам Ильи Муромца и других богатырей, Русь представляется стихией, где свободно и вольно возникают властные отношения. На добровольных началах служат русские богатыри князьям, «свободно бродят... по русской земле, набирают вольные дружины, уезжают с ними в степь, бьются с басурманами, приходят к князьям и их выручают» [1, с. 103]. Те радуются богатырям, принимают их как дорогих гостей, дарят им подарки. «Не долг повиновения, а свободная воля – вот отношения богатырей к князю» [1, с. 104]. Князья показывались или смешными, слегка трусливыми, или демократичными, мужицкими, приглашающими к себе за стол бродячих людей, разбойников, гольгтыбу. Народ чувствует силу казацкой стихии, дикой вольницы и даже склонен, как показывает Н. Н. Алексеев, к идеализации этой силы при сопоставлении ее с князем.

Казацкий идеал можно назвать народным, демократическим. Но в таком народовластии

нет места праву, организующему началу, это демократия первобытная, кочевая, политическая аморфная, стихийная, полуанархическая.

Близкими по духу к идеалам казачества являются принципы российского сектантства, исходящие из неприятия русского правительства. «Уход от государства, равносильный уходу от мира, – таково было самобытное слово народных русских религиозных движений, оторвавшихся от ...официальной церкви» [1, с. 110].

Завершая краткий обзор демократических начал в эпоху Московского государства, нельзя не сказать о земских соборах и Боярской думе. Как известно, во всех русских землях действовали княжеские думы. Это был постоянный совет при князе, состоящий из дружинников – ближайших его соратников и лиц духовного звания. Именно с ними князь обсуждал важнейшие государственные вопросы.

Постепенно княжеские думы трансформировались в боярские и заняли прочное место в политической жизни Московского царства. Как отмечал М. Ф. Владимирский-Буданов, «Дума была вспомогательным учреждением при самодержавной власти» [4, с. 111], в обязанности которого входило правотворчество и решение внешнеполитических проблем. Как правило, решение принималось в такой форме: «государь указал, и бояре приговорили» или «по государеву указу бояре приговорили». Полномочия Думы не были зафиксированы нормативно, но определялись, как и власть царя, обычаями и традициями, что подтверждают тексты Судебников 1497 и 1550 годов, а также Соборное уложение 1649 года. В Боярскую думу входили далеко не все представители правящей элиты, а лишь те, которых назначал царь. Поэтому ее нельзя считать представительским учреждением в современном понимании. Боярская дума впоследствии была трансформирована в Сенат и просуществовала до конца XVII века.

Еще одним институтом представительской власти являлись земские соборы, оказавшие существенное влияние на жизнь Московского государства XVI–XVII веков. Это был двухсоставный орган представительской власти. В него входили представители всех основных сословий: бояре, начальники приказов, епископы, духовенство, горожане и даже черносот-

ные крестьяне. Земские соборы могли выбирать царя, решать вопросы внешнеполитического характера, определять налоговую политику, внутренний мир и порядок. По мнению М. Ф. Владимирского-Буданова, «Земский собор не есть элемент власти, противоположный власти царской и Боярской думы. Он есть орган власти... включающий в себя и царя, и Думу» [4, с. 183].

В исторической науке можно встретить разноплановые оценки земских соборов в контексте политической самобытности России. Одни исследователи считают их высшими органами государственной власти, другие относят их к числу совещательных или законосовещательных советов при царе. Третьи полагают, что этот вопрос нельзя решать с точки зрения конституционной теории, в качестве аргумента указывая тот факт, что проведение земских соборов со стороны верховной царской власти было не обязательным, но фактически необходимым для легитимации принятых решений [3, с. 112]. И. А. Исаев отмечает, что в период Смуты собор, а не молодой царь, правил страной в полном смысле этого слова [5, с. 221]. М. Ф. Владимирский-Буданов указывал еще одно правомочие собора – право подачи петиции (челобитья), которое можно рассматривать как законодательную инициативу.

Историки не признают преемственности между вечевыми традициями и земскими соборами, так как видят связь их с церковными поместными соборами. Так, И. А. Исаев полагает, что в основе земских соборов лежит идея представительства, совершенно чуждая идее представительства, выработанной на Западе, так как в России представительство есть не привилегия, а обязанность, род государственной службы. «Административная нужда» заставляет учредить еще один вид службы в середине XVI века. «На Земском соборе представлен не народ, не сословия, а служилые чины – само государство. Земский собор – это форма представительства государства самого себя! Структура этого явления удачнее всего может быть представлена в виде саморефлексирующей идеи вполне в гегелевском духе. Этим объясняется невероятная мощь государства, его культ в русской истории, выраженный в известном афоризме О. В. Ключевского “Государство пухнет, народ хиреет”. Сверхэтизм русского типа правопонимания начинает

формироваться именно в это время, в эту эпоху, и ничего с этим не поделаешь!» [5, с. 222]. В приведенных выше словах и заключается самобытность отечественных демократических традиций: государство всегда занимало глав-

ное место в политическом и правовом мировоззрении русского человека, не представляющего себе возможным антагонизм между государством и иллюзорным гражданским обществом.

Литература

1. Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 1998.
2. Алешкова Н. П. Конституционно-правовые основы муниципального правотворчества в Российской Федерации: монография. Екатеринбург, 2012.
3. Булаков О. Н., Рязанцев И. Н. Парламентское право России: курс лекций / под ред. О. Н. Булакова. М., 2007.
4. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1907.
5. Исаев М. А. История Российского государства и права: учебник. М., 2012.
6. Исаев М. А. История государства и права зарубежных стран. М., 2013.
7. История отечественного государства и права / под ред. О. И. Чистякова. М., 1992.
8. Кавелин К. Д. Взгляд на юридический быт древней России // Наш умственный строй. М., 1989.
9. Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 1957. Т. 2.
10. Кондаков И. В. Введение в историю русской культуры (теоретический очерк). М., 1994.
11. Сергеевич В. И. Вече и князь: русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. 1-е изд. М., 1867.
12. Сергеевич В. И. Древности русского права: в 3 т. Т. 1: Территория и население. М., 2006.
13. Сметанникова Т. А. Становление городского правопорядка в средневековье // История государства и права. 2007. № 14.
14. Фроянов И. Я. Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов // Вопросы истории. 1991. № 6.
15. Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980.

Bibliography

1. Alekseev N. N. Russian people and the state. Moscow, 1998.
2. Aleshkova N. P. Constitutional and legal foundations of municipal law-making in the Russian Federation: monograph. Ekaterinburg, 2012.
3. Bulak O. N., Ryazantsev I. N. Parliamentary law of Russia: course of lectures / ed. H. E. Bulakova. Ekaterinburg, 2007.
4. Vladimirsky-Budanov M. F. Review the history of Russian law. Kiev, 1907.
5. Isayev M. A. History of the Russian state and law: textbook. Moscow, 2012.
6. Isayev M. A. History of state and law of foreign countries. Moscow, 2013.
7. History of domestic state and law / ed. O. I. Chistyakov. Moscow, 1992.
8. Kavelin K. D. A look at the legal life of ancient Russia // Our mental system. Moscow, 1989.
9. Klyuchevsky V. O. The course of Russian history. Moscow, 1957. Vol. 2.
10. Kondakov I. V. Introduction to the history of Russian culture (theoretical essay). Moscow, 1994.
11. Sergeevich V. I. Veche and Prince: Russian polity and governance in times of Rurik princes. 1st ed. Moscow, 1867.
12. Sergeevich V. I. Antiquities of Russian law: in 3 vols. Vol. 1: Land and people. Moscow, 2006.
13. Smetannikova T. A. The formation of urban law and order in the Middle Ages // History of state and law. 2007. № 14.
14. Froyanov I. Ya. Historical realities in the chronicle tale about calling Vikings // History questions. 1991. № 6.
15. Froyanov I. Ya. Kievan Rus. Essays on the socio-political history. Leningrad, 1980.

Апольский Евгений Александрович
Apolsky Evgeny Alexandrovich

доцент кафедры теории и истории государства и права Ростовского института (филиала)
Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Ростов-на-Дону).

Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Rostov Institute (branch) the
Russian Law Academy of the Ministry for Justice of the Russian Federation (RPA Russian Ministry of Justice)
(in Rostov-on-Don).
Тел.: 8 (905) 468-64-17.

Киселев Анатолий Кириллович
Kiselev Anatoly Kirillovich

профессор кафедры административного и финансового права Северо-Кавказского федерального университета
доктор исторических наук, доцент.

Professor of the Department of Administrative and Financial Law, North-Caucasus Federal University,
Doctor of History, Associate Professor.
Тел.: 8 (918) 886-65-68.

**УЧЕНИЯ О РУССКОЙ ПРАВДЕ В РОССИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА
(ОПЫТ ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАЗРАБОТКИ)**

**Teachings about Russian Truth in Russia in the XIX – early XX century
(experience of the thesis development)**

В статье анализируются магистерские и докторские диссертации по государственному праву Российской империи, предметом исследования которых выступала Русская Правда. Рассматриваются и сопоставляются цели, задачи и результаты, полученные учеными-правоведами дореволюционного периода в своих работах.

Ключевые слова: Русская Правда, диссертация, государственное право, университет.

The article analyzes the masters and doctoral theses on state law of the Russian Empire, the subject of study in which was Russian Pravda. The purposes, tasks and results received by scientists-jurists of the pre-revolutionary period in the works are considered and compared.

Keywords: Russkaya Pravda, theses, state law, university.

Отечественные дореволюционные ученые-правоведы, проводившие диссертационные исследования и защищавшие магистерские и докторские диссертации по государственному праву, отдельное внимание уделяли разработке источников права, в первую очередь законов. Однако, несмотря на то, что указанная проблематика не была столь «популярной» в научных кругах, как, к примеру, вопросы становления и развития государственной власти в истории Российского государства (в этой сфере присуждено девятнадцать ученых степеней), все же можно говорить о сформировавшейся картине научной диссертационной разработки так называемого «учения о законе» (подготовлены и прошли процедуру публичной защиты восемь работ).

Из общего количества диссертаций в трех

предметом исследования выступала Русская Правда. Представляется необходимым изучить цели, задачи, содержание указанных работ, а также выявить и систематизировать полученные в них результаты исходя из критерия отнесения их к тем или иным формам научного знания (гипотезам, идеям, концепциям, закономерностям, теориям).

Первым из отечественных государствоведов «полное объяснение Русской Правды» попытался осуществить Н. В. Калачов, в результате чего защитил магистерскую диссертацию в 1846 году в Московском университете [1, с. 1].

Обосновывая во введении к работе актуальность выбранной темы, автор подчеркивает недостаточность имеющихся трудов по исследованию Русской Правды, а также задается вопросом: «Что же предстоит нам сделать

для того, чтоб этот драгоценный памятник возвести, с одной стороны, на степень источника несомненного по достоверности, с другой же стороны, для того, чтоб превратить его в сокровищницу, откуда не только историки и юристы брали бы материалы для своих исследований, но и филологи могли бы смело и свободно черпать отдельные слова и даже целые выражения, а простые любители старины, читая этот памятник, находили бы в нем, как в светлом зеркале, отражение духа и мыслей древних обитателей великого Русского царства?» [1, с. 1].

Ответ на свой вопрос и одновременно план действий, ведущих к полному объяснению Русской Правды, Н. В. Калачов предлагает здесь же, во введении к диссертации, указывая следующие этапы масштабной работы:

1. Полное издание текста Русской Правды, то есть всех древних и важнейших списков, которые на основании разных признаков следует разделить на фамилии или разряды и напечатать без всяких изменений в сравнении с рукописями, из которых они заимствуются.

2. Филологическое объяснение как отдельных слов, так и целых выражений и оборотов речи, используемых в тексте Русской Правды, с указанием того, в каких русских, преимущественно древнейших, но и более новых памятниках (до конца XVII столетия) они встречаются, с историческим обозрением их значения в разное время.

3. Юридическое объяснение Русской Правды, включающее в себя: а) полное изложение содержания ее так, чтобы при этом, по возможности, не было опущено ни одного выражения, мысли или даже намек на древний юридический быт нашего отечества (согласно с текстом, изданным по всем спискам объясняемого памятника); б) сравнение этого содержания с русскими памятниками, юридическими и неюридическими (начиная от древнейших времен до XVII века включительно), для определения истинного значения, которое в различные периоды должны были иметь указываемые в тексте обычаи, законы и даже частные случаи.

4. Издание критически очищенного текста, то есть текста, составленного только из тех статей, которые по своему содержанию и форме, несомненно, могли принадлежать памятнику XI века. К очищенному тексту более

поздние по времени статьи должны быть приложены в виде прибавлений, с обозначением, к какому именно столетию каждая из них относится, разделяя их по содержанию так, чтобы новые статьи были напечатаны под именем дополнений к древнейшим статьям, а сходные с изданными прежде – в виде изменений, которым, по необходимости, должны были подвергнуться первоначальное содержание и форма Русской Правды отчасти вследствие признания ее источником права, а также в результате небрежности переписчиков. К очищенному таким образом тексту может быть приложен перевод всех статей, сделанный на основании предшествовавших объяснений, филологических и юридических.

5. Разработка критических выводов относительно образа составления Русской Правды, ее подлинного содержания в XI, XII и других столетиях, ее достоинства как источника права и памятника не только отечественного законодательства, но и словесности, а также тезисов, которые могут казаться особенно важными для филолога, историка и философа [1, с. 2–17].

Таким образом, по мысли ученого, Русская Правда может быть возведена в степень несомненного источника древней истории русского права, а также утверждена в значении памятника, представляющего сокровищницу древностей.

Предложив общий план работы по полному объяснению Русской Правды, Н. В. Калачов в своей диссертации приводит исследование, направленное на формирование основания для подробного юридического анализа данного памятника права. В диссертации решаются четыре задачи: 1) изучение изданий и сочинений, относящихся к Русской Правде; 2) критическое обозрение известных списков Русской Правды с юридической точки зрения; 3) систематическое изложение и издание полного в юридическом отношении текста Русской Правды; 4) указание на юридические памятники, находящиеся в особенной связи с содержанием Русской Правды.

Завершив сравнительный анализ известных списков Русской Правды, ученый приходит к выводу, что «кормчие и сборники весьма разнообразного содержания (впрочем, большей частью духовного) суть единственные памятники, содержащие в себе Русскую Прав-

ду» [1, с. 72]. Гипотеза, высказанная при этом автором, состоит в том, что все дальнейшие поиски и открытия новых списков Русской Правды не принесут никакой значительной пользы для ее верного объяснения: отыскание же их в летописях и собственно так называемых сборниках есть дело слишком случайное, которое, судя по известным данным, также должно оказаться приобретением довольно мало важным.

Далее Н. В. Калачов на основании рассмотренных им списков Русской Правды представляет общую их редакцию, с помощью которой все вновь открываемые списки легко можно будет отражать в виде вариантов. Поясняется, что все статьи Русской Правды можно разделить на некоторые общие группы для удобства использования документа. Автор излагает статьи Русской Правды в следующем порядке: 1) понятия и статьи, относящиеся к государственному праву (в особенности полицейскому); 2) понятия и статьи по гражданскому праву (праву по обязательствам и праву наследственному); 3) понятия и статьи, относящиеся к преступлениям и наказаниям; 4) понятия и статьи, касающиеся судопроизводства.

Наконец, в заключении диссертации Н. В. Калачова содержится обзор юридических памятников, находящихся в «особенной» связи с содержанием Русской Правды. К ним отнесены: «1) извлечение из книг Моисеевых; 2) земледельческие законы императора Юстиниана; 3) законы императоров Льва и Константина; 4) Закон градский; 5) так называемый Судебник Царя Константина; 6) главы о послухсах; 7) уставы о церковных судах Великих Князей Владимира, Ярослава и Всеволода; 8) статьи под заглавием «Правило законно о церковных людях и о десятинах и о мерилех городских»; 9) договор смоленского Князя Мстислава Давидовича с Ригой и Готландией» [1, с. 140].

Очередное диссертационное исследование Русской Правды состоялось лишь спустя тридцать пять лет, когда П. Н. Мрочек-Дроздовский в 1881 году в Московском университете защитил докторскую диссертацию, предметом которой выступают источники, содержащие информацию о деньгах Русской Правды.

Во введении автор обосновывает актуальности темы подчеркивает, что, несмотря на большое количество литературы о Русской

Правде, а также выдающиеся достоинства некоторых исследований о ней, «делу объяснения и разработки нашего памятника еще далеко до желанного конца, наши ученые еще не сказали о Русской Правде последнего слова» [2, с. 1].

В диссертации П. Н. Мрочек-Дроздовский отдает должное рассмотренному выше исследованию Н. В. Калачова и называет этот труд «надолго вперед единственным». Целью работы П. Н. Мрочек-Дроздовского является рассмотрение и сильное разрешение тех частных вопросов о древнерусских деньгах, от которых непосредственно зависит понимание толкуемого памятника. По его словам, в Русской Правде упоминаются такие денежные единицы, как гривны (золота, серебра и просто гривны), ногаты, куны, резаны и векши, или веверицы. Автор намеревается в работе ответить на вопросы о том, были ли это меха или металлические ценности, каковы отношения этих упоминаемых в Правде ценностей между собой, что такое куна, каковы соотношения ногат, кун, резан к гривне.

Структура диссертации соответствует поставленным задачам и выглядит следующим образом:

I. Куны как деньги вообще.

II. Свидетельства: а) о металлических ценностях; б) мехах; в) кожаных деньгах.

III. Гривна золота, серебра, кун.

IV. Части гривны: ногаты, куны, резаны, векши (веверицы).

Так, первая глава посвящена выяснению вопроса об общих наименованиях денег в эпоху Русской Правды. Здесь автор заключает, что словом «куны» без количественного обозначения в древности называли деньги в общем смысле [2, с. 4].

Во второй главе идет речь о различных оборотных ценностях Древней Руси, носивших общее название кун. Основной тезис ученого гласит, что «древнерусские куны в смысле денег были вообще металлические, а именно серебряные; ... о мехах, а тем более о кожаных деньгах, мы можем говорить лишь там, где о них именно говорится в памятниках или если указание на них несомненно» [2, с. 33]. Автор подчеркивает, что меха употреблялись в Древней Руси в качестве денег, хотя и при фактическом преобладании денег металлических. Несомненным считает автор тот факт, что древнейшими русскими деньгами были меха,

впоследствии они уступают роль официальных кун металлическим слиткам, которые позже заменяются медальной монетой.

О кожаных деньгах П. Н. Мрочек-Дроздовский говорит, что они весьма сомнительны в качестве подлинных монет: в таких монетах не могло быть никакой надобности, так как в них совершенно невозможно предположить никакой цены, кроме номинальной; «не заметно, чтобы они употреблялись на одежду или на какую-либо иную потребу» [2, с. 44]. Словом «мордка» могла обозначаться металлическая монета с изображением куницы или иного пушного зверя.

В третьей главе проводится исследование денежных единиц эпохи Русской Правды, при этом подчеркивается, что в юридических памятниках встречаются гривна, ногата, куна, резана (резан) и векша (веверица).

Отдельно автор останавливается на исследовании веса гривны, в результате чего замечает следующее: 1) как в Новгороде, так и в Киеве, гривна кун, то есть гривна как денежная кунная единица, по весу находилась в одном и том же отношении к гривне серебра, равняясь полуфунту; разница лишь в величине самого фунта как основной единицы; 2) нумизматические гривны суть ничто иное, как новгородские гривны кун, тогда как найденные в 1826 году в Киеве слитки весом в 1/3 (почти) фунта суть киевские гривны кун; 3) смоленский кунный вес, как и низовский, был и остался впоследствии вдвое легче новгородского, доказательством чему служит свидетельство Мстиславова договора; этому весу вполне соответствуют нумизматические рубли, то есть слитки весом в 1/4 обыкновенного фунта [2, с. 80].

Обозревая в целом результаты появления гривны кун, ученый говорит, что, сделавшись более легкой, чем единица собственно весовая, кунная гривна с течением времени стала отличаться от весовой и достоинством металла, уменьшаясь вместе с тем и в весе. Эти два обстоятельства (очернение старой кунной гривны и уменьшение ее первоначального веса), по мнению П. Н. Мрочек-Дроздовского, в конце концов привели к полному упадку кунных ценностей в Древней Руси.

В заключительной главе анализируются денежные единицы эпохи Русской Правды, в частности полугривны, ногаты, резани и векши (части гривны). Здесь же сформулируются тезисы относительно падения в цене древних

кун: а) окончательное падение кунных денег произошло в течение XV столетия, и в следующем веке они совершенно исчезли из употребления, так что XV век можно считать последним в истории древнерусской кунной системы; б) старые куны падают, исчезают и заменяются рублями, алгынами и деньгами [2, с. 128].

Последним из тех, кто до Революции 1917 года в России занимался исследованием Русской Правды в рамках диссертационной разработки, был Н. А. Максимейко, который в 1915 году в Киевском университете подверг анализу Краткую редакцию Русской Правды в качестве: а) свода новгородско-киевского права; б) сборника, обе части которого составлены в одно время одним и тем же лицом; в) памятника национального самоопределения русского общества в области права. Кроме того, в работе рассматриваются вопросы о влиянии римского права на Краткую редакцию Русской Правды и отдельные ее списки.

При оценке результатов этого исследования нельзя не отметить, что Н. А. Максимейко смело опровергает некоторые устоявшиеся в науке взгляды на суть рассматриваемого правового памятника и обосновывает свою позицию. Так, в начале работы в противоположность распространенному среди современников автора мнению о том, что две части Краткой Правды (с 1-й по 17-ю статьи и с 18-й статьи до конца документа) составлены в разное время, ученый заявляет, что части Краткой Правды «отделяются одна от другой не столько временем их составления, сколько областными различиями права, в них отразившегося. Именно первая половина ее, по-видимому, есть памятник новгородского права, тогда как вторая – принадлежит к системе права, по всей вероятности, действовавшего в Киевской Руси» [3, с. 1]. Это положение автор в ходе разработки вопроса подкрепляет и выводом о том, что общерусского права как реального явления на ранних этапах развития государства не существовало. В. Н. Латкин представляет его лишь как «свод разнообразных областных прав с сохранением всех местных особенностей... как научную систему, устанавливающую средние, равнодействующие, общеобязательные нормы, повсеместно применяемые, с устранением всего того, что составляло своеобразные черты и признаки отдельных областей» [3, с. 10].

Ученый далее утверждает и обосновывает выдвинутый им тезис о том, что обе части Краткой Правды написаны одновременно одним и тем же лицом, а также называет поводы к составлению Русской Правды: принятие христианства и последовавшее затем распространение в России греческого права в виде Номоканона. В области светских и гражданских отношений, по мнению автора, принимая во внимание отсутствие государственного единства, не существовало никакой необходимости в сборнике общерусского права, а если он все же появился, то в этом следует видеть акт простого подражания Номоканону (отечественной Кормчей книге), не вызываемого практической необходимостью [3, с. 52, 103].

В четвертой главе Н. А. Максимейко определяет степень влияния римского права на Краткую редакцию Русской Правды и выдвигает гипотезу, к которой сам же предрекает скептическое отношение со стороны читателей из-за существенного расхождения высказанной идеи с историко-юридической наукой. Суть гипотезы состоит в том, Русская Правда создавалась под влиянием римского права, поскольку составитель Краткой Правды, писавший свой труд в XI веке, мог иметь сведения о законодательстве Юстиниана (так как существовали греческие переводы) и понимать его (благодаря комментариям и сокращенным изложениям) [3, с. 114, 116]. Такие оригинальные выводы и составили основной результат работы Н. А. Максимейко.

Таким образом, рассмотренные диссертации представляют собой оригинальные теоретико-правовые и историко-правовые исследо-

вания, направленные на изучение различных аспектов и вопросов, связанных с разработкой, принятием и применением Русской Правды. Тот факт, что защищались эти диссертации по специальности «Государственное право» обусловлен отсутствием на протяжении XIX – начала XX века возможности получать ученые степени магистра и доктора права по истории права и общей теории права: эти «разряды наук» не были включены в перечень официальной научной номенклатуры.

Характерно также и то, что из всех юридических памятников именно Русская Правда стала объектом определенного внимания при подготовке диссертаций, остальные источники (Судебники 1497, 1550 годов, Соборное уложение 1649 года и другие) авторами не анализировались.

Обзор результатов, полученных авторами, позволил систематизировать их по критерию отнесения к формам научного знания, которые были выявлены в двух из трех диссертаций: гипотезы о дальнейших поисках новых списков Русской Правды (Н. В. Калачов) и влиянии римского права на составление Русской Правды (Н. А. Максимейко).

Представляется, что поиск и систематизация форм научного знания, полученных в историко-правовых и теоретико-правовых диссертациях, должны быть продолжены применительно к советскому и постсоветскому периодам, что позволит в будущем создать единую электронную базу авторских научных достижений для объективной оценки новых научных результатов.

Литература

1. Калачов Н. В. Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды (рассуждение, написанное для получения степени магистра кандидатом прав Николаем Калачовым). М., 1846.
2. Мрочек-Дроздовский П. Н. Исследования о Русской Правде. Вып. 1: Опыт исследования источников по вопросу о деньгах Русской Правды. М., 1881.
3. Максимейко Н. А. Опыт критического исследования Русской Правды. Вып. 1: Краткая редакция. Харьков, 1914.

Bibliography

1. Kalachov N. V. Preliminary legal information for a full explanation of the Russkaya Pravda (discourse written for master's degree by candidate of law Nikolay Kalachov). Moscow, 1846.
2. Mrochek-Drozдовsky P. N. Researches on the Russkaya Pravda. Issue 1: Results of the studies on the sources about money in the Russkaya Pravda. Moscow, 1881.
3. Maksimeiko N. A. Results of the critical researches of the Russian Pravda. Issue 1: Brief redaction. Kharkov, 1914.

Небратенко Геннадий Геннадиевич
Nebratenko Gennady Gennadievich

профессор кафедры теории и истории государства и права Ростовского юридического института МВД России доктор юридических наук, доцент.

Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor.

E-mail: gennady@nebratenko.ru

**О ДАТЕ ОБРАЗОВАНИЯ И СТАРШИНСТВЕ ДОНСКОЙ ПОЛИЦИИ
С 20 ОКТЯБРЯ 1800 ГОДА (ПО НОВОМУ СТИЛЮ)**

**On date of foundation and seniority in the don police
from october 20, 1800 (new style)**

Статья посвящена исследованию возникновения Донской полиции и определению ее старшинства, то есть даты образования, и анализу специфики. Автор вводит в научный оборот оригинальный текст войсковой грамоты, подготовленной в конце XVIII столетия и сыгравшей важную роль в создании органов правопорядка на Дону. Важной источниковедческой базой в разработке этой темы являются фонды Государственного архива Ростовской области и материалы Полного собрания законов Российской империи.

Ключевые слова: история полиции, Донская полиция, история органов внутренних дел, Донское казачье войско.

The article is devoted to rise of the don the police and the determination of her seniority, that is, the date of formation. The author introduces for scientific use of army letters, prepared at the end of the eighteenth century, relevant to the topics. Important source database in its development are the funds of the State archive of the Rostov region and the Complete collection of Russian Empire.

Keywords: police history, Don police, history of the internal affairs bodies, Don Cossack Host.

Термин «Донская полиция» прочно укоренился в общественном сознании жителей Ростовской области и соседних с ней регионов, в то время как Ростовская полиция воспринимается в качестве локального обозначения органа правопорядка г. Ростова-на-Дону.

Этимологическая специфика названия предопределена историей ее образования, имеющей самобытный характер, непосредственно не обусловленный развитием органов правопорядка других регионов. Донской край, в разные годы официально именовавшийся Войском Донским (1570–1793), землей Войска Донского (1793–1870), областью Войска Донского (1870–1918), Всевеликим Войском Донским (1918–1920), Донской областью (1920–1924), Северо-Кавказским краем (1924–1937), Азово-Черноморским краем (1934–1937) и Ростовской областью (1937 – по н. в.), в период Российской империи являлся отдельным субъектом государства и управлялся на основе «Особых правил». Автохтонное (коренное) население

Нижнего Дона составляли преимущественно казаки, обладавшие особым правовым статусом: сословными привилегиями и повинностями (правами и обязанностями). Впрочем, с начала XVIII века численность жителей неказачьего происхождения постоянно возрастала и к началу XX столетия превысила казачье. Первая мировая и Гражданская войны, политика «красного террора» по отношению к нелояльному советской власти казачеству значительно усилили данную тенденцию.

Вышеупомянутые исторические факты обусловили процесс зарождения и развития Донской полиции. В то же время органы правопорядка региона развивались в русле правоохранительной системы Российского государства, испытывая влияние общих закономерностей: термин «полиция» происходит от древнегреческого слова polis, то есть «город», и официально первые полицейские структуры создавались в крупных городах. До начала XIX века единственным городом земли

Войска Донского являлся ее административный центр Черкасск (ныне Старочеркасское сельское поселение (станица) Аксайского района Ростовской области), и именно в нем глава государства впервые учредил Донскую полицию. Произошло это в 1800 году, практически одновременно с созданием Донской прокуратуры, следственных органов, суда, служб по налогам и сборам, межеванию и земельному кадастру (с июня по октябрь т. г.). Указом императора Павла I от 08 октября 1800 года № 19591 создана «Экспедиция полиции в городе Черкасске».

Впрочем, созданию Донской полиции предшествовал период зарождения, когда ее обязанности выполняли органы казачьего самоуправления, причем используя для этого обычное право. Два войсковых есаула из числа уважаемых казаков обеспечивали правопорядок в войсковом круге (высшем органе власти Войска Донского в XVI–XVII столетиях), а также в городе Черкасске. Для борьбы с «воровскими казаками» войсковой круг направлял «походные отряды» во главе с выборным «нарочным старшиной», а в 1743 году войсковой атаман Д. Е. Ефремов разделил территорию Донского края на округа, определив в каждый из них «нарочного по череду старшину», действовавших на постоянной основе. В дальнейшем при «нарочных», а потом «сыскных старшинах» появились собственные канцелярии и казачьи команды, руководствовались приказами войскового атамана, постановлениями Войсковой канцелярии и обычаями казаков. Около 1780 года вместо «канцелярий старшин по сыску беглых» в донских округах сформировались «сыскные начальства», однако эти учреждения не имели законодательной базы и производных от них служебных регламентов, что мешало профессиональному становлению, добиться которого позволяла организация на законном основании.

В первую очередь в соответствии с указом императора Павла I от 11 июня 1800 года № 19447 при региональном правительстве был назначен «войсковой прокурор, на правах губернских», которым стал коллежский асессор А. Л. Миклашевич, прибывший из Архангельской губернии. Далее, согласно указу от 23 июля 1800 года № 19490, «присутствующим по старшинству в Войсковой канцелярии» был назначен генерал от кавалерии И. И. Репнин. Прибыв в край 05 августа 1800 года вместе с генерал-адъютантом С. А. Кожиным, он занялся

инспектированием и совершенствованием регионального управления. Уже 20 августа 1800 года генерал-адъютант С. А. Кожин издал «ордер» (приказ), адресованный Войсковой канцелярии, о введении должности «смотрителя Черкаска и принадлежащих к нему станиц», административном разделении города на несколько частей, назначении «частных приставов», выполнявших полицейские обязанности. Кроме того, «на случай пожара или какой-либо тревоги» при смотрителе состояла еженедельно сменяемая команда из одиннадцати казаков.

С появлением должности смотрителя в столице земли Войска Донского начался процесс становления городской полиции, причем некоторые заложенные в ордере от 20 августа 1800 года нормы были заимствованы из Устава благочиния или полицейского (ст. № 5 «О разделении города на части», ст. № 7 «Определение частного пристава», ст. № 35 «Управа благочиния бдение имеет, дабы никто беглых не принимал, не держал и не укрывал») [7, с. 42]. Впрочем, должность смотрителя и ордер С. А. Кожина носили временный и не вполне очевидный характер, не имели нормативно-правового значения, а основные исторические события произошли несколько позже. Войсковой прокурор вместе с Войсковой канцелярией в августе 1800 года подали главе государства представление (докладную записку) о множестве рассматриваемых региональным правительством дел, необходимости реформы Войсковой канцелярии и создании трех подчиненных ей новых структурных подразделений, именовавшихся «экспедициями»: «для дел криминальных», «для гражданских и тяжёбных дел», «для казенных дел, касательно податей казенных».

Результатом выдвинутой инициативы стал указ Правительствующего Сената от 06 сентября 1800 года № 19547, утвердивший предлагавшиеся нововведения, установивший, что экспедиции должны состоять из трех «способных и благонадежных» донских чиновников (дворян из числа казаков) и необходимого количества «канцеляристов». Производство дел в экспедициях осуществлялось на основе российского законодательства, но их решения вступали в силу только после утверждения в региональном правительстве. Однако эти преобразования оказались недостаточными, и войсковой атаман В. П. Орлов вместе с генералом от кавалерии И. И. Репниным предложили создать еще три экспедиции.

Подготовленное представление было направлено на утверждение императору Павлу I, который на его основе указом от 08 октября 1800 года № 19591 учредил «Экспедицию межевых дел», «Экспедицию полиции в городе Черкасске» и «Сыскное начальство, соответствующее земскому суду». На эти органы распространялись организационные положения указа от 06 сентября 1800 года, при этом сыскное начальство не являлось унитарным учреждением, а состояло из семи окружных начальств, о которых ранее уже упоминалось. Павел I узаконил их существование, обязав при выполнении служебных обязанностей руководствоваться нормативно-правовыми актами. Начальства по правовому статусу были приравнены к нижним земским судам Российской империи, функционировавшим в сельской местности на основе Учреждения для управления губерний 1775 года. Нормы этого правового акта в части, касающейся работы сыскных начальств, распространялись на землю Войска Донского, тем самым предопределив создание на Дону не только городской полиции, но и окружной, то есть функционирующей в сельской местности.

Для руководства Экспедицией полиции в городе Черкасске введена должность полицмейстера, предусматривающая выполнение функций смотрителя Черкаска. Вместе с полицмейстером в состав Экспедиции вошли пристав уголовных дел и пристав гражданских дел, а также канцелярские служащие. Частные приставы и еженедельно сменяемая казачья команда, ранее подчинявшиеся смотрителю Черкаска, продолжили свою деятельность на прежних основаниях под началом полицмейстера. Назначение на должности трех членов полицейской экспедиции производилось Сенатом по представлению войскового атамана, после чего в войсковом храме чиновники приводились к присяге. Первым черкасским полицмейстером стал полковник А. Е. Греков (девятый). Об этом упоминается в войсковой грамоте от 27 ноября 1800 года, направленной региональным правительством в Хоперское сыскное начальство. В конце статьи прилагается текст этого документа, который впервые вводится в научный оборот. При Грекове в должности приставов состояли войсковой старшина М. Д. Платов (пятый) и есаул Н. Л. Денисов.

О первых донских полицейских в настоящее время известно следующее. Греков Алексей Евдокимович (Греков 9-й) (1760–1819) – родом

из старшинской семьи. Впервые назначен на должность войскового есаула 12 сентября 1786 года. Произведен в полковники 28 октября 1799 года. С 28 ноября 1800 года служил в Черкасской полицейской экспедиции [1, с. 15].

Платов Михаил Демьянович (Платов 5-й) родился около 1758 года в казацкой семье. В Экспедиции для полицейских дел служил с 29 ноября 1800 года, затем – в команде подполковника Апостолова с 25 июня 1802 года при заставе для сбора поштин с привозимого «горячительного вина» из разных мест земли Войска Донского, с 1803 года – на Миусской заставе при кордонах на административной границе с Новороссией. С 1804 года был приставом 1-й части города Черкаска, а с 1805 года служил в «рабочем полку», участвовавшем в строительстве Новочеркаска. 1 января 1806 года избран войсковым есаулом, а далее нес воинскую службу в действующей армии [1, с. 12].

Денисов Николай Леонтьевич (1775–1828) происходил из старшинской семьи Аксайской станицы. Служил с 15 марта 1798 года сотником в полку Грекова 9-го и 14 августа 1799 года произведен в есаулы. С 28 ноября 1800 года по 18 марта 1803 года служил присутствующим в полицейской экспедиции, с 1804 года по 15 июля 1809 года – частным приставом в полиции. Произведен в полковники 09 октября 1813 года, а с 10 октября 1817 года по 25 июня 1818 года и с 1 февраля 1819 года по 5 апреля 1821 года – полицмейстер города Новочеркаска [1, с. 52], до установления на Дону советской власти являвшегося административным центром края.

Одновременно с «полицейской экспедицией» осуществлялось узаконение деятельности семи сыскных начальств, по правовому статусу приравненных к «нижним земским судам» губернии Российской империи, то есть полицейским учреждениям, действовавшим в сельской местности на основе Учреждений для управления губерний Всероссийской империи 1775 года, и в результате некоторые нормы данного правового акта были применены в земле Войска Донского. В ноябре 1800 года ввиду большого объема рассматриваемых дел численность чиновников, состоящих при каждом сыскном начальстве, увеличилась с трех до четырех человек. Сыскной начальник и три судьи должны были «...иметь попечение об исправности по ведомству своему внутренней полиции и в случае неис-

правности нести ответственность за все дела, а в судопроизводстве непременно сохранять порядок, опираясь на поступившие общеимперские узаконения».

Таким образом, 8 октября 1800 года произошло исторически значимое событие – на основе указа императора Павла I, адресованного войсковому атаману В. П. Орлову, создана Донская полиция, в последующем ставшая структурным подразделением органов правопорядка России и руководствовавшаяся в профессиональной деятельности нормами российского законодательства. Однако согласно учению о методах и средствах измерения време-

ни (хронометрии) разница между юлианским (старый стиль) и григорианским календарями (новый стиль) в период с 1 марта 1800 года по 28 февраля 1900 года составляет 12 дней. В этой связи 20 октября 1800 года – это памятная дата для органов и подразделений ГУ МВД России по Ростовской области, исторически являющихся продолжателями традиций, преемниками Донской полиции и ее современным воплощением. Эта памятная дата после необходимой исторической экспертизы и одобрения руководства МВД России может стать официальной датой образования Донской полиции.

Войсковая грамота от 27 ноября 1800 года

№ 673-й получена 2 декабря 1800 года

Грамота Войска Донского из Войсковой канцелярии в Хоперское сыскное начальство в сей канцелярии во исполнение предложения Господина генерала от кавалерии войскового атамана и кавалера Василия Петровича Орлова, с прописанием в оном ВЫСОЧАЙШЕГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА указа от 8-го минувшего октября к нему последовавшего, в котором изображено. «Получил я сделанное вами вместе с генералом Репниным постановление правление Войску Донскому, то данным мною указом Правительствующему Сенату от 2-го Сентября 1800-го года повелено. В Войске Донском зависящие от Войсковой канцелярии три Экспедиции, первую для криминальных дел, вторую для гражданских и тяжёбных дел, а третью для казенных касательно податей казенных, а как в постановлении вами представленном полагаете вы за нужное еще иметь окромя сих Экспедиций, еще одну для межевых дел, вторую для полиции в городе Черкасске и третью сыскное начальство, соответствующее Земскому суду, то я все сие утверждаю и повелеваю вам для выбору в оные Экспедиции чиновников и числа их поступить в точности на основании вышеупомянутого данного мною указа Сенату от 2-го Сентября, кто же именно будет выбран в чиновники Правления Войска Донского, уведомите “Меня” ОПРЕДЕЛЕНЮ. Первое. Согласно назначению Его высокопревосходительства в межевую Экспедицию полковника Миллера, подполковника Юдина, войскового старшину Ханжсенкова, и для полиции полковника Алексея Грекова, войскового старшину Платова и есаула Денисова, истребовать их к сим должностям немедленно, дать повеление господину генерал-майору Кумицацкому 1-му о приводе штаб-офицеров к присяге, а им велеть по исполнении того вступить в заседание, о готовом назначении всеподданнейше ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ Экспедиция Межеская должна донести, кто именно из чинов в оной ныне имеется. Второе. Начальств учредить также сообразно положению Его Господина генерала от кавалерии войскового атамана с издавна по сему ведомству войсковому Семь: именно Первое Донское Сыскное от Маноцкой станицы вверх по Дону до Цимлянкой, в котором начальником быть подполковнику Мелникову, Судьями капитану Шашишеву, Есаулу Одноглазкову, поручику Пантелееву и сотнику Черевкову. Второе Донское Сыскное от Цимлянкой до Кременской начальником в нем быть полковнику Аксену Денисову, Судьями капитанам Тихону Егорову и Александрову.

Начальниками и судьями представить Его высокопревосходительству Господину войсковому атаману именной список равно и о тех, кои определены будут в Екатеринодар. И писать, по соображению о тех сведениях ему донести. Ноября 27-го дня 1800 года! – У Сей Грамоты Войска Донского печать.

М.П.

(с оленем, пораженным стрелою)

Литература

1. Корягин С. В. Грековы // Генеалогия и семейная история донского казачества. М., 2003. Вып. 42.
2. Макеев В. В., Небрatenко Г. Г. Исполнение полицейских функций на территории Донского казачьего войска до создания регулярной полиции (XVIII век): учебное пособие. Ростов н/Д, 1999.
3. Небрatenко Г. Г. Возрождение российской полиции: история и современные перспективы // История государства и права. 2011. № 9.
4. Небрatenко Г. Г. Воссоздание Донской полиции // Полиция России. 2011. № 8.
5. Небрatenко Г. Г. Возрождение российской полиции: связь времен и поколений // Вестник кадровой политики МВД России. 2011. № 3 (15).
6. Небрatenко Г. Г. История органов правопорядка Дона (досоветский период) / под ред. проф. В. В. Макеева. Ростов н/Д, 2007.
7. Небрatenко Г. Г. Становление службы правопорядка на территории Донского казачьего войска (середина XVIII – начало XX века) // Государство и право. 2003. № 5.

Bibliography

1. Koryagin S. V. Grekovs // Genealogy and family history of the don Cossacks. Moscow, 2003. Vol. 42.
2. Makeev V. V., Nebratenko G. G. To carry out police functions on the territory of the don Cossack army before the establishment of the regular police (XVIII century). Rostov-on-Don, 1999.
3. Nebratenko G. G. The Revival of the Russian police: history and contemporary perspectives // History of state and law. 2011. № 9.
4. Nebratenko G. G. Reconstruction of the Don the police // Police of Russian. 2011. № 8.
5. Nebratenko G. G. The Revival of the Russian police: the link of times and generations // Journal of personnel policy of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2011. № 3 (15).
6. Nebratenko G. G. History of law enforcement don (pre-Soviet period) / ed. of professor V. V. Makeev. Rostov-on-Don, 2007.
7. Nebratenko G. G. The Establishment of law enforcement services in the territory Rhee of the don Cossack (the middle of XVIII – beginning of XX century) // State and law. 2003. № 5.

Эрендженова Юлия Юрьевна
Erendzhenova Yulia Yurievna

аспирант Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова.

Post-Graduate Student of the Kalmyk State University after B. B. Gorodovikov.

Тел.: 8 (917) 688-53-64.

БУДДИЙСКИЕ ПРИНЦИПЫ
В ЗАКОНОТВОРЧЕСТВЕ ТИБЕТЦЕВ И ОЙРАТОВ
Buddhist principles in legislation of tibetans and oirats

Статья посвящена определению степени влияния буддийской религии на формирование нормативно-правовых актов Тибетского государства и ойратских ханств. Буддийский взгляд на противоправные деяния и соответствующие им наказания рассматривается автором сквозь призму закона причинно-следственной связи феноменов.

Ключевые слова: буддизм, законотворчество, нравственность, деяние, наказание, Тибет, ойраты, общество.

The article is devoted to definition of Buddhist religion's influence on formation of Tibetan and Oirat legal acts. The Buddhist view on wrongful acts and corresponding punishment is observed through the law of phenomena's cause and effect.

Keywords: Buddhism, legislation, morality, act, punishment, Tibet, Oirats, society.

Взаимодействие буддийской религии и закона – сложное явление, обусловленное влиянием религиозной доктрины на государственное правотворчество, в наивысшей степени наблюдавшееся, когда составители права руководствовались духовно-нравственными установками религиозного толка, а представления о добре и зле, благих и негативных поступках ставились во главу угла и юридически оформлялись в виде законов. Исследование взаимоотношений буддизма и власти на основе социально-политического учения этой конфессии проводилось Г. М. Бонгард-Левиным [1], В. И. Корневым [2], А. А. Кураповым [3] и другими. В данной статье проблема взаимодействия буддийской религии и закона рассмотрена в контексте структурирующего значения и влияния буддизма на образ жизни, менталитет тибетцев и ойратов.

Из истории буддизма известно, что цари различных государств становились приверженцами этой религии, а затем модифицировали обязательные для исполнения законы сообразно буддийским постулатам [4, с. 135–158]. К примеру, в эдиктах древнеиндийского царя Ашоки (III век до н. э.) провозглашался принцип управления страной в соответствии с основополагающими уставами дхармы (учения) Будды [1, с. 128–130; 2, с. 130–131].

Буддийская религия наравне с христианством и исламом аккумулирует все действия индивида в десять добродетельных и десять без-

нравственных поступков. Будда – основатель буддийской религии наставлял о десяти недобродетельных поступках, которые следует отвергнуть, вступив на путь просветления. В буддийском трактате «Дхаммапада» сказано: «Глупец не знает, что ждет его, когда творит злодеяния; но злые дела эти уничтожают его... постигнут его жестокие страдания... глупец этот попадет в преисподнюю» [5, с. 70–71]. В данном высказывании буддийского вероучения объясняется непреложный причинно-следственный закон кармы, приводящий в движение череду бесчисленных рождений, а вместе с ними и бесконечных страданий в мирах сансары (с санскр. «круговорот бытия»). Так, каждое живое существо, совершившее недобродетельный акт, обрекает себя после смерти на последующее рождение в несчастливых уделах ада, мира голодных духов или мира животных. Более того, выдающийся буддийский философ Тибета Ч. Цонкапа отмечает, что «счастье и страдание не возникают без причин, а также не возникают от несоответственных причин» [6, с. 261]. Это означает, что, в отличие от христианского всепрощения, в буддизме никто (ни Бог, ни даже Будда) не может избавить существо от последствий его кармических поступков ввиду того, что закон причины и следствия «неотвратимый как законы природы и действующий столь же безлично и автоматически» [7, с. 24].

Тем не менее если по закону кармы непременно наступает воздаяние за греховные деяния, это совсем не означает, что совершивший проступок не может быть наказан человеческими законами. В данном ракурсе интересен подход буддийской философии к наказанию, которое само по себе имеет негативный характер, а значит, должно признаваться буддистами как недобродетельное, потому как в результате исполнения его индивид подвергается разного рода страданиям, связанным с конфискацией имущества, нанесением увечий, а в крайнем случае и лишением жизни. Проанализируем, можно ли причислить наказание к деструктивным действиям.

Согласно буддийской логике недобродетельное деяние должно иметь четыре категориальные опоры: основу, помысел, исполнение и завершение [6, с. 270]. Под основой понимается объект преступления в форме живого существа. Помыслом же признается явное намерение субъекта, находящегося под властью аффективных эмоций гнева, страстной привязанности или неведения, причинить вред этому объекту. Само действие есть исполнение деяния при помощи орудия, и завершением считается негативный результат, приводящий к страданию живого существа. Анализ четырех опор показывает, что процесс справедливого и гуманного судебного разбирательства не включает преобладание деструктивных эмоций у исполнителей закона, а также во время осуществления наказания. Следовательно, акт воздаяния наказания, соответствующего преступлению, не является греховным в полном объеме, а значит, не влечет за собой кармического последствия. Таким образом, приведение в исполнение наказания осужденного не противоречит буддийскому учению о причинно-следственной связи всех явлений. Напротив, субъект, совершивший противоправное действие, встречается с возможностью искушения своих грехов путем прохождения через страдания.

Помимо наказания за греховные действия, в буддизме особое внимание уделяется поощрению за совершение десяти добрых деяний, которые становятся залогом обретения счастья. Суть этих десяти добродетелей сводится к отказу от противоположных им негативных действий: убийства, лжи, присвоения чужого и так далее. К их числу прибавляются и деяния религиозного характера, совершаемые верующими в целях приобщения к высшим силам: поклонение Будде, отправление в паломничество по святым местам, возведение храмов и ступ

просветления (священных объектов поклонения, символизирующих ум Будды). К примеру, Ашока в своих эдиктах, помимо регламентирования наказания за убийства и совершение жертвоприношений, побуждал верноподданных следовать путем Дхармы, совершать паломничества и относиться с терпимостью к иным религиям [4, с. 119].

Однако правители не просто слепо следовали религиозным правилам, а, изучая буддийские воззрения о нравственности, приходили к выводу, что созидание и благодетельность являются хорошим базисом для социально-экономического развития страны, поскольку государство, где подданные чтут закон и осознанно не совершают злодеяний, должно процветать, а его жители благоденствовать. Кроме того, в буддизме предусматривалось и особое рода вознаграждение праведного монарха за религиозную приверженность, выразившееся в наделении последнего титулом *чакравартина*, обладающего тридцатью двумя признаками Будды и являющегося хранителем нравственного закона. В действительности такой деятель мог заявить о себе как о великом правителе, способном объединить разрозненные народы под своим началом и создать государство [3, с. 37–38].

В Тибете первым царем, принявшим буддийскую веру, привнесший эту религию в Страну Снегов, был Сронцзан Гамбо (VII век н. э.) [8, с. 62–67], который «ввел законы и установил наказания за убийство, грабёж и прелюбодеяние. Он научил своих подданных ... доброму закону, такому как 16 человеческих законов. За исключением монашеского посвящения, остальная часть учения широко распространилась, и Тибетское царство стало добродетельным» [9, с. 45]. Другой политический лидер, предпринявший попытку объединить весь Тибет в XIV веке, Чангчуб Чжалцан из рода Пагмоду, также опираясь на буддийское учение, разработал закон, включающий 15 разделов, с помощью которого он успешно проводил социально-экономическую, налоговую и административную реформы, внес изменения в судопроизводство. Глава клана Пагмоду считал необходимым судебное разбирательство, в процессе которого обвиняемый мог оправдать себя с помощью доказательств. В отличие от первого царя, Чангчуб Чжалцан был буддийским монахом, обучавшимся по традиции тибетской школы кагью, потому и правление его практически полностью пронизано заботой о благоденствии тибетского народа,

что нашло отражение в его фольклоре, в частности поговорке «Старушка спокойной несет через всю страну суму с золотом», показывающей важность поддержания стабильности и безопасности в Тибете [10, с. 95].

Разработанные в XVII веке теократическим правителем Тибета Далай-ламой Пятым «16 законов» предусматривали различные виды наказаний за преступления против личности и собственности. Кроме того, для должностных лиц при исполнении обязанностей необходимо было согласование своих действий с буддийским учением, постоянное памятование буддийских принципов ненасилия и сострадания. Проступки, совершенные против самой религии, равно как и против монахов, сурово карались. Тибетская система судопроизводства включала и ордалии: подозреваемый в преступлении должен был вытащить из горшка с кипящим молоком или маслом камень определенного цвета, где черный означал виновность, тогда как белый камень полностью оправдывал подсудимого [11, с. 124]. Существование подобных испытаний, несомненно, обосновывалось верой в высшие силы, которые могли заступиться за подсудимого в случае его невиновности, что было наивно.

Отдельного внимания заслуживает феномен откупа от наказания, который предусматривался лишь для лиц высшего ранга, куда входили тибетские аристократы, тулку, или живые воплощения Будд, а также светские и духовные чиновники. Ограничений для откупа не существовало, можно было освободиться от любого наказания, в том числе за совершение убийства, варьировалась только мера откупа – золото, скот или зерно. Подобная традиция, вероятно, сложилась на основе буддийских представлений о драгоценности человеческой жизни, сохранение которой раскрывает перед живым существом широкие возможности для более глубокого постижения основ мироздания, самосовершенствования и принесения максимальной пользы всем живым существам. Ввиду того, что тулку обладали большими возможностями по сравнению с простолюдинами, а значит, были способны оказать более действенную помощь в осуществлении религиозной политики Тибета, то и жизнь их представлялась более ценной, а потому могла быть сохранена при условии компенсации.

С XVII века формально закрепляется и принятие буддизма ойратами и монголами. В тексте Великого уложения, принятого в 1640 году

и институализировавшего единое правовое пространство монгольских и ойратских владений, зафиксировано поклонение Будде и верховным ламам тибетского буддизма: «...поклоняемся Очир Дара-ламе ...поклоняемся прежде всего стопам владыки /нашей/ веры Дзонхавы... поклоняемся стопам двух святых – Панчен-эрдэни... и спасителю Далай-ламе...» [12]. Одним из авторов норм монголо-ойратского права принято считать Зая-Пандиту Огторгуйн Далай, ойрата по происхождению и духовного ученика Далай-ламы Пятого и Панчен-ламы Тибета [13, с. 100–102]. Для упрочения буддийской религии Зая-Пандита совместно с учениками перевел на специально созданный им ойратский язык *тодо-бичиг* буддийские сакральные тексты, в которых раскрывалось учение Будды об эгоистической природе сансарических страданий, путях избавления от них и конечном просветлении [14, с. 53–63]. Входя в сознание ойрата-кочевника, буддийские знания изменяли его мировоззрение и духовно-ценностные ориентиры. Объясняемый буддийской философией закон кармы помогал ойратам не роптать на судьбу, а воспринимать свое нынешнее состояние как результат прошлых благих и негативных деяний и, соответственно, воздерживаться от совершения новых проступков, чтобы не быть впоследствии наказанным.

Многие статьи кодекса носили религиозный характер, где были указаны награды за оказание помощи и наказания за преступления против религии и монахов. «Если кто совершит убийство и ограбление у служителей религии в монастыре, то взять с него сто панцирей, сто верблюдов и тысячу лошадей» [12, с. 6]. Буддизм как этносный компонент, проповедуя ненасилие, внес некоторые коррективы в систему наказаний за преступления, когда даже за самые страшные преступления против личности (убийство) предполагалось отнятие материального имущества и скота. «Если кто убьет человека, то взять с него тысячу овец» [12, с. 8]. Наказание смертью предусматривалось лишь в случаях предательства и дезертирства с поля боя, что угрожало всеобщей безопасности и целостности ханства. «Если кто, увидев большое /войско/ неприятеля или услышав об этом, не известит никого, то его убить» [12, с. 17]. Так, для ойрата всеобщее благо было выше индивидуальных потребностей человека, потому они чтити законы и подчинялись сильному хану с титулом *чакравартина*, имеющему религиозное благословение и способному защитить от

натиска врагов и обеспечить стабильный мировой порядок.

Составленное в Республике Калмыкия в XX веке Степное уложение (Конституция) уже не носит религиозного характера, однако некоторые нормы этого закона пронизаны нравственными принципами добра и сострадания, воспринятого калмыками, потомками ойратов, из буддийского вероучения. В частности, статья 10 гласит: «Республика Калмыкия разделяет ответственность за существующие глобальные общечеловеческие проблемы и обязуется прилагать усилия к их разрешению в духе любви, сострадания, милосердия и прогресса, содействуя устройству мира на Земле» [15, с. 10]. Прослеживается преемственность в духовно-

нравственных традициях калмыков, ибо буддизм – это не только религия, но и образ жизни калмыков, менталитет, что способствует гармонизации и согласию в социуме.

Краткий анализ взаимодействия буддийской религии и права показал, что с принятием буддийской веры аксиологические принципы морали и сострадания стали фундаментом правотворческой деятельности тибетцев и ойратов. При составлении законов правители двух народов руководствовались буддийским вероучением, соотнося правовые нормы с буддийскими законами бытия в рамках общественной среды.

Литература

1. Бонгард-Левин Г. М. Древняя Индия. История и культура. СПб., 2001.
2. Корнев В. И. Буддизм и общество в странах Южной и Юго-Восточной Азии. М., 1987.
3. Курапов А. А. Буддизм и власть в Калмыцком ханстве в XVII–XVIII веках. Элиста, 2007.
4. Андросов В. П. Индо-тибетский буддизм. Энциклопедический словарь: монография. М., 2011.
5. Дхаммапада. М., 2005.
6. Цонкапа Чже. Большое руководство к этапам пути пробуждения. Изд. 2, испр. СПб., 2007. Т. 1.
7. Торчинов Е. А. Введение в буддологию: курс лекций. СПб., 2000.
8. Цендина А. Д. ... и страна зовется Тибетом. М., 2002.
9. Гой-лоцава Шоннупэл. Синяя летопись: история буддизма в Тибете, VI–XV века. СПб., 2001.
10. Шакабпа В. Д. Тибет: политическая история. СПб., 2003.
11. Кычанов Е. И., Мельниченко Б. И. История Тибета с древнейших времен до наших дней. М., 2005.
12. Их Цааз («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII века. Ойратский текст. М., 1981.
13. Китинов Б. У. Священный Тибет и воинственная степь: буддизм у ойратов (XIII–XVII века). М., 2004.
14. Норбу Ш. Зая-Пандита: пер. со старомонг. Элиста, 1999.
15. Степное уложение (Конституция) Республики Калмыкия от 5 апреля 1994 года. URL: http://constitution.garant.ru/region/cons_kalmik/

Bibliography

1. Bongard-Levin G. M. Ancient India. History and culture. St. Petersburg, 2001.
2. Kornev V. I. Buddhism and society in the countries of South and South-East Asia. Moscow, 1987.
3. Kurapov A. A. Buddhism and power in the Kalmyk Khanate in the XVII–XVIII centuries. Elista, 2007.
4. Androsov V. P. Indo-Tibetan Buddhism. Encyclopedic dictionary: monography. Moscow, 2011.
5. Dhammapada. Moscow, 2005.
6. Tsongkhapa Je. A great guide to the stages of the path of awakening. Second edition, revised. St. Petersburg, 2007. Vol. 1.
7. Torchinov E. A. Introduction to Buddhist studies: lecture course. St. Petersburg, 2000.
8. Tsendina A. D. ... and the country is called Tibet. Moscow, 2002.
9. Goi-Lotsawa Shonnupel. Blue annals of Buddhist history in Tibet, VI–XV centuries. St. Petersburg, 2001.
10. Shakabpa V. D. Tibet: a political history. St. Petersburg, 2003.
11. Kychanov E. I., Melnichenko B. I. The history of Tibet from ancient times to the present days. Moscow, 2005.
12. Ikh Tsaaz («The Great Code»). Monument of the Mongolian feudal law of the XVII century. Oirat text. Moscow, 1981.
13. Kitinov B. Yu. The Holy Tibet and militant steppe: buddhism of oirats (XIII–XVII centuries). Moscow, 2004.
14. Norbu Sh. Zaya-Pandita: translated from ancient mongolian. Elista, 1999.
15. Steppe Code (Constitution) of the Republic of Kalmykia on April 5, 1994. URL: http://constitution.garant.ru/region/cons_kalmik/

Астапов Сергей Николаевич
Astapov Sergey Nikolayevich

профессор кафедры философии религии и религиоведения Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета доктор философских наук, доцент.

Professor of the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies, Institute of Philosophy and Social and Political Studies, Southern Federal University, Doctor of Philosophy, Associate Professor.
Тел.: 8(988) 533-52-44.

РЕЛИГИЯ И ПРАВО В ПОСТСЕКУЛЯРНОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Religion and law in post-secular russian society

Статья носит философско-религиоведческий характер и посвящена проблеме корреляции принципов регулирования религиозной деятельности, сложившихся в эпоху секуляризации, и современного понимания места и роли религии в обществе. Обосновывается мысль о ведущей роли общественных организаций и религиозного образования в формировании толерантных отношений в пост-секулярном обществе.

The article is devoted to the issue of the correlation between the principles of regulation of religious activity, which are formed in the secular society, and the contemporary comprehending of a place and role of religion in the post-secular one. It is a research in philosophy and religious studies. The thought on the main role of public organizations and religious education in the post-secular society is justified in the article.

Ключевые слова: постсекулярное, религиозное объединение, религия, свобода совести, секулярное, экстремизм.

Keywords: post-secular, religious community, religion, secular, freedom of conscience, extremism.

Несмотря на то, что до сих пор среди социологов и философов ведутся дискуссии о том, правильно ли называть современное общество постсекулярным [2], очевидно, что сегодня место и роль религии в жизни социума значительно отличаются от ситуации 20–30-летней давности, в которой нашли воплощение признаки секуляризации, берущие свое начало в социокультурных процессах Нового времени. Черты секулярного общества описаны в литературе, уже ставшей хрестоматийной (П. Бергер, Т. Парсонс, Н. Луман и другие), и, в общем, сводятся к следующим:

1. Рационализация сознания и, как следствие, десакрализация (демираклизация) мировоззрения, обусловленные развитием науки и индустриального производства.

2. Выделение религии в особый социальный институт вследствие дифференциации общества, что означает вытеснение ее из экономической, политической и прочих сфер жизни. В конечном счете исповедание религии провозглашается личным делом индивида.

3. Религиозные ценности и смыслы в результате дифференциации взглядов на мир и плюрализации культуры утрачивают абсолютный и универсальный характер.

Теории естественной религии и естественного права, созданные в Новое время, обосновали и укрепили идею индивидуального самоопределения в сфере религиозных убеждений, которая обрела социальное выражение в связи с процессами Реформации. Теория естественной религии усматривала ее источник в некоем чувстве Бога, интуиции, совести индивида, то есть во врожденных способностях индивида. Иначе говоря, она утверждала, что религиозность человека зависит не от конфессиональной традиции (не принадлежность к той или иной конфессии определяет суть отношений человека с Богом, его спасение), а от уровня развития его индивидуальных способностей. Это, в свою очередь, предполагает свободу индивида в выборе той религиозной традиции, которая бы наилучшим образом соответствовала раскрытию данных способностей. Теория естественного права рассматривала личные права в качестве основных прав и свобод человека, а источником их считала природу человека, вследствие чего провозглашала врожденную свободу личности, независимо от того, признает ли таковую та или культурная традиция, то или иное государство. Свобода личности в обществе должна была реализовыв-

---

ваться через ряд «свобод», одной из которых выступала свобода вероисповедания, то есть реализация возможности выбирать и менять религиозные убеждения, действовать в соответствии с ними, распространять их.

Ситуация индивидуального самоопределения в сфере убеждений с неизбежностью привела к поликонфессиональному обществу, стабильность которого обеспечивается культурой веротерпимости: каждый индивид должен быть толерантен к убеждениям, которых он не разделяет. Светское государство не вмешивается в отношения граждан к религии, обеспечивает светский характер образования, при этом не препятствует религиозному воспитанию в соответствующих учреждениях. Этим утверждается равенство всех конфессий перед законом и сохраняется веротерпимость в обществе, культивируются толерантные отношения в религиозной среде, осуществляются превентивные меры в отношении радикальных религиозных настроений и актов религиозного экстремизма.

Эффективность регулирования деятельности религиозных объединений, как следует из данных положений, определяется идеей, сформулированной еще в общественно-политической мысли эпохи Просвещения, о том, что религия по мере модернизации общества и просвещения граждан минимизируется в качестве фактора социальной активности, превращаясь в конечном счете в частное занятие некоторых граждан. Однако в полной мере она не реализована ни в одной стране. Она была максимально точно воплощена во второй половине XX века в странах социалистического лагеря и ряде либеральных государств Западной Европы, прежде всего Франции, но в начале XXI столетия оказалась несостоятельной. Секуляризация, проходившая в СССР и других социалистических странах, осуществлялась силой государственной атеистической политики, нарушавшей главный принцип светского общества – свободу совести. После того, как социалистические режимы пали, в этих странах началась «религиозный ренессанс», в котором наряду с традиционными (историческими для общества) религиями активно стали проявлять себя нетрадиционные, распространяемые зарубежными миссионерами и возникающие внутри отечественной культуры на почве мистицизма и духовных исканий. Либеральные западноевропейские общества в начале XXI века столкнулись с многочисленными группами имми-

грантов из стран Азии и Африки, для которых религия была не частным делом, а важнейшим фактором этнокультурной идентичности и регулятором социальных отношений. Толерантное европейское общество встретилось с нетерпимым поведением иммигрантов, которые не отделяли религию ни от политики, ни от образования, ни от других сфер социальной деятельности. Когда же власти западноевропейских государств, увидев в таком поведении угрозу свободе совести и социальной стабильности, попытались привести ситуацию в соответствие со светской правовой системой, то получили в ответ сопротивление иммигрантов, которое привело к общественным беспорядкам.

Зримое присутствие религии в социальных процессах современного мира и ее влияние на социально-политическую ситуацию послужили почвой для появления теорий постсекулярного общества. Согласно этим теориям модернизация уже не приводит к минимизации религиозного фактора общественной жизни, религия не утрачивает интегративную функцию в обществе, становится частью политики, усиливает свои позиции в отношении национальной культуры и государственной системы образования. Как отмечает Ю. Хабермас, ведущий теоретик постсекулярного общества, религиозные организации претендуют на роль «интерпретирующих сообществ», стремятся высказываться по общественно значимым вопросам, причем так, что власть не может игнорировать их позицию [3].

Вместе с тем все исследователи постсекулярного общества отмечают отсутствие возврата к досекулярной эпохе, когда религиозные институты определяли общественные отношения. Актуализация религиозной проблематики сопровождается в современной культуре синкретизацией элементов разных религиозных и нерелигиозных традиций. Оппозицией этому феномену служит религиозный фундаментализм в традиционных конфессиях, провозглашающий возврат к мифологизированным «подлинным» образцам и «изначальным» состояниям этих религий – как правило, архаичным, изжитым этнокультурным формам, а также (в редких случаях) к неким базисным для конфессионального сознания, но этнически чуждым проявлениям культуры. Поликонфессиональная ситуация в обществе дополнилась религиозными и парарелигиозными интернет-сообществами, электронными церквями и киберрелигиями. Новые религи-

озные движения вызвали к жизни феномен «аудиторных культов» – сообществ, у которых нет ни руководителей, ни регулярной совместной культовой деятельности.

В этой ситуации светский характер государства продолжает оставаться главной гарантией свободы в обществе, но вместе с тем проявляется его недостаточность в качестве регулятора социальных отношений. Наиболее уязвимой оказалась политика веротерпимости, предполагающая такую модель общества, в котором подавляющее большинство составляют люди нерелигиозные или слабо религиозные, то есть секулярное общество. Если же голоса религиозных деятелей в обществе звучат все громче и отчетливее и поводом для их выступлений являются различные вопросы – политика, культура, образование и даже отношения в экономической сфере, то, несмотря на всю специфику постсекулярной религиозности, слабо религиозным это общество считать нельзя. Развитому религиозному сознанию свойственна не веротерпимость, а религиозная нетерпимость, поскольку одной из основных его черт является утверждение исключительности исповедуемой веры. Более того, веротерпимость не свойственна религиозным отношениям, сложившимся в христианстве и исламе – религиях, последователями которых считает себя примерно половина населения земного шара. Эти конфессии отличаются миссионерской активностью, мировоззренческой, культурной, а вместе с тем и политической экспансией.

Для постсекулярного общества характерна не веротерпимость, а специфический тип толерантности, который формируется в результате решения ценностного конфликта. Его специфика усматривается в обеспечении мирного сосуществования, основанного в большей степени на сепаратизме, чем на кооперации. Верующий индивид желает жить в окружении единомышленников, то есть в условиях моноконфессионального общества, но адаптируется к ситуации поликонфессиональности и секуляризма только в том случае, если таковая позволяет ему сохранять и выражать свою религиозную идентичность.

Таким образом, правовое регулирование деятельности религиозных объединений, базирующееся на принципах свободы совести и светского характера государства, сложившихся в секулярном обществе, испытывает ряд сложностей в обществе постсекулярном, ко-

торые снижают прежнюю эффективность применения правовых норм в отношении религиозных объединений. В связи с этим необходимо определить факторы, продуцирующие такую неэффективность. В России данная задача еще не стоит перед правоведами, но уже осознается религиоведами [1].

Во-первых, осмысливается противоречие между правовым и этнокультурным измерениями места религиозных объединений в обществе. С правовой точки зрения все религии равны, тогда как с культурно-исторической – признается особая (консолидирующая) роль отдельных религий в формировании народа, нации, государства и, как следствие, их социальный приоритет. Поэтому государственная политика ориентирована на взаимодействие с отдельными религиозными организациями в плане духовно-нравственного и патриотического воспитания граждан. В России первое место среди таких организаций занимает Русская православная церковь Московского патриархата (далее – РПЦ МП). Если в правовом измерении государство равно дистанцируется от всех религиозных учений и никакая религиозная доктрина не может быть государственной идеологией, то в культурно-историческом аспекте государство признает ценности традиционных для населения страны религий и допускает возможность религиозного обучения и трансляции нравственных ценностей традиционных религий в системе государственного образования. В этом плане на первом месте опять же находится РПЦ МП. Политики пытаются опереться на церковь для общественной легитимации собственной деятельности. Государство поощряет миссионерские интересы РПЦ МП, разрешает ее деятельность в армии, образовательных, медицинских, исправительных учреждениях. Наконец, несмотря на то, что граждане имеют равные права на создание различных религиозных объединений, вхождение и выход из них, а также распространение религиозных убеждений, государство осуществляет более строгий контроль за деятельностью нетрадиционных для общества религий, чем традиционных, существенно ограничивая пропаганду первых.

Во-вторых, современное российское общество не возлагает надежды на исключительно правовое регулирование деятельности религиозных объединений, так как не считает его наиболее эффективным. Данное обстоятельство связано с давно сформировавшейся в мента-

литете российского общества идеей «закон – дышло...» и главным образом с тем, что религиозные отношения лежат прежде всего в духовной сфере и определяются идеями и ценностями человека. Формирование, сохранение или изменение, передача или отрицание таковых осуществляются через семейные и этнические традиции, образование, моральные нормы и духовно-нравственные идеалы. Ведущую роль право играет исключительно в отношениях между государством и его гражданами. Ценности духовной культуры, традиции охраняет не право, а мораль (в традиционном обществе – обычай).

В-третьих, индифферентная в отношении религий (по своей природе и назначению) правоохранительная система не способна реагировать на культурные вызовы и интервенцию чуждых обществу ценностей. Она начинает действовать в ситуации, когда эти вызовы и ценности сформировали некую идеологию, на основе которой возникли и стали проявлять свою активность социально опасные сообщества. Вместе с тем попытки переместить в правовое поле идеологическую борьбу бесплодны и даже опасны для свободы человека. Применение законодательства, направленного против экстремистской деятельности, в целях недопущения роста численности и распространения нетрадиционных религиозных объединений оборачивается попытками найти в их деятельности хоть какие-то признаки экстремизма. Опасной объявляется религиозная литература этих объединений в связи с наличием в ней пропаганды исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку религиозной принадлежности или отношения к религии, что определяется п. 4 ст. 1 Федерального закона РФ от 27 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». При этом не учитывается, что любое религиозное учение содержит заявления об исключительности собственной конфессии. Противопоставление своей религии всем прочим – одна из существенных черт религиозного сознания. На основе противопоставления одних групп верующих другим формируется религиозная (конфессиональная) идентичность. Это противопоставление совершается через провозглашение истинности своей религии и ложности всех остальных, что в ряде случаев выглядит как демонстрация собственного превосходства. Пропаганду «неполноценности» человека легко увидеть в подавляющем

большинстве религиозных учений, поскольку они провозглашают наличное бытие человека неидеальным и требуют от него духовно-нравственного совершенствования.

Выносимые на основании обнаружения признаков экстремизма судебные решения о ликвидации тех или иных религиозных организаций не приводят к исчезновению ни идеологии этих организаций, ни их adeptов. Последние, согласно закону «О свободе совести и религиозных объединениях», могут объединяться для осуществления религиозной деятельности в группы и действовать без государственной регистрации. Таким образом, общество получает обратный эффект – дисперсию религиозных объединений и утрату контроля над ними. Попытки преследования религиозных групп, оставшихся после ликвидации религиозной организации, часто не имеют правовых оснований и являют собой яркий пример интолерантности. Кроме того, преследования создают «ореол мученичества за веру» – сильнейший фактор укрепления идеологии ликвидированных религиозных организаций, потому что для религиозного сознания «гонения на веру» являются показателем ее истинности. Особенно это характерно для религиозных объединений сектантского типа, в верованиях которых изначально заложена идея пагубности и враждебности мира за пределами религиозной общины, неизбежности преследований в нем.

Из сказанного не следует, что нужно радикально менять законодательство или правоприменение, хотя определенных корректив последнее требует. Каковыми они должны быть – решать юристам. Но очевидно, что противостояние религиям, отрицающим или значительно трансформирующим традиционные этнокультурные ценности общества, должно быть идеологическим. В силу того, что светское государство равно дистанцированно от любой религиозной идеологии, оно это противостояние организовать не может. Признание ведущей роли общественных организаций в обеспечении прав и свобод граждан является одним из признаков гражданского общества. В этом плане следует поощрять открытое обсуждение религиозно-нравственных ценностей, просветительскую работу как представителей традиционных религий, так и ученых, межконфессиональный диалог. Также задача общественного противодействия формированию и распространению религиозно-экстремизма

стской идеологии релпается посредством религиозного просвещения: включения в образовательные программы дисциплин по духовно-нравственному воспитанию (на уровне основного общего образования) и религиоведению (на уровне среднего и высшего образования).

Важную роль в формировании общественного мнения, в том числе и в отношении религий, в современном обществе играют средства массовой информации. В настоящее время СМИ проявляют интерес в основном к явлениям оккультным, связанным с суеверием. Это обусловлено не столько характерной для них установкой на сенсационность информации, сколько отсутствием подготовки журналистов в области религиоведческой компетентности, позволяющей им видеть необычное, энигматическое (которое и порождает сенсацию) в многообразии религиозной жизни общества. При этом важны компетентные оценки событий религиозной жизни, что предполагает наличие соответствующей подготовки у журналистов, а также обращение за комментариями к исследователям религий.

Особого общественного внимания заслуживают нетрадиционные религиозные движения. Отношение к ним как к «деструктивным культам», «тоталитарным сектам» обусловлено незнанием их природы и социальной роли и во многом основано на отношении к ним РПЦ МП. Данное обстоятельство является еще одним свидетельством зависимости не столько общественного сознания, сколько внутренней политики от РПЦ МП как транслятора традиционных для российского общества ценностей. Проблема состоит в том, что в данной ситуации работники правоохранительных органов, считая нетрадиционные религии сектами, не могут определить, являются ли они антисоциальными, проповедают ли экстремист-

скую идеологию. Некоторые из них являются псевдорелигиозными объединениями, ряд из которых носит явно коммерческий характер, другие свободно конструируют псевдорелигиозную идентичность в жанре неких ролевых игр, третьи выступают религиозным прикрытием националистической и ксенофобской идеологии. Отношение к первым и вторым должно быть скорее ироничным, чем негативным. Для этого общественному сознанию необходим более высокий, по сравнению с существующим, уровень религиозной культуры, то есть культуры, в которой религиозный опыт переживания трансцендентного имеет разделяемую большинством традицию. Отношение к третьим должно строиться на основе жесткой критики по идейным, этнокультурным, историческим основаниям. Опорой в этом процессе могут послужить ученые-обществоведы.

Особую группу в массовой культуре составляют организации сектантского типа, ведущие асоциальную и антиобщественную деятельность, а также радикальные группы внутри традиционных религий, проповедующие идеи религиозно-политического экстремизма. Именно их деятельность является объектом пристального внимания правоохранительных органов. Но чтобы оперативно выявлять такие религиозные объединения, правоохранительным органам следует ослабить контроль за деятельностью иных нетрадиционных религиозных организаций (как принципиально новых, так и исторически существующих в культурах зарубежных стран), предоставив общественным структурам вести дискуссии с ними. Такое ослабление не приведет к негативным последствиям, если будет создана система мер общественного реагирования на деятельность религиозных организаций.

Литература

1. Минченко Т. П. Проблема свободы совести в эпоху постсекулярности: истоки и перспективы: дис. ... д-ра филос. наук. Томск, 2011.
2. Узланер Д. В. Картография постсекулярности // Отечественные записки. 2013. № 1. URL: <http://www.strana-oz.ru/2013/1/kartografiya-possekulyarnogo>.
3. Хабермас Ю. «Постсекулярное» общество – что это? // Российская философская газета. 2008. 28 ноября.

Bibliography

1. Minchenko T. P. The problem of the freedom of conscience in the epoch of post-secularity: dis. ... doctor of philosophy. Tomsk, 2011.
2. Uzlaner D. V. Cartography of post-secularity // Native Notes. 2013. № 1. URL: <http://www.strana-oz.ru/2013/1/kartografiya-possekulyarnogo>.
3. Habermas Yu. The «Post-secular» society – what is this? // The Russian philosophical newspaper. 2008. October, 28.

Ковалев Виталий Владимирович
Kovalev Vitaliy Vladimirovich

профессор кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета доктор социологических наук, доцент.

Professor of the Department of Theoretical Sociology and Methodology of Studies, Institute of Sociology and Region Studies, Southern Federal University, Doctor of Sociology, Associate Professor.

E-mail: vitkovalev@yandex.ru

Сажина Лилия Валерьевна
Sazhina Liliya Valerjevna

профессор кафедры конфликтологии и национальной безопасности Института социологии и регионоведения Южного федерального университета доктор социологических наук, доцент.

Professor of the Department of Conflictology and National Security, Institute of Sociology and Region Studies, Southern Federal University, Doctor of Sociology, Associate Professor.

E-mail: lil1970@yandex.ru

**РЕЛИГИОЗНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФОРМА СОБОРНОСТИ В РОССИИ
И ПРОБЛЕМЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**
**Religious and historical form of collegiality in Russia and problems
of civilizational identity**

Статья посвящена анализу базовых компонентов религиозно-исторической формы соборности в России как важнейших особенностей ее цивилизационной идентичности. Авторы полагают, что в основании религиозно-исторической формы соборности лежат два фактора: концепция механической солидарности (того типа общественных связей, который формируется под воздействием традиций) и религиозно-светский идеал.

Ключевые слова: религиозно-светский идеал, соборность, традиции, солидарность, самодержавие.

Article is to analyze the basic components of the religious-historical forms of catholicity in Russia, as the most important features of its civilizational identity. In authors' opinion, the basis of religious-historical forms of unification is based on two factors: the concept of mechanical solidarity (the type of public relations, which is formed under the influence of traditions) and religious-secular ideal.

Keywords: religious-secular ideal, sobornost, traditions, solidarity, autocracy.

Центральное понятие нашего исследования, которое мы определили в качестве предмета анализа, должно быть рассмотрено сквозь призму двух переменных – светских ценностей и религиозных идеалов.

Методологическим основанием анализа светской системы ценностей, лежащих в основе соборности, мы выбираем работу Э. Дюркгейма «О разделении общественного труда», точнее – его концепцию двух типов солидарности – органической и механической [1, с. 54].

В структуре религиозно-исторической формы соборности преобладает интеграционный аспект, формирующийся под влиянием потребностей в интеграции. Руководствуясь этим исходным принципом, мы предполагаем, что светским основанием религиозно-исторической формы соборности служат механистич-

ные элементы общественных отношений, имеющие непосредственное значение для формирования связей в социуме по типу механической солидарности.

В указанном труде Э. Дюркгейма в качестве критериев механической солидарности можно выделить следующие положения: 1) характерный для всего общества единый тип коллективного сознания; 2) религиозный характер уголовного права; 3) распространение принципа трудовой универсальности; 4) наличие социально-политических институтов, подчиняющихся социуму государству.

Проанализируем эти аспекты в том порядке, в котором они приведены выше.

Если ограничить исследование рамками XV–XVII веков, то, вне всяких сомнений, российскому обществу был присущ единый тип

сознания. В самом общем смысле он выражался в однородности традиций всех общественных слоев. Дворянство, купечество, крестьянство отмечали общие праздники, примерно одинаково относились к праву, власти, труду, имели единую душевную (ментальную) организацию. Разница между сословиями была в значительной степени условной и измерялась больше возможностями материального характера, чем глубокими культурными различиями. Не станет большой ошибкой утверждение, что российская ментальность в ту эпоху имела однородный характер (насколько вообще можно говорить о ментальной однородности).

В России уже на начальных стадиях государственного строительства религия проникает в уголовное право. Еще великий князь Владимир (980–1015) вскоре после Крещения передает в церковную юрисдикцию семейно-брачные отношения, что было подкреплено соответствующим церковным уставом. По мере возрастания роли христианства в России наблюдается процесс проникновения религии в уголовное право, который достиг своего кульминационного развития в Соборном уложении 1649 года.

В средневековой России узкопрофессиональная специализация была выражена крайне слабо. Первое время этому препятствовала экономическая отсталость. Затем появились иные факторы, одним из важнейших являлось православие. Православная церковь отвергла убеждение, будто спасения можно достичь путем соблюдения узкой профессионально-корпоративной этики. Православие провозгласило принцип равенства нравственных требований, не зависящих от социальной и профессиональной принадлежности [2, с. 82–86]. Очень важно, что трудовая специализация и качество труда не оказались в сфере этических интересов церкви. Тем более, что православная церковь индифферентно относилась к возможности ужесточения организации труда с позиции требования христианства через дисциплинирующее воздействие профессиональных корпораций. Для православного верующего представлением о том, что добросовестный труд в рамках своей специализации есть средство спасения, оставались чуждыми. Именно поэтому православная церковь не создала учения о профессио-

нальном долге, нормах профессиональной чести, добросовестности труда и пр.

Самодержавие стало основой формирования российской цивилизации. Подчинение ему связывалось с этическими нормами христианства. Классическим исследованием в этом плане является работа К. Н. Леонтьева «Византизм и славянство». Основная мысль автора состоит в том, что самодержавие есть цементирующая основа российской цивилизации [3, с. 41–67], и чтобы выполнять эту функцию, оно не должно было быть ограничено какими-либо сдерживающими механизмами. В XV–XVII веках это утверждение в науке принципиальных возражений не имело и может считаться общепринятым. Отношения господства между монархом и российскими подданными сформировались в XV–XVII веках. Степень безличности и бесправия в отношениях с царской властью в этот период зашла столь далеко, что даже обращение к монарху «холоп твой» рассматривалось как дворянская привилегия. Согласно этикету того времени крестьяне и посадские должны были подписываться в письмах к царю не иначе как «рабь» и «сироть» [4, с. 23–27].

Проанализировав четыре аспекта концепции механической солидарности, мы пришли к выводу, что социальные отношения в России периода позднего средневековья строились на ее началах, а, следовательно, само светское основание религиозно-исторической формы соборности имело механистичный характер.

Обратимся к религиозной основе той формы соборности, которая сформировалась в России.

Нам представляется, что разгадка этой проблемы заключается в следующей формуле, выведенной русской философией: «Россия не знала иных ценностей, кроме религиозных». Это означает, что концепция механической солидарности, взятая в отдельности, не в состоянии объяснить сущность религиозно-исторической формы соборности. Ее тождество с некоторыми, заметим, весьма важными явлениями русской жизни указывает лишь на то, что общественные связи в России носили механистичный характер. Однако здесь не достает одного весьма существенного аспекта – религиозного, являющегося неким подобием духовного катализатора, который приводил в

движение всю русскую жизнь, вливал в нее жизненную силу, делал могучим и целостным организмом, способным к саморазвитию.

Кроме механистической основы, религиозно-историческая форма соборности обладает еще и своей идеологией. Она может иметь несколько составляющих, но в значительной степени слагается из такого понятия, как «религиозно-светский идеал», сформированного под воздействием христианской идеи о спасении души. Средневековый христианин под влиянием целого ряда факторов был не в состоянии воспринять новозаветную этику в абсолютной чистоте. Однако это обстоятельство не должно было мешать его уверенности в том, что он, выполняя ряд этических установок, сможет добиться спасения души, то есть удостоиться вечной жизни. Данные установки в католицизме и православии имели существенные отличия, касающиеся прежде всего глубины их проникновения в общественную жизнь. В католицизме они охватывают весь общественный спектр: отношение к труду (если верующий профессионально трудится, он попадает в рай), отношение к праву (если верующий соблюдает юридические нормы, он попадает в рай) и т. п. В православии религиозно-светский идеал формировался исключительно на установке служения верховной власти, игнорирования иных общественных аспектов. Православная церковь обязывала верующих относиться к царю как заместителю Бога на земле и вменяла им в обязанность беспрекословное послушание его власти. Безграничная преданность царю, согласно православной этике, оценивалась как один из наиболее важных шагов на пути к вечной жизни. Данное качество русского народа до XIX века выступило одним из главных факторов, скрепивших российское общество в единое целое.

Рассмотрев мирскую и религиозную основы соборности, мы теперь можем сделать вывод, что анализируемая форма соборности сформировалась в результате взаимодействия механистических общественных связей и религиозно-светского идеала.

Изучив характер соборности, следует отметить, что она включает в себя как социальную сферу, так и религиозную. У славянофилов принципы соборных отношений торжествовали лишь в общине. По их мнению, только в

общинной среде царили взаимоотношения, присущие духу христианской морали. Общину как ячейку соборности они противопоставляли всем иным общественным связям, прежде всего власти [5].

Такая точка зрения нам представляется неправильной. Кроме того, здесь присутствует явная идеализация общинных порядков, и, на наш взгляд, порочным является само разделение российского общества на соборные части и несоборные.

Полагаем, российская цивилизация (во всяком случае в хронологических рамках XV–XVII веков) есть единый, цельный живой организм, составные части которого имели взаимообусловливаемую функциональную значимость и по этой причине не могут быть противопоставлены друг другу [6, с. 30–45].

Соборность охватывает весь спектр социальной, политической и религиозной жизни России XV–XVII веков. Отступая от христианского экзистенциального идеала, впитав потребности и отразив запросы эпохи, оно воплощается в религиозно-исторической форме на трех уровнях: идеологическом, церковном (на уровне специфики отправления религиозной православной службы, именно в процессе которой осуществляется единение верующих), институциональном.

Рассмотрим эти уровни более подробно.

В принятой нами терминологии первый уровень соборности есть ничто иное, как религиозно-светский идеал. Такой вывод справедлив только в отношении России, потому что лишь в Российском государстве религиозно-светский идеал объединил все общество, а не какую-либо одну корпорацию. Этика создает правила человеческого поведения. Именно она определяет индивидуалистический или коллективистский характер общества. Поэтому, имея в виду становление соборности под воздействием этики, чрезвычайно важно, чтобы она обладала доминантой коллективизма и религиозности. Благодаря воздействию религиозно-светского идеала российское общество до XVIII века не имело такой ярко выраженной социальной стратификации, как общество западноевропейского средневековья. Конечно, в российском обществе выделялись различные социальные слои – князья, бояре, крестьяне, холопы и так далее, но решающую роль в историческом развитии сыграло то, что они

не имели самостоятельного значения по отношению к царской власти, не боролись осознанно и открыто за свои (прежде всего юридические) права, не имели организационного оформления и главным образом обладали слабовыраженным социальным и классовым самосознанием. Их жизнь, имущество, карьера и даже совесть зависели не от законов и обычаев, а исключительно от волеизъявления монарха.

Здесь налицо складывание двух элементов коллективизма – отсутствия индивидуально-личностной доминанты развития и общего строя мышления, что принципиально возможно только в социально однородной среде. Религиозный характер этому коллективизму, соборному по своей сути, придавал аспект отождествления власти царя с властью Бога. Отсюда утвердилась идея богоизбранничества русского народа, а следовательно, сакрализации всех сторон русского общества.

Второй уровень соборности назван церковным. Здесь соборные начала проявляются только в процессе богослужения, лишь косвенно влияя на характер общественной жизни.

Основой соборности является православная литургия. Это больше, чем просто система ритуальных действий. В процессе богослужения возникает ощущение сопричастности к высшей духовности. Душа каждого участника коллективной молитвы находится в непосредственной близости от Бога. Возникает чувство соборного сопричастия к каждому, кто находится в храме.

Эмоциональный элемент христианства в православии наиболее развит. В силу этого православная вера практически полностью лишена столь характерного для католицизма желания рационализировать мысли и социальные интеракции. В этом есть свои плюсы и минусы. В качестве положительного момента можно отметить отсутствие субъективизма в толковании Священного Писания. Отрицательный образуется от того, что в православии не сложились традиции массового проповедничества, что снизило его воспитательный потенциал и помешало проникновению этических норм в массовое сознание.

Можно констатировать, что православный человек жил в двух измерениях: в церкви он был христианином, в миру же его поведение в целом оказывалось слабо подверженным воз-

действию со стороны религии. С течением времени такое отношение стало традиционным, и этическое восприятие христианства оценивалось как неполноценное, не соответствующее самому духу христианской веры [8, с. 328].

Преобладание чувственного восприятия религии через внешне осязаемые предметы и обряды также содействовало социальной нерасчлененности, препятствовало развитию индивидуальных начал в обществе и, следовательно, этическому восприятию христианства. Такое понимание веры имело большое значение для становления религиозно-исторической формы соборности: оно соответствовало идеалам коллективизма и, препятствуя рациональному осмыслению религии, не позволяло сомневаться в справедливости существовавшего религиозно-светского идеала.

Последний уровень соборности был нами назван институциональным.

Соборность как форма организации общественной жизни на коллективистских началах включает в себя целый ряд социальных институтов. Наиболее важными из них являются самодержавие, церковь, земские соборы, община.

Самодержавие, по сути, являлось неким символом для российского общества, который придавал ему мощные импульсы к единению и цементировал весь спектр общественной жизни. На уровне идеологии, как мы уже отметили, это проявлялось в формировании ценностей, едино разделяемых всем обществом. Не меньшее значение, однако, имела и социально-политическая деятельность самодержавия. В интересующем нас смысле она выражалась в упразднении всех общественных институтов, которые как-либо могли способствовать ограничению самодержавной власти. Здесь в первую очередь следует упомянуть институт частной собственности, демократические структуры власти (например, вече), принцип функционального разделения прав и обязанностей между различными социальными группами, то есть все то, что могло каким-нибудь образом содействовать формированию индивидуализма и корпоративности.

Место института православной церкви в структуре соборности определялось в основном двумя аспектами: 1) тесным сотрудничеством с государством, активным участием в формировании религиозно-светского идеала;

2) отказом от рационального осмысления христианской веры.

Система земских соборов, на наш взгляд, не играла столь значительной роли в структуре соборности, какую ей обычно отводили русские религиозные философы. Возникновение земских соборов – это, скорее, следствие сбоев в работе социально-политических механизмов российского общества, чем неотъемлемый атрибут народовластия. Соборы созывались в периоды кризисов, когда власти нужно было заручиться поддержкой общества. Они демонстрировали слабость государственной власти, а не осознанную ее обязанность делить ответственность за принятие особо важных решений с обществом.

По поводу статуса общины по отношению к соборности высказывалось множество точек зрения: от непосредственного отождествления двух понятий до отрицания соборных начал в российском обществе самым фактом наличия общины.

Истина, как известно, находится примерно посередине. Приведем очень точное, на наш взгляд, высказывание Т. Б. Коваля о статусе общины: «... принцип соборности не является доказательством правоты славянофилов, представлявших общину выразителем идеала соборности и своего рода архетипом русского сознания. Элементы соборности в общине не вытесняют ее коллективизма, который подавлял личность и превращал ее в безвольную часть целого» [2, с. 85].

Общину нельзя отождествлять с соборностью, потому что в основе ее существования лежат не христианские нормы, а система ценностей, характерная для патриархального общества, не приемлющая личностного, осмысленного поведения в отношении морали и нравственности, а навязывающая членам общины некий единый шаблон поведения, причем дохристианский по своей сути. Этическое восприятие христианства, которое происте-

кало из личностного или корпоративного начала, в патриархальном космосе, который основывается на принципе «быть как все», являлось невозможным.

Главная функция общества в становлении соборности заключалась в том, что в общинной среде формировались единые ценностные стандарты. Несмотря на историчность происхождения, религиозно-историческая форма соборности не могла складываться на основе механистического, несмысленного единства. Она характеризуется глубоким внутренним принятием идеологии, которая формирует социальный монолит. Эта идеология, проникая в сознание верующих, выражается в религиозно-светском идеале. Именно для того, чтобы он был принят всем обществом, и необходимо наличие в народном сознании единых ценностных стандартов. Община с ее коллективистским образом жизни была наилучшим механизмом для формирования единого строя мышления и поведения, а значит, и принятия всем социумом общего религиозно-светского идеала. Община создавала тесные социальные связи, единое предметное пространство, конкретность общих интересов, строгую ориентированность всего социума на единообразие для всех акторов аксиологического пространства.

В заключение еще раз отметим, что в основании религиозно-исторической формы соборности лежат два фактора: концепция механистической солидарности (того типа общественных связей, который формируется под воздействием традиций) и религиозно-светский идеал. Религиозный коллективизм, который складывается из социальной однородности и единых ценностных стандартов, включает в себя в качестве фундаментальной основы систему социальных институтов и характеризуется внутренним осмысленным принятием той идеологии (религиозно-светского идеала), которая образует соборное единство.

Литература

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 2016.
2. Коваль Т. Б. Православная этика труда // Мир России. 1994. № 2.
3. Леонтьев К. Н. Византизм и славянство. Русские философы (антология). М., 2016.

Bibliography

1. Durkheim E. About division of social labor. Moscow, 2016.
2. Koval T. B. Orthodox ethics of work // World of Russia. 1994. № 2.
3. Leontiev K. N. Byzantism and Slavdom. Russian philosophers (anthology). Moscow, 2016.

4. Кобрин В. Б., Юрганов А. Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой России // История СССР. 1991. № 4.

5. Победоносцев К., Тихомиров Л. Личность, общество и церковь. Русские философы. М., 2014.

6. Лубский А. В. Государство-цивилизация и национально-цивилизационная идентичность в России // Гуманитарий Юга России. 2015. № 2.

7. Костомаров Н. И. Очерки домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI–XVII столетиях. М., 2015.

8. Булгаков С. Н. Православие. М., 1991.

4. Kobrin V. B., Yurganov A. L. Development of despotic autocracy in medieval Russia // History of the USSR. 1991. № 4.

5. Pobedonostsev K., Tikhomirov L. Personality, society and the church. Russian philosophers. Moscow, 2014.

6. Lubsy A. V. State and civilization and national-civilizational identity in Russia // Humanities of the South of Russia. 2015. № 2.

7. Kostomarov N. I. Essays on domestic life and manners of the great Russian people in the XVI–XVII centuries. Moscow, 2015.

8. Bulgakov S. N. Orthodoxy. Moscow, 1991.

Матяш Тамара Петровна
Matyash Tamara Petrovna

профессор кафедры философии и мировых религий Донского государственного технического университета
доктор философских наук, профессор.

Professor of the Departments of Philosophy and World Religions, Don State Technical University,
Doctor of Philosophy, Professor.
Тел.: 8 (928) 771-90-91.

ЗАПАДНАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ: РЕФЛЕКСИЯ РОССИЙСКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ФИЛОСОФОВ

Western mentality in russian culture: reflex of russian religious philosophy

В статье показывается, в чем отечественные религиозные философы видели сущностное различие в характере и основных началах русской и западной ментальности и как они решали вопрос о возможности ее «примирения» в пространстве российской культуры. Автор объясняет, почему эти проблемы не были актуальны для западноевропейских философов.

Ключевые слова: принцип *cogito*, русская и западноевропейская ментальность, славянофилы, протестантизм, Предание, восточно-христианское умозрение, Логос.

It is shown in what Russian religious philosophers have seen the essential difference in the nature and fundamental principles of Russian and Western mentality; they solved the problem of the possibility of «reconciliation» Russian and Western mentality in the space of Russian culture; why these problems were not relevant to Western philosophers.

Keywords: principle of *cogito*, Russian and Western European mentality, slavophiles, protestantism, tradition, Eastern Christian speculation, Logos.

До середины XIX века в России господствовало мнение о том, что не существует различий в характере и основных началах русской и западной ментальности, хотя признавалось, что степень развития ментальности выше на Западе. Самым быстрым способом поднять русскую ментальность до уровня западноевропейской было, конечно же, ее прямое заимствование, которое, как известно, успешно состоялось. Его культурные последствия стали в XIX – начале XX века предметом размышлений многих русских религиозных философов, убежденных в том, что западноевропейская и русская ментальность имеют специфику, обусловленную прежде всего соответствующими формами христианства.

Всесторонний анализ западноевропейской и русской ментальности требует монографического исследования. Мы же ограничимся рассмотрением только одной характерной черты западноевропейского мышления – субъективности, а также поясним, почему русские религиозные философы критически оценивали такое мышление, и проанализируем последствия его заимствования русской культурой.

Базируясь на теоретико-методологической и мировоззренческой установке, согласно которой в основании типа культуры и господствующего в нем менталитета лежит та или иная религия, русские религиозные философы, прежде всего славянофилы, показали, что тенденция к возвеличиванию субъективного мышления начала формироваться еще католической церковью. Заменяв единомыслие, скрепляемое вселенским Преданием, единомыслием, порождаемым субъективными воззрениями иерархов, в частности Папы [1, с. 42–45], католицизм заложил «внутри себя семя реформации», которая вслед за ним искала основания веры в субъективном мышлении, но уже не главы церкви, а верующих. Превратив «каждого мирянина» «в священника» (К. Маркс), протестантизм позволил толковать Священное Писание по «личным внутренним убеждениям каждого». И если в православии верующий должен был при изучении христианских догматов «понуждать себя к глубокому изменению своего ума, к внутреннему его преобразованию», стать способным обрести мистический опыт [2, с. 9–10], то Реформация, возвеличив

силы ума верующего, позволила приспособить содержащуюся в догматах богооткровенную истину к способностям ума. Верующему было предоставлено право выбирать между Преданием и личным сомнением [3, с. 212–213], а так как предпочтение отдано последнему, то реформаторы стали искать основания веры в субъективном мышлении. Но здесь они столкнулись с проблемой, как в условиях разнообразия «личных сомнений» сохранить единомыслие в вере, без которого религия невозможна. Для решения этой проблемы необходимо было найти в многообразии субъективных мыслей нечто общее, что свойственно каждой конкретной личности. Эти общим является только логическая составляющая мышления, которая может «требовать безусловно признания своих выводов от каждой особенной личности» [3, с. 244]. Единомыслие в вере, скрепляемое вселенским Преданием, было заменено единомыслием, скрепляемым логической составляющей, «равно принадлежащей каждому человеку, каковы бы ни были его внутренняя высота и устройство». Произошла редукция целостного мышления к его логической составляющей [4, с. 78], и «царство чисто рационалистической логики», занявшее «место удалившегося Духа Божьего» [3, с. 244], стало для европейской культуры судьбоносной объединяющей силой. Это обстоятельство, как считал А. С. Хомяков, объясняет, «почему философия рациональная развивалась почти исключительно в землях протестантских» [1, с. 57].

Протестантизм, приписав субъективному разуму свободу самоопределения, способствовал тому, что человек попал под влияние феноменальностей, стал ориентироваться на суетную жажду устройства жизни по принципу «здесь и сейчас», исключил из мировоззрения вопросы о вечном. Сиюминутные потребности моего Я и само мое Я утвердились как нечто исключительное и абсолютное. Восторжествовала «онтологическая пустота», и деятельность человека стала ориентироваться на внешнюю полезность (достижение ближайших корыстных целей) и внешнюю развлекательность (забаву, искусственное заполнение времени).

Альтернативой европейской ментальности, с точки зрения русских религиозных философов, выступала русская мысль, о чем одними

из первых в истории русской философии сказали славянофилы [5]. Даже К. Н. Леонтьев, который соглашался с Вл. Соловьевым в том, что католичество научит нас духовной дисциплине, верил в существование «настоящей, какой-то русской мысли». Но его огорчал тот факт, что «именно мысли-то русской так мало на свете! Есть русский язык, есть, пожалуй, русская литература и поэзия... Но мысли русской, того, что заслуживает названия мысли не будет до тех пор, пока мы не перестанем быть европейцами», и не перестанем испытывать «ужас перед всякой действительной умственной независимостью» [6, с. 203, 135–136].

Славянофилы видели специфику русского ума в его пронизанности духом православно-христианского любомудрия и называли русскую мысль «верующим мышлением» (И. Киреевский), Логосом (В. Ф. Эрн). Логос – это «объективно-божественное» мышление, внимающее божественному смыслу жизни, ее глубинным онтологическим призваниям и задачам. В таком мышлении могут легко соединиться «два противоположных конца человеческой мысли: того, где она сопрягается с высшими вопросами веры, и того, где она прикасается к наукам и внешней образованности» [3, с. 240]. Признавая, что Логос есть открытие великой эллинской философии, русские философы при этом были единомышленны в том, что христианское понимание Логоса, в отличие от античного, сопрягало разум с христианской верой. Сопряжение это трактовалось не просто как связь разума и веры, а как преобразование разума христианской верой, возвышение его «до сочувственного согласия с верой», когда Божественная истина уже дана и ум человека пронизан ею до всякого интеллектуального познания. Но многие русские интеллектуалы, увлекшись западноевропейской философией рационализма, часто бездумно оказывались в плену «завлекательной приманки» протестантизма.

Западноевропейские философы не «услышали» славянофилов, не озаботились проблемой существования «русского ума», отличного от западноевропейского. Одна из причин такой интеллектуальной безучастности, по видимому, состоит в том, что суть логосного мышления славянофилы почерпнули из творений отцов Восточной церкви, которые практически не были известны на Западе. И. Ки-

реевский писал, что «ни на одном из богословских писателей Запада не заметно живого следа того влияния, которое необходимо должны были бы оставить на них писания Восточной церкви, если бы они были известны им хотя бы вполнину против того, как им известны были писатели древнеязыческие». «Ни один философ, ни один историк философии» Запада не упоминает даже о духовной философии восточных отцов церкви, хотя «в каждой истории философии» имеются разделы, посвященные философии «индийской, китайской и персидской» [3, с. 184]. Не зная их духовной философии, западноевропейские интеллектуалы не могли выйти на проблему логосного мышления и его соотносительности с ратиио. Эта проблема стала актуальной только для русской интеллектуальной культуры, в которой «субстанциальная пронизанность религией Слова», присущая восточно-христианскому умозрению, вынуждена была сосуществовать с заимствованной западной мыслью, с *ratio*. «Историческое столкновение *ratio* и Λόγος» происходило и происходит только в пространстве русской культуры, а потому проблема сути этого столкновения, его культурных последствий является чисто русской. Анализируя содержание *ratio* и Λόγος, В. Ф. Эрн пришел к выводу, что это «две враждебные друг другу стихии», которые не могут «жить в мире» [4, с. 85–86]. Они разделены «бездной» [4, с. 79–80], что ведет к расколу единой русской культуры, когда «жизнь-то у нас наша, а ум в ней привозной» (Ф. Гиренок). Этот раскол является причиной «всех зол в Русской земле», что признавали практически все отечественные религиозные философы.

Задолго до славянофилов пагубность для нравственного, духовного здоровья человека господства претендующего на самодостаточность и независимость от веры субъективного ума осознал св. Григорий Палама. Называя такой ум безблагодатным, богослов утверждал, что он «не вмещает того, что от Духа» (1 Кор 2, 14), является «внешней мудростью», которая «надмевает». Поэтому «философское высокомерие не сродни смирению» и «истинные философы», писал он, цитируя Дионисия Александрийского, «обязательно должны были через познание сущего подняться к Виновнику сущего» [7, с. 28, 35–36].

Критические оценки «безблагодатного» ума западноевропейского менталитета, данные св. Григорием Паламой и русскими религиозными философами, во многом коррелятивны. Иного и быть не могло в пространстве православного единомыслия. Но св. Григорий Палама был богословом, и его оценка «безблагодатного» ума сыграла важную роль при рассмотрении вопроса о происхождении Фаворского света. Для русских же философов главной темой была не сущность Фаворского света, а природа декартовского принципа *cogito*, который, как считал, например, Н. Бердяев, мог быть сформулирован только философом, не признающим тайн бытия и жизни, непосредственной связи мышления с этими тайнами. Принцип *cogito*, по мнению другого русского философа П. Д. Юркевича, свел всю полноту человеческого Я к логической мысли, элиминировал из содержания Я тело, чувства, желания, «разорвал» единое живое существо, каковым является человек [8, с. 319]. Обстоятельную критику идеи Р. Декарта о первичности *cogito* предпринял и С. Л. Франк, трактовавший ее как отрицание первичности «неразрывной совместности Я с Богом», которая «...конституирует, что есть Я». Декартовское *cogito* исчерпывает собою все человеческое существование, что, по убеждению С. Л. Франка, есть «глубокое заблуждение и притом гибельное. Оно натворило безмерно много вреда не только в теоретическом самосознании философа, но и в духовной жизни европейского человечества», возмнившего, что оно может заниматься переустройством общества согласно им самим разработанным теориям социального преобразования. Идея искать опору для человеческой жизни «не в вечных и универсальных сверхчеловеческих, абсолютных началах, а в человеческих (“слишком человеческих”) потребностях» была усвоена революционно-демократической интеллигенцией России.

Интересно отметить, что многие православные богословы, не занимаясь специально рассмотрением философии Р. Декарта, свидетельствовали своим религиозным опытом о том, что принцип *cogito* не соотносится с православной верой. Достаточно привести слова святителя Игнатия Брянчанинова по поводу служения настоятеля монастыря: «Это не есть начальство сего мира. Это – бремя легкое и

вместе тяжелое. ...какое нужно иметь настоятельно великодушное, какое самоотвержение, нужно полное забвение своего я, чтобы эта угловатая и резкая буква не ранила, тем более не убивала никого из ближних» [9, с. 124].

Заемствование западноевропейского менталитета русскими интеллектуалами породило разногласие между «коренными» смыслами веры и привнесенным извне культурным смыслом возвеличивания самодостаточности индивида и его мышления, что «оказалось очень вредным не только для русского ума», но и для нравственности народа. Так, важнейшим коренным внутренним убеждением, на котором базировалась нравственность русского человека, было «уважение к святыне правды». Оно порождало серьезное и ответственное отношение русского человека к слову, являясь одной из причин его немногословности. В западноевропейской ментальности слова не имели онтологической связи с божественной святостью и верой, а потому воспринимались как вещи, владельцы которых на правах личной собственности могут их использовать, не отвечая ни перед кем. Ответственное отношение к слову, не связанному с божественной святостью, потеряло всякий смысл, и претендующий на автономию и самодостаточность ум впадал в «страсть к словопрениям», которая пагубна в силу того, что это бесконечная борьба слова со словом, и «невозможно изобрести слово, не знающее поражения» [7, с. 44, 54]. Следуя кальке западноевропейской ментальности, русский человек также стал воспринимать слова как внешние и пустые, которые не страшно произносить, даже если речь идет о клятве, присяге. И если, согласно древнему обычаю, русский крестьянин «так дорожил присягою, что даже в правом деле скорее готов был отказаться от своего иска, чем произнести клятву», то пустота слова породила и пустоту клятвы, и теперь легко можно было солгать, даже произнося слова клятвы и присяги. Древнее правило, согласно которому «при покупке земли, при каждом вводе во владение собираются все окружающие соседи присягать», потеряло свой смысл, ибо никто уже всерьез не воспринимал слова присяги и заверений в исполнении обязательств устного договора. Слова, не связанные со святыней правды, позволяют говорить все, что угодно, и потому русский крестья-

нин «лжет за копейку барыша, за стакан вина, лжет из боязни, лжет из выгоды, лжет без выгоды» (И. Киреевский). О негативных последствиях заимствования западноевропейской ментальности предупреждал и К. Н. Леонтьев. Он говорил о том, что оно приведет к тенденции нарастания желаний свободы и «всякого равенства» (экономического, политического, умственного, полового и так далее). В итоге формируется особый тип самоуверенных и заносчивых граждан, «выработается» в массовом масштабе средний человек, ориентированный на сиюминутные потребности, на бесконечное отстаивание своих прав и свобод, природу и суть которых он не будет знать. Этот человек сформирует этику, свободную от всяких мистических начал, и будет считать, что раскрытию чувства его собственного достоинства способствует только стремление к роскоши и богатству. Он будет уверен, что морально жить по капризу и произволу своей натуры, ее ненасытных и неразумных потребностей. «Средний человек» с воодушевлением примет либеральную идею, согласно которой главной ценностью является личное благо, а не интересы государства. Люди разучатся подчиняться власти, и вопросы укрепления государства, сохранения национальной культуры перестанут волновать их совесть [10].

И все же русские религиозные философы вынуждены были признать, что изгнать западноевропейскую ментальность из интеллектуального пространства русской культуры невозможно в силу того, что она глубоко укоренилась в ней. Вред, который европейская образованность причиняет умственному и нравственному развитию русского народа, «не может быть устранен насильственным удалением от этой образованности или от ее источника – европейской науки» [3, с. 272–275]. Встав однажды на путь заимствования, русская интеллектуальная мысль попала в ловушку необходимости идти по нему и дальше. Но тогда какой смысл заключался в критике русскими религиозными философами европейской ментальности. Ответов может быть много, однако совершенно очевидно, что они попытались восстановить в памяти отечественного интеллектуала главный принцип русской мысли, согласно которому «начала истинных мыслей» заключаются в нашей вере. Задача славянофилов состояла в том, чтобы вывести из состоя-

---

ния исторического беспамятства русских мыслителей. Но не только И. Киреевский, как считал прот. Георгий Флоровский, в идее «верующего мышления» искал способ совместить

«образованность западную» с «духом православно-христианского любомудрия» и тем самым блокировать губительное для русской культуры двоемыслие [11, с. 25–26, 162].

Литература

1. Хомяков А. С. Сочинения: в 2 т. М., 1994. Т. 2.
2. Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной церкви. Догматическое богословие. М., 1991.
3. Киреевский И. В. Разум на пути к истине. М., 2002.
4. Эрн В. Ф. Сочинения. М., 1991.
5. Матяш Т. П. Западноевропейские ценности субъективности // Гуманитарий Юга России. 2014. № 2.
6. Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем. М., 2006. Т. 7 (2).
7. Григорий Палама (св.). Триады в защиту священно-безмолвствующих. М., 1995.
8. Зеньковский В. В. История русской философии. Париж, 1948. Т. I.
9. Игнатий (Брянчанинов) (св.). Посещение Валаамского монастыря // Литературная учебка. М., 1991. Кн. 4.
10. Леонтьев К. Н. Храм и церковь. М., 2003.
11. Флоровский Г. (прот.) Из прошлого русской мысли. М., 1998.

Bibliography

1. Khomyakov A. S. Op.: in 2 vols. Moscow, 1994. Vol. 2.
2. Lossky V. N. Essay on the mystical theology of the Eastern Church. Dogmatic theology. Moscow, 1991.
3. Kireevsky I. V. Mind on the way to the truth. Moscow, 2002.
4. Ern V. F. Op. Moscow, 1991.
5. Matyash T. P. Western values subjectivity // Humanities of the South of Russia. 2014. № 2.
6. Leontiev K. N. Complete works and letters. Moscow, 2006. Vol. 7 (2).
7. Gregory Palamas (sw.). The triads in defense of the sacred-silent. Moscow, 1995.
8. Zenkovsky V. V. History of Russian philosophy. Paris, 1948. T. I.
9. Ignatius (Bryanchaninov) (sw.). A visit to the Valaam monastery // Literary studies. Moscow, 1991. Book 4.
10. Leontiev K. N. The temple and the Church. Moscow, 2003.
11. Florovsky G. (fr.). From the past of Russian thought. Moscow, 1998.

Нефедовский Геннадий Викторович
Nefedovsky Gennady Victorovich

аспирант Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Post-Graduate Student of the South-Russian Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Тел.: 8 (915) 134-39-18.

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО В ЗАКОНОТВОРЧЕСТВЕ ЮСТИНИАНА

Church and state in justinian's law-making

В статье рассматривается формирование доктрины симфонии властей на основе идей законодательства Юстиниана. Указывается, что в процессе создания византийской модели государственно-конфессиональных отношений на разных этапах симфония властей приобретала особые черты. Государственная власть и мыслилась как власть церковная, в основе которой лежит принцип полноты власти, принадлежащей правителю, ограниченной только религиозно-нравственными нормами.

Ключевые слова: симфония властей, государственно-конфессиональные отношения, правовые идеалы, Византийское государство, государственность, христианство.

The article deals with the formation of the doctrine of the authorities symphony based on the ideas of Justinian law. It is stated that during the formation of the Byzantine model of church-state relations in the different stages of the symphony of powers is of particular traits. State power was thought of as the power and the church, which is based on the principle of full power, belonging to the supreme power, limited only by the religious and moral norms.

Keywords: symphony of the authorities, state-confessional relations, legal ideals, Byzantine state, statehood, Christianity.

История взаимоотношений церкви и государства начинается с Миланского эдикта императора Константина Великого, изданного в 313 году. Его принятие открывает новую эпоху в истории права. Как отмечает А. И. Овчинников, «особое значение он играет для правовых систем самых разных государств, не только христианских. Если для христианской церкви он значим, во-первых, тем, что прекратил почти трехсотлетние гонения на христианскую церковь и даровал ей равноправие с прочими религиями Римской империи, во-вторых, тем, что заложил фундамент государственно-церковных отношений на долгие столетия, то для права современных государств он значим христианским, нравственным очищением права, его преобразованием и новым этапом развития. Благодаря Миланскому эдикту возникает новое право в истории человечества – “человеколюбивое право”» [4, с. 15].

В дальнейшем император Константин продолжил установление крепких государственно-церковных связей, так как был уверен в том,

что исключительно вера христианская способна стать единым фундаментом многонациональной страны. Император поддерживал церковь, вел строительство храмов, заботился о духовенстве. По его повелению в Никее в 325 году проведен Первый Вселенский собор, в котором приняли участие 318 знаменитых священников, в том числе святитель Николай Чудотворец. Епископы осудили арианскую ересь. Император присутствовал на всех заседаниях Собора.

Важным этапом в развитии отношений церкви и государства стали Дигесты Юстиниана, которые представляли собой кодифицированный сборник извлечений из трудов авторитетных римских юристов, ставший фундаментом свода римского гражданского права (*Corpus iuris civilis*). Дигесты были составлены в 530–533 годах н. э. В преамбуле к шестой новелле святого императора Юстиниана содержится принцип симфонии властей в Византийской империи: «Величайшие дары Божии, данные людям высшим человеколюбием, – это

священство и царство. Первое служит делам божеским, второе заботится о делах человеческих. Оба происходят от одного источника и украшают человеческую жизнь. Поэтому цари более всего пекутся о благочестии духовенства, которое со своей стороны постоянно молится за них Богу. Когда священство бесспорно, а царство пользуется лишь законной властью, между ними будет доброе согласие (συμφωνία')» [1, с. 34]. Последнее слово в этой фразе – *симфония* (сотрабочничество).

По мысли одного из отцов церкви Августина, епископа Гиппонского, церковь и государство – это два противоположных царства, одно из которых является Градом Небесным, а другое – градом земным, оказывающих влияние на общество. Существует несколько моделей соотношения церкви и государства: примат Града Небесного (церкви) над законами человеческими; примат государства; симфония (согласие) церковной и светской власти. Об этой симфонии и говорит законодательство Юстиниана.

Время правления Юстиниана I считается новым этапом в развитии Византии и формировании христианской империи на Востоке. В этот период, точнее к его началу, Византия уже осознавалась монолитно христианским государством, а христианский император – уже не епископом только внешних дел церкви, как полагал Константин Великий, но и внутренних.

Свою узаконенную власть в церкви Юстиниан трактовал широко. Во-первых, он имел право назначать всех патриархов. Только Папа Римский выбирался. При этом Юстиниан считал их своими органами по управлению церковью. Во-вторых, он позволял себе участвовать в религиозных спорах, принимать декреты в области богословия посредством сбора подписей патриархов. Такой порядок представлялся многим как угроза соборности.

Юстиниан стал главой крайне нестабильного государства. В Константинополе соперничали партии ипподрома, поддерживающие оппозицию новому порядку со стороны отвергнутых наследников императора Анастасия. В провинциях многочисленные ошибки в управлении вызывали беспорядки и восстания, власти не чувствовали себя в безопасности.

В условиях снижения уровня жизни населения и оскудения налоговых поступлений религиозные споры и дискуссии могли привести к краху государственного режима, так как только увеличивали внутреннее разделение страны и еще более обостряли кризис государства. Требовались серьезные реформы, в том числе в церковной жизни.

Юстиниан, по признанию историков, будучи православным христианином, не терпел ереси и еретиков, о которых он сказал следующее: «Одно их прикосновение есть скверна, и след их и самое имя должны исчезнуть с лица земли» [2, с. 370]. Желая истреблять «проклятых еретиков», полагая, что Богу ничто не может быть более угодным, чем соединение всех христиан в единой чистой вере и без всяких раздоров в лоне святой церкви, Юстиниан почитал за честь выступить защитником православных догматов. При этом он считал себя сведущим в их содержании. Кроме того, статус императора – наместника Бога, его представителя на земле к этому обязывал.

Будучи главой империи, он осознавал значимость и важность для безопасности страны отсутствия религиозных раздоров. Император в течение всего правления был защитником церкви, от которой принимал статус верховного деятеля и учителя.

Уже в главе «О пресвятой Троице и кафолической вере» Дигест можно увидеть проявление его веры в Бога. Никейский символ веры повторяется не один раз на страницах Дигест, сопровождаясь анафемами еретикам. Далее идут главы религиозного законодательства, что означает помещение последнего в основу законодательства гражданского, или гражданского: «Упование на Бога составляет наше единственное прибежище для существования монархии; в нем спасение нашей души и империи; поэтому подобает, чтобы все наше законодательство вытекало из этого принципа, чтобы он был для него началом, серединой и концом».

Законодательство Юстиниана регулирует также и церковную жизнь. Так, надлежит избирать священников безупречных, полагает Юстиниан, перечисляя все тонкости этого процесса: порядок выборов нового епископа, его нравственные качества, гарантии праведности, возраст клириков, требования к ним, мона-

стырской жизни, казне монастырей и так далее. На страницах Дигест можно встретить наставления о поведении клира, инструкции по распоряжению церковными доходами, нормы, устанавливающие ответственность административных сотрудников церквей.

Для всех служителей церкви определена особая юрисдикция. Светский суд не рассматривал их дела, напротив, епископу даны были особые полномочия по контролю за гражданскими, светскими чиновниками, позволяющие ему быть покровителем бедных, узников, рабов, защитником униженных и угнетенных.

В каждом крупном городе империи на средства Юстиниана была построена церковь или монастырь. Боролся он и с язычеством, популярным среди чиновников, в том числе занимавших высокие посты. Ереси также вызывали негодование Юстиниана, поэтому вскоре после вступления на престол он перестал демонстрировать религиозную терпимость, искренне полагая необходимым заботиться о других подданных: «Справедливо лишать земных благ тех, кто не поклоняется истинному Богу». Еретики были лишены права занимать высокие посты, выполнять профессиональную деятельность в качестве адвокатов и профессоров учебных заведений, им было запрещено собираться вместе, миссионерствовать, давать показания на суде против православных, передавать имущество по наследству, составлять завещания и так далее.

Однако степень гонений варьировалась в зависимости от вида ереси. Максимальной она была по отношению к манихеям и язычникам. Чуть менее строгим был Юстиниан к евреям, которые, однако, постоянно восставали вместе с самарянами, что приводило к кровавым подавлениям мятежей и авторитарному обращению их в православие.

Таким образом, в сфере церковной дисциплины и управления законодательная деятельность Юстиниана опередила законодательство церковное. Отдельные соборные постановления так и не были объединены в один церковный кодекс. Юстиниан в своем «Кодексе» и «Новеллах» синтезировал церковные узаконения и обычаи. Например, 123-я новелла содержит все узаконения о епископах и клириках, 133-я – о монашестве и так далее. При этом они практически восприняты церковью

как законы божественные и положили начало «Номоканону».

Ради выполнения программы монолитной христианской империи Юстиниан, оставив в стороне монофизитство, ультимативно обрушился на всех еретиков и оставшихся язычников.

«Мы, – писал Юстиниан в 6-й новелле, – озабочиваемся и о хранении православной веры, и о благоустройстве священства, чем надеемся получить великие блага от Бога и солидности твердый порядок в государстве». Историки сообщают, что после восхождения на царство император Юстиниан преследовал язычников эллинов и еретиков и «постановил, что только вера православных христиан признается государственной, и все церкви еретиков отдал православным». Было предписано тем, кто еще не крещен, немедленно креститься. Причем для взрослых Юстиниан предполагал особый порядок обращения, что подтверждает его глубокую преданность христианским нормам: взрослые должны были прежде изучить Священное Писание, ознакомиться со смыслом таинств христианских и только затем приступить к крещению своему. Если они не будут креститься, ссылаясь на военную службу или должность либо дела имущественные, своих детей, жен, слуг и всех при них находящихся оставят в заблуждении и, как следствие, окажутся небрежными в этом деле, то Юстиниан обязывал описывать их имение и изгонять их из государства.

По мнению ряда исследователей, теория симфонии духовной и светской власти в версии Юстиниана является следствием концепции государственно-церковных отношений, сформулированной в конце V – начале VI века Геласием и Симмахом, которые ставили своей целью доказать главенство власти церкви над светской в вопросах устройства церкви и порядков в ней, вероучения, то есть в церковных делах, полагая, что правитель должен кротко и смиренно воспринимать наставления духовенства в вопросах веры. С одной стороны, это было выражением римского клерикализма, который тогда уже существовал, с другой – это вполне оправдывалось тем, что наставления адресовались императору Анастасию, который выступал на стороне монофизитов. Юстиниан интерпретировал концепцию государственно-церковных отношений, которую он мог по-

заимствовать у римских и некоторых других отцов. Следует не отождествлять священство и церковь, тогда становится понятным, почему в предисловии к 6-й новелле Юстиниана говорится не о главенстве духовенства, но о единстве и согласии царства и священства внутри церкви. Император прекрасно знал православное догматическое богословие, которое тогда уже начало складываться в единую систему, и не отождествлял духовенство и церковь. Следует иметь в виду, что слово «церковь» вообще отсутствует в его предисловии. Она понимается им как богочеловеческий институт, объединяющий христиан, и Юстиниан говорит о дарах Божиих человечеству, то есть соотношение царства и священства трактуется вовсе не как взаимоотношение государства и церкви, а как соотношение различных властей внутри церкви. Юстиниан при этом пользуется понятиями Божественного и человеческого. Однако в соответствии с Халкидонским догматом, который здесь как бы экклезиологически прилагается, он говорит о нераздельном единстве и указывает на общность свойств между Божественным и человеческим. В тексте 6-й новеллы отмечается, что «царство заботится и о догматах, и о чести священников, и о соблюдении церковных правил, то есть устраивает предельно широко понимаемую человеческую сторону церкви».

В его модели симфонии властей обращает на себя внимание разный вес ее частей. По-

нятие «священство» объединяет всех служителей церкви – епископов, священников, диаконов, чтецов, пономарей. По его суждению, «священство служит вещам Божественным», «оно более Божественная часть церкви», «но это отличие духовенства от прочих членов церкви относительно», «дело священства – молитва», то есть предельно широко понимаемая литургическая и сакраментальная жизнь церкви. Но при этом утверждается верховенство царства. В то же время Юстиниан говорит: «Что же есть более великого, более святого, чем императорское величество?!». В одном из законов, прямо относящихся к церковной жизни (новелла 133-я «О монахах и монахинях и их образе жизни»), Юстиниан отмечает: «Нет ничего недоступного для надзора царю, принявшему от Бога общее попечение о всех людях. Императору подобает верховное попечение о церквах и забота о спасении поданных. Император – блюститель канонов и Божественных законов. Царь через Собор и священников утверждает правую веру». Таким образом, модель симфонии властей императора представляет собой результат воцерковления государственной власти, которая не мыслила себя вне церкви, не осознавала свою секулярность и индифферентность к вопросам веры, то есть тех характеристик власти, которые возникли в Западной Европе в эпоху Просвещения.

Литература

1. Дигесты Юстиниана. М., 1984.
2. Диль Ш. Юстиниан и Византийская цивилизация в VI веке: пер. с фр. СПб., 1908.
3. Овчинников А. И., Мамычев А. Ю., Мамычева Д. И. Социокультурные основы кодирования государственно-правового развития // Социально-экономические и гуманитарно-философские проблемы современной науки. М.; Уфа; Ростов н/Д, 2015.
4. Овчинников А. И. Миланский эдикт и его роль в формировании ценностей современного права // Философия права. 2013. № 3 (58).
5. Перетерский И. С. Дигесты Юстиниана. Очерки по истории составления и общая характеристика. М., 1956.

Bibliography

1. Digesty Justinian. Moscow, 1984.
2. Diehl S. Justinian and Byzantine civilization in the VI century: transl. with Franch. St. Peterburg, 1908.
3. Ovchinnikov A. I., Mamychev A. Yu., Mamycheva D. I. Social and cultural foundations of coding state-legal development // Socio-economic, humanitarian and philosophical problems of modern science. Moscow; Ufa; Rostov-on-Don, 2015.
4. Ovchinnikov A. I. Edict of Milan and its role in shaping the values of modern law // Philosophy of law. 2013. № 3 (58).
5. Peretersky I. S. Digesty Justinian. Essays on the history of the preparation and the general characteristics. Moscow, 1956.

Лубский Анатолий Владимирович
Lubsky Anatoly Vladimirovich

профессор кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета доктор философских наук, профессор.

Professor of the Departments of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Researches, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Doctor of Philosophy, Professor.
Тел.: 8 (928) 166-27-33.

**ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ КАК БАЗОВАЯ СТРУКТУРА
МЕНТАЛЬНОЙ МАТРИЦЫ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В РОССИИ***
Citizenship as a basic structure of the mental matrix of social behavior in Russia

В статье рассматривается гражданственность как базовая структура ментальной матрицы социального поведения, определяющей способ бытия личности в российском обществе. Автор анализирует различные представления о гражданственности, которая в одних случаях трактуется как качество личности, в других – как социальный институт.

Ключевые слова: гражданственность, гражданин, гражданская компетентность, гражданская идентичность, ментальная матрица, социальное поведение.

There are different ideas of civism in scientific discourse. In some cases it is interpreted as an individual character, in others as a social institution. In the article civism is considered as the basic structure of the mental matrix of social behavior that defines the way of being the personality in Russian society.

Keywords: civism, citizen, civic competence, civic identity, mental matrix, social behavior.

Гражданственность в России как предмет философского дискурса, размещенного в смысловом пространстве между идеями гражданской нации и государства-цивилизации, в настоящее время приобрела особое социальное и нравственное звучание, обуславливая практики социального поведения в российском обществе.

Изучая социальное поведение, У. Томас писал, что «если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны по своим последствиям» [15, р. 572]. Люди оценивают их как реальные благодаря своим ментальным матрицам, представляющим собой когнитивные модели организации наиболее устойчивых элементов общественного сознания. Устойчивость этих элементов объясняется тем, что ментальные матрицы являются различного рода догматическими представлениями о социальной реальности. В связи с этим исследователи отмечают, что «догмат как первичная система априорного знания об основах миро-

здания и смысле человеческого существования устанавливает базовую структуру ментальной матрицы, определяет ее содержание» [1, с. 52]. Характерным свойством ментальной матрицы является не только ее устойчивость, но и инвариантность к внешним и внутренним воздействиям. Поэтому благодаря ментальным матрицам индивиды, оказываясь в конкретной социальной ситуации, не только определяют ее как реальную, но и реагируют соответствующим образом, придерживаясь при этом определенных моделей социального поведения как когнитивных аналогов социальных практик, сложившихся в обществе.

В научном дискурсе различают индивидуальное и коллективное поведение. Индивидуальное поведение, как подчеркивают исследователи, – это реакция человека на возникшую социальную ситуацию в виде действий, направленных на адаптацию к социальной среде. Коллективное поведение представляет собой форму взаимного приспособления инди-

* Статья выполнена в рамках реализации гранта Российского научного фонда № 16-18-10387 «Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе».

видуальных действий, в процессе которого человек, интерпретируя действия других членов сообщества, подстраивается под них, вписываясь тем самым в общую модель социального поведения [10, с. 32–40].

В научно-исследовательских практиках существуют различные дисциплинарные подходы к объяснению социального поведения, среди которых доминируют личностный, ситуационный, диспозиционный и культурный. В настоящее время в междисциплинарном научном пространстве сложилась парадигма изучения социального поведения, направленная на преодоление дисциплинарной ограниченности и методологической односторонности этих подходов [7, с. 3–11]. В ее рамках социальное поведение индивида рассматривается не как следствие личностных черт его характера или давления социальной ситуации, а как результат интерпретации им социальной ситуации. Основой такой интерпретации и приписывания социальной ситуации определенных значений и смыслов выступает ментальная матрица, структуры которой и задают соответствующее социальное поведение. В связи с этим модели социального поведения как короткие поведенческие сценарии можно рассматривать в качестве когнитивных аналогов практик социального поведения, обусловленных их ментальными матрицами.

Повышенный интерес к гражданственности как базовой структуре ментальной матрицы социального поведения в российском обществе был обусловлен, с одной стороны, политикой и практикой формирования в России гражданского общества, с другой – поиском пути национального развития в условиях глобализации, актуализировавшим проблематику, связанную с ее цивилизационной спецификой, состоящей в том, что доминантной формой интеграции в российской цивилизации выступает государственность как государственно-организованная форма общества, задающая в его гетерогенном социокультурном пространстве единый нормативно-ценностный порядок, или символический универсум [9, с. 93–103; 6, с. 141–149].

В реальной жизни гражданственность индивида определяется его гражданской идентичностью. В условиях модернизационно-мобилизационного развития российского общества в его символическом универсуме

произошло переплетение различных значений и смыслов, что привело к возникновению в России двух типов национальной идентичности – государственно-гражданской и национально-гражданской, основанных на самоидентификации индивидов или с российскими гражданами как макрополитическим сообществом, или с формирующимся гражданским обществом [2, с. 17–34]. При этом основу государственно-гражданской идентичности составляет этатистская культура и государственное самосознание индивидов, которое предполагает прежде всего лояльность по отношению к государству. Основой национально-гражданской идентичности выступают гражданская культура и компетентность, позволяющие людям действовать успешно в гражданском сообществе и повседневной жизни, строящейся на ценностях репрезентативной демократии [14, с. 93].

В научно-исследовательских практиках сложилось также представление о гражданской идентичности в России, основой которой выступает самоидентификация индивидов не с гражданским обществом и его либеральными ценностями, а с гражданской нацией, которая неразрывно связана с государством. В данном случае речь идет о гражданской идентификации как процессе соотнесения индивидов с российским обществом как социальным целым и принятыми в нем ценностными ориентациями. В этом плане гражданскую идентичность в России, носящую интеграционный характер, можно представить «в виде своеобразного цементного раствора, скрепляющего многочисленные этносы, конфессии и социальные группы в единое целое – гражданскую нацию» [5, с. 47]. При таком понимании гражданской идентичности первостепенное значение в ней уделяется ее государственно-цивилизационному измерению.

Таким образом, в научно-исследовательских практиках существуют различные представления о гражданской идентичности и, соответственно, гражданственности индивидов в российском обществе. Одни из этих представлений базируются на научном тезаурусе, сложившемся в западноевропейском социокультурном контексте, другие – на российской социокультурной традиции, в рамках которой гражданственности приписываются особые значения и смыслы.

На Западе референтом гражданской идентичности индивида является гражданское общество, и поэтому в одном из документов Совета Европы отмечается, что гражданственность – это «всеобъемлющее, а не только юридическое и политическое понятие. С одной стороны, гражданственность подразумевает, что все граждане, женщины и мужчины, должны в полной мере пользоваться правами человека и чувствовать свою защищенность со стороны демократического общества. С другой стороны, гражданственность также подразумевает, что каждый должен вовлечься в вопросы, касающиеся жизни в обществе, и действовать на протяжении своей жизни в качестве активного и ответственного гражданина, уважающего права других» [3].

Некоторые исследователи считают, что гражданственность можно рассматривать как способность человека выполнять определенную роль в соответствии с установленной социальной моделью и в этом случае говорить о ней как о качестве личности. Поэтому гражданственность, сформировавшаяся в западноевропейском цивилизационном ареале, характеризуется такими чертами, как «сознательность и ответственность, свобода (прежде всего свобода выбора) и творческая направленность, активная жизненная позиция и рефлексивно-критическое отношение к действительности, самоактуализация (стремление субъекта наиболее полно раскрыть свой потенциал) и самоидентичность (стремление субъекта быть в согласии с самим собой)» [12, с. 308].

Некоторые ученые рассматривают гражданственность как «совокупность интериоризованных социальных норм, регулирующих отношения общества с властными институтами: 1) по поводу перераспределения (делегирувания) власти; 2) на основе индивидуальной инициативы, связанной со способностью брать на себя ответственность за проблемную ситуацию в обществе в сфере своего социального влияния; 3) при условии легитимации этой инициативы властью; 4) подкрепляемая социальными ожиданиями общества (сообщества)» [13, с. 253].

В рамках такого подхода понятие гражданской ответственности в России имеет иную смысловую нагрузку, чем на Западе, что обусловлено различными коннотациями слова «гражданин» в западноевропейском и российском социокультурном контекстах. На Западе гражданин од-

новременно идентифицирует себя и с политической нацией (сообществом граждан, имеющих политико-правовую связь с государством), и с гражданской нацией (гражданским обществом). В России гражданского общества в западноевропейском его понимании не существует, поэтому слово «гражданин» несет иную смысловую нагрузку. Так, на Красной площади в Москве в 1818 году был открыт памятник Минину и Пожарскому. Особенность его состояла в том, что надпись на постаменте гласила: «Гражданину Минину и князю Пожарскому благодарная Россия». Впервые памятник в России был поставлен гражданину, а этот «титл» обнародован как общественно значимый, хотя россияне в политико-правовом смысле являлись не гражданами, а подданными. Поэтому надпись «гражданин» на постаменте имела прежде всего нравственный смысл: князь Пожарский защищал страну по службе, а гражданин Минин спасал Россию по долгу.

Однако не все в России были с этим согласны. В частности, А. С. Пушкин, как отмечают исследователи, в «Прогулке по Москве» (1836 г.) писал, что «надпись Гражданину Минину, конечно, не удовлетворительна». Это было связано с тем, что представление поэта о гражданине в России не соотносилось с социальным положением Минина как мещанина. Для А. С. Пушкина граждане – это представители благородного сословия, дворяне, служащие своему государству. Однако над ним довлеет не только «Медный всадник», учрежденный в России регулярное государство, но и «дух» европейской свободы: гражданин у поэта – одновременно и слуга отечеству, и человек «с душою благородной, возвышенной и пламенно свободной» [11, с. 47–48].

Вопросом о том, кто такой гражданин в России, задается также Н. А. Некрасов и отвечает: «Отечества достойный сын». У поэта смысл данного понятия сопрягается не со службой государству, а с долгом перед родиной. Афоризм Н. А. Некрасова «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан» подчеркивает, что для российского общества в контексте его социокультурных традиций важным является не столько юридическое определение понятия «гражданин», сколько его духовно-нравственный смысл. Однако надо отметить, что императив Н. А. Некрасо-

ва «гражданином быть обязан» относился не к простым людям, а к критически мыслящим личностям. У поэта гражданин – это «достойный сын», для которого судьба Отечества является делом глубоко личным и нравственным. Часто императив «гражданином быть обязан» трактуется очень широко – как обязанность по отношению к человеку вообще. Обязать индивидуума быть гражданином – это химера, поскольку можно стать гражданином только в деятельности на благо общества. В связи с этим следует отметить, что требование «обязан» быть гражданином может обернуться в современном российском имитационном обществе «лукавством»: главное – это не быть гражданином, а казаться.

Таким образом, в отечественной литературе и русской жизни начиная с XIX века обнаружилась коллизия: гражданин – тот, кто служит отечеству, и гражданин – тот, для кого служение отечеству является нравственным долгом. Преодолеть эту коллизию пытались разными путями. Одной из таких попыток была апелляция к государству не как к политической системе, а как к его «духовной сущности», и тогда в один смысловой ряд выстраиваются такие понятия, как «государство», «Родина», «Отчизна», «Отечество», «Россия». В соответствии с этим, как считал И. А. Ильин, государство должно жить в душе гражданина, но и гражданин должен жить интересами своего государства. «Сущность государства, – писал он, – состоит в том, что все его граждане имеют и признают, помимо своих различных и частных интересов и целей, еще единый интерес и единую цель, а именно общий интерес и общую цель, ибо государево есть некая духовная община» [4, с. 262].

Однако на практике российский народ не стремился участвовать в делах государства, чаще всего он вообще безмолвствовал. Кроме того, на всем протяжении истории Русское государство, деспотически нависая над народом и возбуждая у него патерналистские чувства, не пробуждало у людей особой потребности к гражданской активности. Поэтому в обществе сложились два типа взаимоотношений человека и государства и, соответственно, два полярных лика гражданственности: гражданственность официальная, верноподданническая, лояльная и гражданственность оппозиционная, критическая, бунтующая.

В современной научной литературе существуют различные представления о гражданственности с учетом ее социокультурной специфики. Одни авторы, рассматривая гражданственность как личное качество, считают, что она базируется на идее гражданского долга и заботе об общественном благе и находит выражение в осознании человеком своих прав и обязанностей по отношению к обществу, а также готовности добровольно следовать его правовым и нравственным предписаниям. Другие связывают гражданственность с активным участием в общественной жизни, чувством сопричастности человека к судьбе отечества и наличием у него социально значимых нравственных ориентиров, определяющих готовность принять на себя моральную ответственность за прошлое, настоящее и будущее своей страны. Для третьих гражданственность, находящая выражение в социальной деятельности человека, проявляется в его готовности и способности активно участвовать в делах общества и государства, сознательно пользоваться своими правами, свободами и выполнять свои обязанности [8, с. 10–19].

В России референтом гражданской идентичности индивида выступает полиэтничная нация как макрополитическое сообщество, объединяющее граждан Российской Федерации. Это позволяет говорить о доминировании в российском обществе государственно-гражданской идентичности. В свое время А. Блок, размышляя о «Медном всаднике», писал, что «все мы находимся в вибрациях его меди», и поэтому всякая гражданственность в России относительна [11, с. 44].

В целом гражданственность можно рассматривать как способ бытия личности в обществе. В связи с этим гражданственность как базовую структуру ментальной матрицы социального поведения можно охарактеризовать такими чертами, как субъектность, активная жизненная позиция, свобода индивидуального выбора, творческая направленность, стремление к раскрытию своего потенциала, критическое отношение к социальной действительности. В этом плане гражданственность, в отличие от этатистской лояльности подданного, которому права и вольности даруются государством, – это атрибут гражданина, обладающего суверенными правами и свободами, соци-

ально компетентного и ответственного в своей общественной активности.

С учетом особенностей национальной гражданственности, обусловленных спецификой культурного и социально-политического развития, можно выделить некоторые общие направления в формировании гражданственности в российском обществе. Во-первых, это создание условий для развития сущностных сил человека, заботящегося об общественной пользе, и овладение им способами сознательной деятельности в интересах других людей или ради их общего блага. Во-вторых, это готовность личности к самоограничению во имя достижения общественных идеалов. В-третьих, это способность субъекта открывать нестандартные способы и проектировать новые формы гражданской деятельности, позволяющие решать сложные задачи, которые постоянно встают перед людьми в современном обществе.

Таким образом, в современных дискурсивных практиках существуют различные пред-

ставления о гражданственности, которая в одних случаях трактуется как качество личности, связанное с ее социальной компетентностью и ответственностью, позволяющее успешно проявлять социальную активность в гражданском обществе, в других – как социальный институт, регулирующий отношения человека, общества и государства. Гражданственность можно рассматривать также как базовую структуру ментальной матрицы социального поведения, определяющей способ бытия человека в обществе и государстве. В российском обществе можно выделить два полярных типа гражданственности и соответствующего социального поведения: гражданственность официальную, верноподданническую, лояльную и гражданственность оппозиционную, критическую, бунтующую. В то же время в России формируется гражданственность активная, компетентная, ответственная и нравственная в своей общественной значимости.

Литература

1. Бухарин С. Н., Ракитянский Н. М. Ментальная матрица политической элиты в контексте теории информационного поля // Информационные войны. 2011. № 1 (17).
2. Дробижева Л. М. Российская идентичность и согласие в межэтнических отношениях: опыт 20 лет реформ // Вестник российской нации. 2012. № 4–5.
3. Европейский год гражданственности через образование, 2005. Жить и учиться демократии. Концепция. Специальный комитет экспертов по Европейскому году гражданственности через образование (САНСИТ) // Центр гражданского образования и прав человека. URL: http://www.pcgo.narod.ru/god_evro.htm.
4. Ильин И. А. Путь к очевидности. М., 1993.
5. Имгрунт С. И. Гражданская идентификация россиян в условиях социального неравенства. Ростов н/Д, 2015.
6. История России в вопросах и ответах. Изд. 2-е, испр. и доп. Ростов н/Д, 1999.
7. Лубский А. В. Междисциплинарные научные исследования: когнитивная «мода» или социальный «вызов» // Социологические исследования. 2015. № 10.

Bibliography

1. Bukharin S. N., Rakityansky N. M. A mental matrix of political elite in the context of the theory of an information field // Information wars. 2011. № 1 (17).
2. Drobizheva L. M. The Russian identity and consent in the interethnic relations: experience of 20 years of reforms // Messenger of the Russian nation. 2012. № 4–5.
3. The European year of civic consciousness through education. 2005. To live and study democracy. Concept. Special committee of experts by the European year of civic consciousness through education (SANISIT) // The Center of civic education and human rights. URL: http://www.pcgo.narod.ru/god_evro.htm.
4. Ilyin I. A. Way to evidence. Moscow, 1993.
5. Imgrunt S. I. Civic identification of Russian in the conditions of a social inequality. Rostov-on-Don, 2015.
6. History of Russia in questions and answers. Prod. 2nd corrected and added. Rostov-on-Don, 1999.
7. Lubsy A. V. Interdisciplinary scientific researches: cognitive «fashion» or social «call» // Sociological researches. 2015. № 10.
8. Lubsy A. V. Whether it is possible to combine civil values with patriotism in Russia? // Part-

-
-
8. Лубский А. В. Можно ли совместить гражданские ценности с патриотизмом в России? // Партнерство университета и школы в сфере формирования гражданских ценностей и патриотизма. Ростов н/Д, 2015.
9. Лубский А. В., Лубский Р. А. Этатизм и патернализм как культурные маркеры цивилизационной идентичности в России // Гуманитарий Юга России. 2013. № 3.
10. Лубский Р. А. Государственность и модели социального поведения в современной России // Научная мысль Кавказа. 2014. № 1.
11. Мурин Д. Н. Проблема гражданственности в русской литературе XIX века // Гражданское образование – педагогический, социальный и культурный феномен: монография. СПб., 2006.
12. Резник Ю. М. Человек гражданский: проблемы идентичности // Вопросы социальной теории. 2010. Т. IV.
13. Смирнов В. Э. Институционально-ролевой подход к пониманию феномена гражданственности // Социологический альманах. 2011. № 2.
14. Трофимова И. Н. Гражданская компетенция: государственная политика или возможности для гражданина // Россия реформирующаяся. Вып. 13: Ежегодник. М., 2015.
15. Thomas W. I., Thomas D. S. The Child in America: behavior problems and programs. N.-Y., 1928.
- nership of university and school in the sphere of formation of civil values and patriotism. Rostov-on-Don, 2015.
9. Lubsky A. V., Lubsky R. A. Etatism and paternalism as cultural markers of civilization identity in Russia // The Humanist of the South of Russia. 2013. № 3.
10. Lubsky R. A. Statehood and models of social behavior in modern Russia // Scientific thought of the Caucasus. 2014. № 1.
11. Murin D. N. A civic consciousness problem in the Russian literature of the 19th century // Civic education – a pedagogical, social and cultural phenomenon: monograph. St. Petersburg, 2006.
12. Reznik Yu. M. People of civil: identity problems // Questions of the social theory. 2010. Vol. IV.
13. Smirnov V. E. Institutional and role approach to understanding of a phenomenon of civic consciousness // Sociological almanac. 2011. № 2.
14. Trofimova I. N. Civil competence: a state policy or opportunities for the citizen // Russia which is reformed. Issue 13: year-book. Moscow, 2015.
15. Thomas W. I., Thomas D. S. The Child in America: behavior problems and programs. New York, 1928.

Федоренко Святослав Петрович
Fedorenko Svyatoslav Petrovitch

доцент кафедры теории и истории государства и права Ростовского юридического института МВД России
кандидат юридических наук.

Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Law.
Тел.: 8 (928) 229-94-34.

**ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ПАЛАТ КАК СТРУКТУРНОГО ЭЛЕМЕНТА
ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА**

**The key trends of formation the russian legislation concerning regulation of activities
of the public chamber as a structural element of civil society**

В статье анализируется современное российское законодательство, регулирующее общественные отношения в сфере взаимодействия гражданского общества с органами государственной и муниципальной власти. Проводится мониторинг правовых режимов воздействия и стимулов формирования гражданского общества в России. Выстраиваются гипотезы о мерах, которые необходимо принять для вовлечения как можно большего числа граждан России в политические и общественные процессы взаимодействия государства, органов муниципальной власти и общества.

Ключевые слова: общественный контроль, гражданское общество, общественная палата, формирование законодательства.

This article analyzes the current Russian legislation, regulating public relations in sphere of interaction of civil society with state and municipal authorities. Monitoring legal regimes of the impact and incentives of the civil society formation in Russia. Build hypotheses about measures to be taken by the involvement of as many citizens of the Russian Federation in the political and social processes of interaction between state and society.

Keywords: social control, civil society, General would chamber, formation of the legislation.

Тема гражданского общества в социально-политической и правовой системе России продолжает носить актуальный характер. Это во многом обусловлено тем, что в отечественном правовом пространстве либерально-демократическая концепция получила развитие лишь двадцать три года назад, после принятия Конституции Российской Федерации.

Исторически к постановке вопроса о гражданском обществе в правовой сфере следует отнести издание Николаем II 17 октября 1905 года манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка», в котором император возложил на правительство обязанность «...даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов» [1, с. 435–436]. По сути, этот документ мог стать как про-

граммной основой формирования гражданского общества в Российской империи, так и преддверием российской конституции, но фактически не произошло ни первого, ни второго.

Западноевропейская парадигма, исторически формируемая еще со времен Античности, то есть около двух с половиной тысяч лет, предполагала дихотомию «государство – гражданское общество» в режиме достаточно органичной диалектики, обусловленной как качеством социокультурной среды, так и особенностями общественного строя и способами производства, оказавшими прямое влияние на стратификацию общества и балансировку политических сил.

Европейское гражданское общество исторически основывалось на стремлении народных масс отстаивать свои права и создать в государстве существенный сектор общест-

---

венных отношений, в котором оно само сможет реализовывать свои интересы. Как видим, во многом процессы его формирования шли «снизу вверх». В России ситуация складывается прямо противоположная. В настоящее время Президент Российской Федерации прилагает титанические усилия для создания гражданского общества в стране, то есть, как это неоднократно бывало в нашей истории, процессы идут «сверху вниз». По сути, складывается своеобразная ситуация, когда глава государства является лидером гражданского общества, а население в очередной раз занимает выжидательную позицию в надежде на то, что государство решит за него все его проблемы.

Обращаясь к истокам формирования российского гражданского общества, следует отметить, что во второй половине 80-х годов прошлого века начались кардинальные реформы политической системы и общественной уклада жизни советских граждан. Эти процессы, проводимые М. С. Горбачевым, получили звучное, но достаточно абстрактное название «перестройка». Они изменили не только отечественное государство, но и, без преувеличения, ход всей общечеловеческой истории. Масштаб этих процессов настолько велик, что спустя тридцать лет их обсуждение все еще актуально, а о событиях и фактах того времени постоянно упоминают не только узкоспециализированные исследователи, но и многие политики, общественные деятели и т. п.

Проблема формирования российского гражданского общества волнует не только научную общественность, но и непосредственно высшие органы государственной власти. Так, 23 июня текущего года принят Федеральный закон «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации», который вступит в силу 1 января 2017 года. Общественные палаты в субъектах Федерации должны стать необходимым элементом общего процесса институционализации гражданского общества в России. В настоящее время активность гражданского общества следует признать недостаточной, что находит свое отражение во многих сферах жизнедеятельности и приводит к таким проблемам, как низкая эффективность общественного контроля за органами государственной и муниципальной власти и отсутст-

вие элементарного взаимовыгодного сотрудничества с данными органами.

О проблеме повышения роли гражданского общества в жизни страны неоднократно заявляли как представители государственной и муниципальной власти, так и деятели науки, искусства, общественные активисты и так далее. Безусловно, ее решение поможет во многом улучшить качество жизни российских граждан как в материально-бытовой сфере, так и в духовно-нравственной. Большинство современных комплексных проблем российского общества и системы власти, таких как присвоение средств различных бюджетов и фондов, хищение денег, выделенных на решение жизненно важных вопросов населения, коррупция и превышение должностных полномочий государственными и муниципальными чиновниками, недобросовестное ведение бизнеса, коренятся в неэффективности, а зачастую и полном отсутствии контроля со стороны гражданского общества. Внимание законодателя к данной ситуации является частью существенного сегмента внутренней политики государства, направленной на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [2]. Реализация этого конституционного положения невозможна без воли и участия самого населения, которое, с одной стороны, является базовым элементом государства, а с другой – уровень его правового сознания и правовой культуры определяет не только качество жизни общества, но и профессионализм представителей органов государственной и муниципальной власти, так как сам народ в условиях демократии выступает социальным источником формирования институтов публичной власти и управления. Поэтому уровень правосознания и правовой культуры населения прочно взаимосвязан с эффективностью работы органов власти.

Процессы формирования гражданского общества как высококультурного, инициативного, созидающего, разумно действующего социального ядра, функционирующего параллельно с органами государственной и муниципальной власти и напрямую от них не зависящего, в российских условиях имеет ряд особенностей. В настоящее время общественные палаты созданы во всех субъектах Российской Федерации (в том числе и в Ростовской области) [3], в рамках которых действуют различ-

ные комиссии и рабочие группы. Основная их цель – «обеспечить согласование общественно значимых интересов граждан, некоммерческих организаций, органов государственной власти субъекта Российской Федерации и органов местного самоуправления для решения наиболее важных вопросов экономического и социального развития субъекта Российской Федерации, защиты прав и свобод граждан, развития демократических институтов» [4]. Характерно, что процессы согласования общественно значимых интересов с органами власти инициируются самими органами, а не народом как должно быть в демократическом государстве. То же самое необходимо сказать и об Общероссийском народном фронте (так же имеющем представительство в Ростовской области [5]), лидером которого является В. В. Путин.

Следует отметить, что эта особенность имеет глубокие ментально-правовые и ментально-политические исторические корни. Традиционное российское общество исходя из общинного уклада жизни решение вопросов как местного, так и общего социального значения доверяло представителям власти. Но современная российская государственность уже 25 лет развивается в рамках либерально-демократической парадигмы, которая и в среднесрочной перспективе меняться на другую, по всей видимости, не будет. Это означает, что необходимо изучать ту критику российского либерализма, которая накопились за последние десятилетия, и преодолевать его негативные аспекты, пагубно влияющие на обеспечение и реализацию национальных интересов. Просто следует принципы и положения, закрепленные в конституционно-правовых нормах, интерпретировать в контексте защиты национальных интересов. Используя все имеющиеся в рамках действующего российского законодательства правовые формы, в частности, такие как «...правотворческая деятельность – подготовка и издание нормативно-правовых актов в целях реализации национальных интересов. Например, социальная или экологическая безопасность не могут быть реализованы без социального или природоохранного законодательства. Во-вторых, правоприменительная деятельность – деятельность государственных органов по выполнению законов и подзаконных нормативно-правовых актов путем издания актов применения права с целью

реализации национальных интересов. В-третьих, правоохранительная деятельность – властная оперативная работа государственных органов по охране национальных интересов и обеспечению выполнения возложенных на них юридических обязанностей по их реализации [7, с. 9].

Одним из выводов, который необходимо сделать сейчас, является необходимость создания условий с целью повышения активности гражданского общества, которое само должно стремиться к улучшению, благоустройству и обеспечению безопасности своей жизни.

Эффективным правовым средством защиты интересов населения России выступает Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», который позволяет активным гражданам контролировать процессы управленческих решений органов государственной и муниципальной власти и иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия [6].

Причем закон закрепляет право граждан участвовать в качестве общественных инспекторов и общественных экспертов не только в составе общественных объединений, но и единолично [6]. Данная возможность повышает эффективность защиты национальных интересов, которые «являются стержнем безопасного состояния российской нации, ее смысловым наполнением» [7, с. 9].

Тем не менее требуются определенные учебно-просветительские курсы для населения, на которых будут обучать людей, каким образом они могут пользоваться своими правами, закрепленными в законодательстве, призванном гарантировать правовое обеспечение условий функционирования институтов гражданского общества. В частности, на Портале государственных услуг следует не только размещать видеоролики и презентации, схемы и пошаговые инструкции и т. п., которые в доступной форме разъясняют гражданам возможности реализации их прав (например, права на получение налогового вычета), но и указывать способы и формы участия неравнодушных граждан в системе контроля за органами государственной и муниципальной власти посредством возможностей, предусмотренных законом. Это приведет к следующим результатам:

повышению активности гражданского общества и развитию правосознания населения России; повышению уровня доверия граждан к деятельности государства и должностных лиц, а также обеспечению тесного взаимодействия государства с институтами гражданского общества; содействию предупреждению и разрешению социальных конфликтов; реализации гражданских инициатив, направленных на защиту прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций; обеспечению прозрачности и открытости деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия; формированию в обществе нетерпимости к коррупционному поведению; повышению эффективности деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия. Таким образом, рассмотренные меры будут способствовать решению задач, сформулированных в ч. 2 ст. 5 указанного выше Федерального закона.

Тем не менее в законе имеются положения, требующие уточнения и доработки. Так, например, следует согласиться с О. С. Соколовой, которая указывает на то, что «в ч. 1 ст. 21 Закона об общественном контроле установлено, что общественный инспектор привлекается к данной деятельности на общественных началах, при этом не определено, какими качествами и навыками он должен обладать. Неопределенность этих требований явно диссонирует со значительным объемом полномочий общественного инспектора, таких как право на получение информации от органов государственной власти и органов местного самоуправления, право на подготовку итогового документа по результатам общественной проверки и право изложить особое мнение в нем» [8, с. 23].

Следует отметить, что «для повышения качества итоговых документов необходимо

ужесточить требования к их содержанию: установить обязательность наличия в нем обоснования предлагаемых мер, информации об оценке рисков их реализации, а при анализе актов органа государственной власти – указания структурных единиц, к которым у субъектов контроля есть замечания. Подобная мера упорядочит процедуру взаимодействия власти и общества. Она позволит обществу быть услышанным, а государству получать не просто интересные, но и достаточным образом проанализированные, качественные идеи, реализация которых действительно будет способствовать повышению эффективности государственного управления» [9, с. 23].

Таким образом, современное российское законодательство, регулирующее общественные отношения в сфере функционирования гражданского общества и его взаимодействия с органами государственной и муниципальной власти, находится в стадии активного формирования. Внимание законодателя к данному предмету правового регулирования во многом обусловлено политической деятельностью гаранта Конституции Российской Федерации, который выбрал развитие гражданского общества одним из наиболее приоритетных направлений политики государства. Законодательная деятельность в исследуемой сфере не лишена характерных проблем российского общества. Так, анализируя механизм формирования общественного контроля, видится, что возможны риски, когда в общественных палатах займут места лица, имеющие в приоритете не общественные интересы, а свои личные. Например, бывшие чиновники, имевшие собственный бизнес, оформленный на лиц, не подпадающих под декларирование доходов, выйдя на пенсию, будут стремиться попасть в любые органы, в том числе в общественные палаты, лишь бы попытаться получить полномочия для защиты своих интересов. Актуален вопрос о нахождении разумного баланса между контролем и отчетностью общественных палат и излишней бюрократизацией их деятельности. Все эти и многие другие проблемы, возникающие в процессе формирования данного вида законодательства, будут, по всей видимости, решаться законодателем исходя из обобщения практики воплощения данных норм в жизнь российского общества.

Литература

1. Хрестоматия по истории государства и права СССР / по ред. Ю. П. Титова. М., 1990.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
3. URL: <http://op-ro.donland.ru/>
4. Федеральный закон от 23.06.2016 № 183-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации» // Российская газета. 2016. 28 июня (начало действия – 01.01.2017).
5. URL: http://onf.ru/region/rostovskaya_obl.
6. Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 30 (часть I). Ст. 4213.
7. Овчинников А. И. Национальные интересы России: понятие и виды // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. № 1.
8. Соколова О. С. Правовое регулирование участия граждан в общественном контроле // Административное и муниципальное право. 2015. № 2.
9. Лапшина А. И. Правовые последствия общественного контроля за деятельностью органов государственной власти // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 11.

Bibliography

1. Anthology of history of state and law of the USSR / edition of Yu. P. Titov. Moscow, 1990.
2. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular thlosowanie 12.12.1993) (as amended, amended Laws of the Russian Federation on the amendments to the Constitution of the Russian Federation from 30.12.2008 № 6-FKZ, from 30.12.2008 № 7-FCL, from 05.02.2014 № 2-FKZ, from 21.07.2014 № 11-FCL) // Collected legislation of the Russian Federation. 2014. № 31. Art. 4398.
3. URL: <http://op-ro.donland.ru/>
4. Federal law of 23.06.2016 № 183-FZ «On General principles of organization and activities of public chambers of subjects of the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. 2016. June 28 (the action is 01.01.2017).
5. URL: http://onf.ru/region/rostovskaya_obl.
6. The Federal law from 21.07.2014 № 212-FZ «On fundamentals of public control in the Russian Federation» // Collected legislation of the Russian Federation. 2014. № 30 (part I). Art. 4213.
7. Ovchinnikov A. I. The National interests of Russia: concept and types // North Caucasian legal Bulletin. 2014. № 1.
8. Sokolova O. S. Legal regulation of participation of citizens in public control // Administrative and municipal law. 2015. № 2.
9. Lapshin A. I. Legal consequences of public control over activity of bodies of state power // Actual problems of Russian law. 2015. № 11.

Тишкин Дмитрий Николаевич
Tishkin Dmitri Nikolaevich

соискатель Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

competitor of South-Russian Institute of Management – a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Тел.: 8 (928) 192-33-22.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО БОРЬБЕ С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ В РОССИИ: ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ

State policy for combating with organized crime in Russia: evaluation

В статье рассматривается проблема организованной преступности в современной России, представляющей серьезную угрозу национальной безопасности нашей страны. Автор отмечает, что ее решение представляется достаточно сложным в условиях роста масштабов организованной преступности и допущенных просчетов в борьбе с ней со стороны государства. Считает необходимым воссоздать в МВД России специальные подразделения по борьбе с организованной преступностью, а также проводить постоянный мониторинг ее состояния как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Ключевые слова: организованная преступность, борьба с организованной преступностью, национальная безопасность, преступная деятельность, государственная власть.

This article deals with the problem of organized crime in today's Russia, which represents now a serious threat to the national security of our country. Author notes that its solution is quite complex in terms of organized crime scale, and miscalculations in the fight against it by the state, but from his point of view, author considers necessary to recreate in the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation special units to combat organized crime and to spend conditions of fight against organized crime at the federal and regional levels.

Keywords: organized crime, fight against organized crime, national security, criminal activity, state power.

Вследствие ликвидации специальных подразделений, осуществляющих противодействие организованной преступности в России, произошло снижение результативности деятельности правоохранительных органов, осуществляющих уголовное преследование за рассматриваемую деятельность: данное снижение во многом оказалось обусловленным возросшей способностью криминалитета блокировать реакцию государства, осуществлять эффективную нейтрализацию его правоохранительного потенциала и противодействие отправлению правосудия посредством подкупа чиновников и сотрудников органов правопорядка. С целью обеспечить собственную безопасность и противодействие государственным правоохранительным структурам представители организованных преступных формирований практикуют установление широких коррупционных связей в различных государ-

ственных учреждениях и ведомствах, органах законодательной, исполнительной и судебной власти и правоохранительных структурах.

Результатом рассматриваемой противозаконной деятельности, осуществляемой организованными преступными структурами и сообществами, является рост латентности совершаемых преступлений: в соответствии с эмпирическими данными, полученными В. В. Меркурьевым, на одно раскрытое преступление, совершенное организованными преступными формированиями, приходится семь нераскрытых – «искусственно латентных (субъектно-латентных) преступлений» [1, с. 36].

Мы солидарны с точкой зрения тех отечественных ученых, которые считают ликвидацию Департамента по борьбе с организованной преступностью ошибочным решением, которое нуждается в исправлении. Здесь необходимо отметить, что, несмотря на то, что

многие политики, общественные деятели, бывшие сотрудники правоохранительных органов и эксперты в настоящее время выступают за возрождение соответствующих подразделений по той причине, что имеющиеся ведомства не способны эффективно противостоять организованной преступности, четкое понимание того, нужно ли воссоздавать систему УБОП и в каком виде это делать, на данный момент отсутствует [2]. Некоторые эксперты, к которым относится, в частности, С. В. Алексеев, полагают, что в ходе реформы МВД Российской Федерации необходимо воссоздать в системе министерства подразделения УБОП, которые будут входить в состав службы криминальной полиции на правах самостоятельного управления. Это, по мнению С. В. Алексеева, будет способствовать успешному преодолению негативных последствий децентрализованного противодействия организованной преступной деятельности в нашей стране [3].

В течение последних лет было также сформулировано много предложений о создании подразделений по борьбе с организованной преступностью на базе уже действующих правоохранительных структур. Так, прокурор Республики Татарстан И. С. Нафиков считает возможным воссоздать специализированное оперативно-разыскное подразделение по борьбе с организованной преступностью на базе ФСКН. Такой выбор объясняется тем, что данное ведомство имеет большой опыт проведения и использования результатов оперативно-разыскных, следственных мероприятий в наиболее сложном направлении организованной преступной деятельности (криминальный рынок наркотиков). В настоящее время эта правоохранительная структура раскрывает около половины всех преступлений, которые получают отражение в данных официальной статистики. В то же время рассматриваемое предложение выглядит не совсем удачным, поскольку ФСКН все же имеет достаточно узкую специализацию. Сотрудники этого ведомства, как отмечает С. В. Иванцов, «работают на пределе своих возможностей». Кроме того, в случае практической реализации данной идеи может возникнуть конфликт интересов, способный перерасти в конфронтацию между правоохранительными органами [3]. Другое интересное предложение было сформулировано председателем Следственного коми-

тета РФ А. И. Бастрыкиным, высказавшимся за создание такой структуры, как финансовая полиция: необходимость данного подразделения аргументировалась тем, что осуществляющим противодействие преступности оперативным сотрудникам и следователям не хватает специальных знаний для раскрытия ряда специфических коррупционных преступлений финансового характера.

Необходимость создания специальных подразделений в структуре МВД для борьбы с организованной преступностью в настоящее время является очевидной для многих, поскольку в современной России ситуация складывается таким образом, что борьба с организованной преступностью практически не осуществляется. Отсюда проистекают и обозначенные выше социально негативные явления, связанные с ростом этнической преступности, бандитизма, разбойных нападений, то есть всего того, что в массовом сознании ассоциируется с реалиями 1990-х годов. В то же время деятельность организованных преступных формирований в настоящий период характеризуется значительными отличиями от предыдущих периодов: организованные преступные структуры и сообщества в России сейчас имеют тесные коррупционные связи с государственными институтами, правоохранительными органами (в этой связи возникают закономерные опасения неизбежной криминализации нового подразделения, призванного осуществлять борьбу с организованной преступностью, если последнее будет создано).

Сложности в противодействии организованной преступности обусловлены тесными контактами лидеров отечественного криминалитета с представителями государственных учреждений и ведомств, прочными связями теневого бизнеса со структурами государства, поддержка и покровительство которых являются необходимым условием эффективного его развития. Как отмечает А. И. Гуров, наиболее авторитетных представителей преступного мира, так называемых «воров в законе», значительную часть которых в настоящее время составляют главы этнических преступных группировок, связывают друг с другом государственные структуры и непосредственные исполнители преступлений [4]. В результате сегодня можно наблюдать, с одной стороны, активное вовлечение преступ-

ных структур и сообществ в сферы экономики и политики, а с другой стороны, криминализацию значительного числа отечественных чиновников и бизнесменов. Другая трудноразрешимая проблема, связанная с функционированием современной организованной преступности, обусловлена выходом преступности на транснациональный уровень, активным вовлечением организованных преступных структур во внешнеэкономическую сферу, установлением криминальных связей с зарубежными государствами.

В процессе воссоздания в структуре МВД специальных подразделений, осуществляющих противодействие организованной преступности, предстоит решить ряд проблем организационного характера, связанных в первую очередь с подчиненностью данных подразделений. Имеющийся опыт организации правоохранительных структур свидетельствует о необходимости подчинения рассматриваемых подразделений федеральному центру. Ликвидация Департамента по борьбе с организованной преступностью была осуществлена относительно недавно, в 2008 году, поэтому в настоящее время в правоохранительных структурах сохранились действующие сотрудники, имеющие ценный опыт противодействия организованным преступным формированиям: часть из них работает в уголовном розыске, другие – в отделах по борьбе с экстремизмом и экономическими преступлениями. В случае возрождения подразделений по борьбе с организованной преступностью существует вероятность того, что они будут укомплектованы преимущественно сотрудниками-ветеранами и молодыми специалистами, недавно окончившими специализированные учебные заведения МВД. Помимо этого, некоторые опасения вызывает то обстоятельство, что смена вектора в государственной политике в сторону борьбы с организованной преступностью может «оголить» другие направления правоохранительной деятельности государства, а в самих органах произойдет разделение сотрудников на полицейских «первого сорта», занимающихся раскрытием особых преступлений, и полицейских «второго сорта», выполняющих всю остальную повседневную работу. В то же время в случае достижения консенсуса между правоохранительными структурами на федеральном уровне, воссоздания в структуре МВД

подразделений по борьбе с организованной преступностью давление на организованные преступные структуры и сообщества будет неизбежно усилено, что приведет к снижению числа совершаемых ими преступлений.

Принятие государством специальных мер, призванных усилить борьбу с организованной преступностью, представляющей реальную угрозу национальной безопасности страны, предусматривает и разработку комплексного закона о борьбе с организованной преступностью, призванного объединить отдельные правовые нормы, регулирующие данную сферу правоохранительной деятельности, с учетом опыта зарубежных государств, добившихся значительного успеха в противодействии организованной преступной деятельности (например, США). Необходимо отметить, что попытки принять такой закон предпринимались в постсоветской России неоднократно, однако каждый раз они не приводили к желаемому результату. Впервые специальный закон «О борьбе с организованной преступностью» был принят Государственной Думой 22 ноября 1995 года, Совет Федерации его одобрил, однако Президент Российской Федерации Б. Н. Ельцин наложил вето на этот закон. Некоторое время спустя Госдума вновь приняла рассматриваемый закон, но вскоре после этого последовало принятие Уголовного кодекса РФ, имеющего совершенно другую концепцию и не ориентированного на эффективное противодействие организованной преступности. Впоследствии в течение длительного периода российскими парламентариями практически ничего не делалось для совершенствования правовой базы по борьбе с организованными преступными структурами и сообществами. И это несмотря на то, что на протяжении последних лет разрабатывалось большое количество законопроектов, направленных на борьбу с этим негативным явлением, в том числе сотрудниками НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ совместно с МВД России и ФСИН России под руководством профессора А. И. Долговой: данные законопроекты проходили внешнее рецензирование в различных правоохранительных органах. Вместо этого в 2008 году, как уже отмечалось выше, был ликвидирован Департамент по борьбе с организованной преступностью и терроризмом МВД России, что привело к снижению резуль-

тативности противодействия организованной преступности.

В настоящее время, как было отмечено на заседании круглого стола, состоявшегося в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации «Противодействие организованной преступности: законодательный и практический аспект», «организованная преступность продолжает крайне негативно влиять на состояние национальной безопасности России» [5, с. 7]. Представители организованных преступных структур и сообществ усиливают свое вмешательство в экономическую сферу жизни российского общества, предпринимают попытки, нередко успешные, делегировать своих членов в органы государственной власти и управления, устанавливая криминальные связи с транснациональными преступными формированиями, а также с экстремистскими организациями внутри страны. Участники данного круглого стола акцентировали внимание на том, что деятельность организованных преступных формирований оказывает крайне негативное воздействие на криминальную обстановку в ряде регионов России, в том числе в Москве, Московской области, Санкт-Петербурге и Ленинградской области, а также регионах, входящих в Южный и Дальневосточный федеральные округа (здесь активно действуют криминальные группировки, организованные по этническому принципу). Несмотря на заверения ряда руководителей отечественных правоохранительных органов, как отмечалось на заседании, лидеры организованных преступных структур и сообществ не снижают своей активности в рамках координации организованной преступной деятельности, осуществляемой в ряде регионов России. Все это происходит на фоне недостаточно эффективной деятельности региональных правоохранительных структур, призванных осуществлять противодействие организованной преступности: сотрудники правоохранительных органов, напротив, или проявляют преступное бездействие, или же вовсе вступают в прямое сотрудничество с представителями криминалитета. Участники круглого стола также обратили внимание на низкую результативность взаимодействия различных правоохранительных структур в реализации мер по борьбе с организованной преступностью на федеральном и региональном уровнях: это

проявляется, в частности, в отсутствии совместного мониторинга состояния работы по противодействию организованной преступности, использовании несопоставимого понятийного аппарата и оценок эффективности рассматриваемой деятельности [5, с. 7].

В связи с этим участниками круглого стола «Противодействие организованной преступности: законодательный и практический аспект» был дан ряд рекомендаций депутатам Государственной Думы РФ, предусматривающих в первую очередь разработку и принятие федерального закона «О противодействии организованной преступности в Российской Федерации», в котором должны быть четко прописаны положения, содержащие понятийный аппарат, определяющие систему субъектов борьбы с организованной преступностью, предусматривающие комплекс специальных мер по ее предупреждению, а также механизмы возмещения убытков и устранения других негативных последствий противоправной деятельности организованных преступных структур и сообществ, принципы и содержание международного сотрудничества в борьбе с транснациональной организованной преступностью, а также правовой статус, финансовое и материально-техническое обеспечение деятельности правоохранительных структур и других субъектов, осуществляющих противодействие организованным преступным формированиям [5, с. 7].

На наш взгляд, в настоящее время государству следует в целях усиления борьбы с организованной преступностью использовать широкий арсенал средств, к числу которых можно отнести институты конфискации имущества, ответственности юридических лиц. Применительно к последнему речь идет о расширении понятия субъекта преступления, предусматривающем включение в него юридических лиц, к которым могут быть отнесены в том числе и преступные объединения, различные организованные преступные структуры и сообщества. В том случае, если юридическое лицо будет признано субъектом преступления (в настоящее время данный законопроект находится на рассмотрении в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации), правоохранительные органы получат возможность применять к организованным преступным формированиям различные

виды наказаний, включающие ликвидацию юридического лица с признанием его преступным, ограничение видов и территории его деятельности в сочетании со штрафами, а также конфискацией имущества. С точки зрения ряда экспертов, данные наказания могли бы выступить эффективным средством противодействия организованной и коррупционной преступности [6].

В завершение следует отметить, что усилий одного государства в настоящее время явно недостаточно для эффективного противодействия организованному преступному формированию, деятельность которых угрожает национальной безопасности страны. В сложившейся в современной России ситуации, характеризующейся расширением масштабов организованной преступной деятельности, даже самые радикальные меры, которые могут быть использованы государством для борьбы с оргпреступностью, в том числе ужесточение наказания, введение специальных подразделений для противодействия организованному криминальным структурам и сообществам с широкими полномочиями, могут не привести к радикальному улучшению положения в этой сфере. При этом не стоит, как справедливо полагает председатель Конституционного Суда РФ В. Я. Зорькин, «поддаваться панике» из-за того, что организованную преступность якобы невозможно победить обычными законными средствами, используемыми в рамках правового демократического государства, Россия якобы уже прошла «криминальную точку невозврата, и с преступностью теперь можно бороться исключительно диктаторскими методами» [7, с. 73–85]. Очевидно, что институты гражданского общества, которые постепенно появляются в нашей стране, могли бы выступить в качестве гаранта от возможных злоупотреблений со стороны государственных учреждений и ведомств. Здесь следует согласиться с точкой зрения С. С. Босходова, согласно которой «без опоры на общество, в первую очередь на гражданское общество, активизации его институтов одному государству достичь сколько-нибудь заметных успехов в борьбе с коррупцией никогда не удастся» [8, с. 56].

Итак, проблема организованной преступности в современной России, представляющей в настоящее время серьезную угрозу для на-

циональной безопасности нашей страны, не имеет простого решения. В первую очередь необходимо в процессе реформирования МВД Российской Федерации воссоздать в системе министерства специальные подразделения по борьбе с организованной преступностью, а также проводить совместный мониторинг состояния борьбы с организованной преступностью как на федеральном, так и на региональном уровнях, в рамках различных отраслей экономики и сфер проявления организованной преступной деятельности. Данный мониторинг должен быть осуществлен на основе единого понятийного аппарата и скоординированных критериев оценки правоохранительной деятельности. Мы солидарны с выводами участников круглого стола, прошедшего в Государственной Думе Российской Федерации, «Противодействие организованной преступности: законодательный и практический аспекты», указывающими на целесообразность разработки Национального плана противодействия организованной преступности в России для последующего представления его Президенту РФ и Федеральному Собранию РФ [5, с. 8]. Очевидно, что борьба с организованной преступной деятельностью в современной России, имеющая целью обеспечение национальной безопасности нашей страны, должна иметь комплексный характер и включать в себя как меры уголовно-правового воздействия, так и другие способы борьбы с данным социально негативным явлением, в том числе использование механизмов противодействия основным источникам преступных доходов, нейтрализации международных связей отечественных преступных группировок, а также усилия общества и государства, связанные с формированием в массовом сознании граждан устойчивого негативного отношения к преступности и деятельности соответствующих криминальных структур. Граждане России должны четко осознавать, что от их отношения к преступной деятельности, уровня правовой культуры зависит благополучие как общества, так и каждого из них, так как организованная преступность, масштабы которой значительно расширяются в эпоху экономической глобализации [9, с. 169–177], угрожает экономической безопасности России и ее национальной целостности.

1. Меркурьев В. В. Состояние, тенденции организованной преступности и правовая основа борьбы с ней // Противодействие организованной преступности: законодательный и практический аспекты: материалы круглого стола. М., 2013.

2. Иванцов С. В. Актуальные вопросы развития системы субъектов предупреждения организованной преступности: состояние и перспективы совершенствования // Вопросы управления. 2014. № 5.

3. Алексеев С. В. Динамика групповой преступности в России: статистика и реальность // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2012. Вып. 29.

4. Гуров А. И. Об оргпреступности: «наша мафия уже построила развитой капитализм. Мы – еще нет, а они – уже да» // Комсомольская правда. 2013. 5 февраля.

5. Противодействие организованной преступности: законодательный и практический аспекты. Рекомендации круглого стола в Государственной Думе Российской Федерации // Право и безопасность. 2013. № 1–2 (44).

6. Миненок М. Г. Борьба с организованной и коррупционной преступностью в России: реальность и перспективы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. № 9.

7. Зорькин В. Я. Конституция против криминала // Российская газета. 2010. 10 декабря.

8. Босхолов С. С. Борьба с коррупцией: мифы и реальность, надежды и перспективы // Криминологический журнал. 2010. № 2.

9. Самыгин С. И., Верещагина А. В., Рачипа А. В. Финансовая безопасность государства в условиях экономической глобализации: специфика рисков и угроз // Гуманитарий Юга России. 2016. № 1.

1. Merkurev V. V. Status and trends of organized crime, and the legal framework to combat it // Combating organized crime: the legislative and practical aspects: materials of the round table. Moscow, 2013.

2. Ivantsov S. V. Topical issues of development of the system of organized crime prevention entities: state and prospects for improving the management // Questions of management. 2014. № 5.

3. Alekseev S. V. The dynamics of group crime in Russia: prospects and reality // Bulletin of South Ural state university. Series: Right. 2012. Vol. 29.

4. Gurov A. I. On organized crime: «we have built a Mafia capitalism developed. We – not yet, as they are – is yes» // Komsomolskaya Pravda. 2013. February 5.

5. Combating organized crime: the legislative and practical aspects. Recommendations of the round table in the Russian Federation State Duma, 05.03. 2013 // Law and security. 2013. № 1–2 (44).

6. Minenok M. G. The fight against organized crime and corruption crime in Russia: reality and prospects // Vestnik Baltic federal university after I. Kant. 2011. № 9.

7. Zorkin V. Ya. Constitution against criminality // Russian newspaper. 2010. December 10.

8. Boskholov S.S. Fighting corruption: myths and reality, hope and prospects // Kriminologichesky magazine. 2010. № 2.

9. Samygin S. I., Vereshchagina A. V., Rachipa A. V. The financial security of the state in the conditions of economic globalization: the specificity of the risks and threats // Humanitarians South of Russia. 2016. № 1.

Нарькова Светлана Петровна
Narykova Svetlana Petrovna

профессор кафедры теории и истории права и государства Краснодарского университета МВД России
доктор философских наук, кандидат юридических наук, доцент.

Associate Professor of the Department of Theory and History of Law and State, Krasnodar University of Law
Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, Doctor of Philosophy, PhD in Law, Associate Professor.
Тел.: 8 (861) 258-34-14.

**К ВОПРОСУ О ПОНИМАНИИ СИСТЕМЫ ВЛАСТИ
В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ**

To a question of understanding of the power in the changing society system

В статье анализируется проблема определения места и роли системы политической власти в обществе, осуществляющем кардинальные реформы. Представлены различные подходы к решению этой проблемы в концепциях зарубежных и отечественных обществоведов. Обозначены особенности функционирования системы политической власти в современной России, определены некоторые факторы политизации реформ в нашем обществе.

Ключевые слова: власть, транзитивность, политическая система, социально-политические процессы, российская государственность.

In article the problem of definition of the place and a role of system of the political power in the society which is carrying out cardinal reforms is analyzed. Various approaches of this problem solution are presented in concepts of foreign and domestic social scientists. Features of functioning of system of the political power in modern Russia are designated, defined some reforms in our society politicization factors.

Keywords: power, transitivity, political system, socio-political processes, Russian statehood.

Специфика понимания характера и роли системы власти в транзитивном обществе в гуманитарном познании определяется направлением самого переходного процесса. Так, согласно французскому социологу Турену, переход от индустриального к постиндустриальному обществу характеризуется борьбой не столько в экономической, сколько в политической сфере, поскольку именно в ней концентрируется контроль над различными социальными процессами. При этом правящей элите приходится бороться не с какой-либо группой, например с профессионалами, но с обществом в целом, которое посредством специалистов выступает против различных форм манипуляции общественным сознанием и контроля, осуществляемых государственной властью. Накал этой борьбы может меняться от формирования негативного общественного мнения относительно соблюдения государством прав человека до революционных выступлений. Но какую форму ни принимала бы политическая борьба, ее исход во многом зависит от степени информированности сторон о реальных социальных, экономических и духовных про-

цессах, протекающих в обществе, и умения использовать ее в своих целях.

Несмотря на то, что концепция А. Турина ориентирована исключительно на раскрытие логики перехода от индустриального общества к постиндустриальному и определение роли политической власти в нем, она может быть использована и для анализа других транзитивных процессов, в первую очередь протекающих в постсоветском пространстве. Во многом это объясняется тем, что в число индустриальных обществ Турен включал как капиталистические, так и социалистические страны. И хотя целью движения социально-политических процессов в постсоветских государствах трудно признать построение информационного общества, многие социальные явления, происходящие в них, вполне объясняются концепцией французского социолога. В первую очередь это касается борьбы против манипулирования сознанием и поведением граждан и расширения границ социального контроля со стороны государства. По этой причине концепция политической власти в транзитивном обществе, предложенная А. Туреном,

несмотря на ее изначальную ограниченность рамками современных западноевропейских стран, может служить средством если не объяснения, то по крайней мере прояснения сущности и особенностей многих трансформационных и транзитивных процессов, протекающих в других регионах мира, прежде всего на постсоветском пространстве.

В отличие от теоретико-социологического учения Турена, концепция власти в транзитивном обществе, предложенная А. Ахизером и его соавторами И. Клямкиным и И. Яковенко, ориентирована на объяснение трансформационных и переходных процессов в постсоветской России. При этом данные процессы рассматриваются в контексте всей российской истории. Основной тезис авторов, изложенный ими в книге «История России: конец или новое начало», заключается в том, что важнейшей тенденцией развития мировой истории является создание правового государства и гражданского общества, но все попытки реализации данных проектов в России потерпели неудачу, что и следует рассматривать в качестве главной причины ее сегодняшнего тяжелого социально-политического и экономического состояния. Таким образом, суть транзитивных процессов в современной России состоит, по мнению указанных авторов, в переходе от военного к гражданско-правовому обществу. При этом исследователи подчеркивают, что попытки подобного перехода предпринимались в России неоднократно, но каждый раз заканчивались возвратом к военной организации социально-политической жизни.

В целом процесс неудачных трансакций в России можно описать, по мнению А. Ахизера, И. Клямкина и И. Яковенко, следующим образом: «В нашей книге российская история рассматривается как циклическое чередование милитаризаций и демилитаризаций жизненного уклада населения. Милитаризация – это когда управление обществом осуществляется как управление армией, что рельефнее всего проявилось при Петре I и Сталине. Демилитаризация – это когда к “государству-армии” дозированно подсоединяются неорганические для него элементы правовой законности и индивидуальной экономической мотивации, что происходило в послепетровский и послесталинский периоды (особенно интенсивно во времена перестройки и первые постсоветские

годы). Но демилитаризации всегда влекли за собой для “государства-армии” неразрешимую проблему. Общество, не знавшее никакого иного понятия ни о государственном, ни об общественном интересе, кроме военного, начинало рассыпаться. Консолидации оно не поддавалось и застревало в стратегически неустойчивом состоянии, когда прежние государственные устои разбивались, а выход в правовое состояние не получался. Он не получался, так как блокировался и сохранявшимся остовом “государства-армии”, и непримиримым противостоянием частных и групповых интересов, возникавшим при наложении на этот остов инородных ему элементов, порождаемых социокультурным расколом общества. Происходило дробление негативной милитаристской идентичности на крупные и мелкие осколки, переводившие в отдельных сегментах общества ее внешнюю ориентацию внутрь социума и распространявшие ее военно-изобличительный пафос, в том числе и на верховную власть» [1, с. 15].

Наличие устойчивых ритмов существования российской государственности – милитаристского и демилитаристского – допускает как реалистическое, так и номиналистическое объяснение. Реалистическое объяснение данного явления предполагает наличие устойчивых социальных классов, борьба которых приводит к возникновению или гибели того или иного социально-политического устройства. Но авторы «Истории России...» исходят из номиналистического понимания борьбы милитаристской и демилитаристской тенденций в российской социально-политической жизни. По их мнению, российское общество на протяжении всего своего развития характеризуется крайней разобщенностью, или атомарностью, которая преодолевается только с помощью насилия со стороны государственной власти. Однако государство, опирающееся на чистое насилие, не есть государство в собственном смысле этого слова, это лишь протогосударство, даже если оно возникло тысячу лет назад и существует в эпоху ядерных и компьютерных технологий. Для того чтобы протогосударство превратилось в настоящее государство, необходимы не внешние, а внутренние изменения, то есть процесс формирования правосознания граждан, исходным моментом которого является рассмотрение индивидом

самого себя в качестве правового субъекта. Отсутствие в сознании людей правовых идеалов и ценностей приводит к тому, что их место занимает идеал авторитарной власти. Восребованность такого идеала объясняется тем, что общество при отсутствии подлинно правовой системы нуждается в защите от разгула анархии и насилия, в силу чего и признается необходимость концентрации репрессивных мер в руках одного лица или инстанции – правителя. В этой ситуации авторитарное или даже тоталитарное государство представляет собой несомненное благо. Главную причину устойчивости авторитарного идеала в России авторы видят в наличии объективных военных угроз, как правило, в прошлом и имперских амбиций на всем протяжении ее развития.

Предлагаемое нами ранее [1] объяснение динамики российской социально-политической жизни следует признать политическим, поскольку оно исходит из понятия индивида как простейшего элемента социальной реальности. Доказательством этому служит то обстоятельство, что и государство, и протогосударство есть союз индивидов. Но если в первом случае речь идет о добровольном союзе, основанном на осознании правовых и моральных норм, то во втором – о ненасильственном объединении ради выживания. Вполне логичным в свете номиналистической социальной онтологии выглядит и идеал социально-политического развития, к которому должно двигаться любое, в том числе и российское, общество. Этот идеал определяется авторами работы как правовое государство и гражданское общество и рассматривается в качестве системообразующей идеи так называемого «второго осевого времени», которое понимается как этап духовного развития человека, связанный с осознанием им себя в качестве правового существа. В свою очередь, правовое существо – это форма самосознания индивида, основанная на признании себя как самоценного начала. Отсюда следует, что движение к правовому идеалу возможно только на основе индивидуального и коллективного социального опыта, убеждающего в невозможности нормального духовного и социально-политического развития вне его признания. Таким образом, и социальная онтология, и социальная динамика рассматриваемой ра-

боты носят однозначно номиналистический характер.

Что касается понимания транзитивных процессов, происходящих в российском обществе, то А. Ахиезер и его соавторы утверждают, что они не имеют predetermined характера. После распада Советского Союза Российское государство встало перед выбором: либо реализовывать либерально-демократический идеал социально-политического устройства, либо реанимировать милитаризованную систему управления. По мнению авторов работы, анализ событий, связанных с первым и вторым президентством В. Путина, позволяет утверждать о том, что власть взяла курс на возврат к авторитаризму и милитаризму. При этом официально принятый в правление Б. Ельцина либерально-демократический идеал социально-политического развития остался неизменным. В силу данного обстоятельства авторский коллектив полагает, что право в современной России имеет имитационный характер.

Раскрывая содержание понятия «имитационность», исследователи подчеркивают: «Имитационность – это и есть способ функционирования государства в обществе с протогосударственной культурой, в которой абстрактное представление о законности и праве уже закрепились, а конкретный образ общественного порядка, таким представлениям соответствующего, еще не сложился. Но при демократически выборной легитимации власти имитационность неизбежно распространяется и на демократию, то есть на сферу политических прав и свобод. Финансовый, административный и информационный контроль над выборной процедурой означает ограничение свободной политической конкуренции, что не соотносится с узаконенным принципом равенства демократических прав граждан и их политических организаций. В правовом государстве на страже этих прав стоит суд. В государстве имитационно-правовом суд, будучи вмонтирован в вертикаль власти, призван не столько гарантировать верховенство права над политикой, сколько обеспечивать ее доминирование» [2, с. 458].

Имитационный характер российской правовой системы признается авторами рассматриваемой работы одним из главных признаков транзитивного характера российского общест-

ва. При этом сама транзитивность на современном этапе развития России не рассматривается авторским коллективом как нечто предопределенное. В духе номиналистической онтологии ученые делают вывод, что, хотя в настоящий момент российская государственность тяготеет к милитаризации методов социального управления, при определенных условиях данный курс может быть скорректирован и направлен не на имитацию, а на реализацию правового идеала. Важнейшей социальной предпосылкой движения в сторону создания подлинно правового государства может служить как положительный, так и отрицательный опыт либерально-демократических реформ эпохи президентства Б. Ельцина. И хотя этот путь не лишен трудностей, он, во-первых, представляется более перспективным, а во-вторых, исторически обоснован.

Подчеркивая, что Россия является частью европейской цивилизации, авторы работы отмечают наличие в отечественной истории устойчивой тенденции к построению правового

государства, свидетельствующей о возможности ее интеграции в западную культуру. Раскрывая основные этапы этого движения, они пишут: «Идея самоценности государства постепенно, не без откатов и попятных движений дополнялась идеями гражданских прав и свобод и верховенства закона. Главные вехи на этом пути – указ Петра III о вольности дворянства, жалованные грамоты Екатерины II, манифест об освобождении крестьян и другие преобразования Александра II, Октябрьский манифест 1905 года, созыв Государственной Думы и Столыпинские реформы. Это не значит, что досоветская Россия стала Европой, в которую сегодня предстоит лишь “вернуться”. Это значит, что имела место ее европеизация, со временем углублявшаяся, но не успевшая завершиться. Поэтому и обретение европейской идентичности представляет собой не разрыв с прошлым, не начало нового цикла с нулевой исторической отметки, а восстановление преемственной связи с вполне определенной и отчетливо обозначившейся тенденцией» [1, с. 486].

Литература

1. Нарькова С. П. Формационно-коммуникационная концепция власти в транзитивном обществе: дис. ... д-ра филос. наук. Краснодар, 2014.
2. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? 3-е изд., испр. и доп. М., 2013.

Bibliography

1. Narykova S. P. The formational and communication concept of the power in transitive society: dis. ... doctor of philosophy. Krasnodar, 2014.
2. Ahiezer A., Kljamkin I., Jakovenko I. History of Russia: end or new beginning? 3rd prod., corrected and added. Moscow, 2013.

Баранова Марина Владимировна
Baranova Marina Vladimirovna

студентка юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

Student of the Law Department of the National Research of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.
Тел.: 8 (950) 355-99-99.

ПРОГНОСТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА

Predictive function of ahead law-making

В статье раскрывается природа опережающего правотворчества и анализируется одна из его важнейших функций – прогностическая. Демонстрируется ее связь с методологией правового прогнозирования. Исследуется проблема технико-юридического механизма реализации прогностической функции опережающего правотворчества.

Ключевые слова: опережающее правотворчество, функция опережающего правотворчества, правовой прогноз, прогностическая функция нормотворчества, метод правового прогнозирования.

The author reveals the nature of forerunning law-creation and analyses one of its main functions – a prognostic one. The author shows its connection with the methodology of legal prognostication. The problem of technical-juridical mechanism of the prognostic function of the forecasting legislation is being discussed.

Keywords: forerunning legislation, function of forerunning legislation, legal forecasting, prognostic function of legislation, method of legal prognostication.

Под опережающим правотворчеством мы понимаем особую относительно самостоятельную разновидность юридического нормосозидания, состоящего в процедурно-организационном механизме инновационного конструирования различных форм правовой реальности (юридических норм, идей и концепций законопроектов, базовых законов по предмету, ранее не подвергавшемуся на том или ином уровне регламентации) [1, с. 120–125; 2, с. 43–45; 3; 4].

Этот сложнейший и малоисследованный правовой феномен отличается полифункциональностью. В настоящей работе обратимся лишь к одной из присущих ему функций – прогностической.

Прогнозирование в праве – разновидность социального познавательного предвидения, способного влиять на развитие юридически значимых процессов, связей, состояний. Правовой прогноз представляет собой диалектический синтез научно выверенных юридических предсказаний и вненаучного опытного знания.

Сначала приведем несколько предварительных кратких замечаний методологического характера, которые надо иметь в виду для успешного раскрытия специфики прогностической функции опережающего правотворчества:

1. Прогностическая функция является одной из основных функций научного, в том числе и юридического, знания, и естественно при анализе одноименной функции опережающего правотворчества стоит непростая исследовательская задача – избежать дублирования материала и экстраполяции уже известных данных применительно к опережающему правотворчеству. Важно выявить особенности прогностической функции опережающего правотворчества как особого вида творчески организующей деятельности и при этом не потерять существующую прогностическую базу правоправедения. В частности, надо диалектически соотнести и максимально использовать наработки теории государства и права и прогностических основ теории, практики и техники правотворчества.

2. Мы исходим из того, что понятие «функция опережающего правотворчества» надо отличать от его функциональной характеристики, которая является более широкой и включает в себя связи, свойства и состояния.

Прогностическая функция опережающего правотворчества относится к разряду ведущих, доминирующих, фундаментальных, которые в значительной степени обуславливают содер-

жание и форму многих иных вспомогательных, дополнительных, второстепенных его функциональных направлений деятельности. Качественное опережающее правотворчество предполагает своего рода «удвоенное прогнозирование»: а) оно должно опираться на обоснованные прогнозные разработки и выступать их адекватным отражением; б) его содержание и форма призваны обеспечивать выполнение официально избранных прогнозов.

Прогностическая функция опережающего правотворчества в логико-гносеологическом ключе базируется на том, что одним из самых результативных методов исследования (а значит, и последующего совершенствования) для него выступает метод правового прогнозирования. Именно этот элемент методологии анализа опережающего правотворчества выступает катализатором, барометром возможных путей динамики нормосозидающего процесса.

Опережающее правотворчество – цель для всех прогнозных методов и сценариев совершенствования юридической регламентации. Только прогнозируя развитие юридической действительности, можно прийти к подлинному, долговременному и эффективному правотворческому опережению. Опережающее правотворчество – своеобразный итог подбора и реализации разных прогностических методов и средств. Правовые эксперименты* [5] желательно использовать уже после того, как в результате прогнозных исследований, расчетов «сложилась» модель опережающего правотворчества, которую и следует проверять для окончательного решения серии проблем: выяснить, требуется ли расширять масштаб опережающего правотворчества либо, наоборот, остановиться и не продолжать правовую регламентацию в этом направлении. Это разумно, ибо, как подчеркивает Ю. А. Тихомиров, при правовом экспериментировании «приходится “отключать” действие ряда общих норм и “вводить” временное действие проектируемых норм, оценивать их результативность по системе показателей, устанавливаемых в механизме правового мониторинга» [6, с. 87].

Изменение статуса государственного орга-

на или общественного объединения, корректировка правовой компетенции – вот лишь некоторые острые и, как правило, болезненные направления опережающего правотворчества.

Отметив, что право – «активное средство и объект прогнозирования», Ю. А. Тихомиров констатирует: «При этом опережающее правовое воздействие в качестве результата правового прогнозирования должно способствовать эффективности и устойчивости социального, экономического и политического развития» [6, с. 11].

Несколько моментов следует рассмотреть подробнее в этой констатации. Так, речь идет не только об опережающем правотворчестве, а об опережающем юридическом воздействии, что представляет собой более широкий подход, нежели предмет нашего анализа.

Ю. А. Тихомиров далее четко связывает опережающее начало в праве с правовым прогнозированием.

Действительно, опережающее правотворчество может быть результатом юридического прогнозирования. Но это, пожалуй, идеальный и, думается, нечасто встречающийся вариант опережающего правотворчества, которое может появиться и функционировать и без правового прогнозирования.

И, наконец, важен «выход» за рамки права, и значим «акцент» на воздействие опережающего правотворчества на социальное, экономическое и политическое развитие. Без этих изменений в реальной жизни смысл опережающего правотворчества теряется.

Опережающее правотворчество – лишь одна из граней прогностического потенциала права. Этот потенциал может быть реализован, а может остаться невостребованным.

Сравнительно-исторический анализ показал, что прогностическое начало опережающего правотворчества развивается в направлении все более решительного и содержательного обогащения: расширяется отраслевая сфера его применения; увеличиваются формы его проявления; совершенствуется арсенал технико-юридических средств его оформления и обеспечения.

Встречаются ситуации, когда прогнозируемое правотворческое опережение в силу объ-

---

* «Законодательный эксперимент, – отмечает В. В. Оксамытный, – это создание определенной ситуации локального масштаба, в которой анализируется действие специально разработанного для нее закона. Цель такого эксперимента – определить, какого рода закон или иной нормативный акт необходим для *новых* условий (курсив мой. – М. Б.) и как они будут действовать. И лишь после соответствующего анализа и выводов решать вопрос о введении закона на всей теорритории и для всех лиц».

ективных причин нежелательно и к нему не следует прибегать в течение определенного промежутка времени.

«Отдельные разновидности дисбаланса должны определенное времяобъективно поддерживаться в системе нормативных правовых актов», – отмечает С. А. Белоусов и продолжает: «Например, социально обусловленное отставание развития какой-либо отрасли законодательства в силу динамизма соответствующей сферы общественных отношений, подпадающей под действие права, не должно служить неким “сигналом” для искусственного выравнивания таких законодательных подсистем, что в итоге может привести к состоянию еще большей их разбалансированности и в первую очередь с системой регулируемых ими социальных связей» [7, с. 6].

Следовательно, перед юридической наукой и практикой стоит непростая задача – выявить такого рода дисбаланс, определить «участки» законодательства, установить, где не надо форсировать опережение и на какой период времени стоит его «отложить». По сути, здесь можно вести речь о своеобразном «прогнозе стопорения» правотворческого процесса. Правовая наука может и должна составить обоснованный прогноз государственно-волевого (что не означает искусственного и тем более механического) «замораживания», замедления тех или иных юридически значимых процессов и состояний. Примерами такого рода правовых решений выступают периодически объявляемые моратории на налоги, много лет дискутируемая проблема повышения пенсионного возраста и т. п.

Сущность и ценность прогностического опережающего правотворчества не сводятся к абстрактно мыслимому формальному отсутствию тех или иных правовых новелл.

Опережающее правотворчество раскрывается во всей глубине, полноте, богатстве через положительное содержание категорий «традиционное и инновационное», «консервативное и творческое», «солидарное и противоборствующее», «существующее и потенциально возможное (будущее)». Полноценная реализация правового потенциала Конституции, по убеждению В. Д. Зорькина, во многом зависит и от того, насколько верно будет определен баланс между ее стабилизационной и обновленческой функциями [8, с. 48]. Данный вывод относится не только к Конституции, но ко всему право-

творческому процессу, к каждому из его результатов. Кроме всего прочего, это вопрос о разумных пределах, способах и формах адаптации лучших прогнозных оценок к развитию действующего российского законодательства с учетом вызовов глобального кризиса.

Опережающее правотворчество – принцип и будущий идеал, согласно которому функционирование и совершенствование нормосозидания должны максимально исключать юридический застой, торможение динамизма в ракурсе прогресса права, благосостояния и благополучия населения государства.

Создать некую «шкалу» прогрессивного опережающего правотворчества вряд ли возможно, так как ее крайние точки (абсолютное отсутствие какого-либо опережения и инновационное прогностическое правовое решение) в реальной жизни обнаружить сложно.

Чрезвычайно важен вопрос о технико-юридическом механизме реализации неожиданно появившихся качественных и хорошо обоснованных правовых прогнозов в экономической, социальной, образовательной сферах. Именно здесь необходима скорость и экономичность принятия государственного управленческого решения, требуется безотлагательная проверка выдвинутых авторитетными экспертами правовых прогнозов. Опережающее правотворчество в этой ситуации является оптимальным, наиболее приемлемым содержательным и технико-юридическим средством. В ряде случаев границы опережающего правотворчества для достижения благополучия граждан, стабильности государства, прочности правопорядка вполне могут быть расширены. В этой связи трудно согласиться с доктринальным мнением, согласно которому «осуществлять “опережающее” нормотворчество президенту следует лишь в тех случаях, когда необходимо срочно принять нормативный документ, регламентирующий определенные отношения в социуме, а законодатель по каким-либо причинам (организационным, политическим и иным) запаздывает с подготовкой и принятием этого акта. Причем осуществлять такие нормотворческие функции президент должен только тогда, когда указанные полномочия ему официально делегированы федеральным парламентом и такая делегация осуществлена в форме федерального закона» [9, с. 15–16]. В приведенном тезисе присутствует явное противоречие: появился сроч-

ный «юридический вызов», а законодатель медлит, опаздывает с его оценкой и не «выдает» нужное президенту законодательное делегирование. По логике авторов, до принятия федерального закона парламентом президент не может издать указ относительно этого вызова. Но тогда теряется весь смысл «скоростного опережения», безотлагательной государственной реакции. Думается, сохранив существующий порядок делегированных президенту полномочий для текущей деятельности, надо исходить из другого посыла (и более четко закрепить это в федеральном конституционном законодательстве) – президент имеет право подписать необходимый указ и без делегирующего федерального закона, если того требует экономическая и политическая обстановка. Темпоральный подход предполагает, а точнее, требует ориентации правового прогнозирования на более или менее точную датировку реализации, «привязку» будущего нормативного правового акта, описывающего воспринятую прогнозную модель, к определенным срокам. Иными словами, опираясь на какой-то правовой или иной прогноз, президент «связан» некими временными рамками, которые могут не совпадать с режимом деятельности парламента. Естественно, это право не может распространяться на ряд юридических деяний, например объявление войны либо чрезвычайного положения на всей территории государства.

В нашей позиции не следует усматривать неосновательное расширение президентской власти. Ведь в случае принятия президентом в порядке опережения ошибочного указа у парламента остается законная возможность не придавать ему форму закона и потребовать отменить либо скорректировать дефектный документ. В таких ситуациях придется признать, что президент реализовал несостоятельный прогноз либо это вообще был не прогноз, и можно констатировать прогностическую слабость государственно-правового управления его администрации.

Нельзя забывать и о многофакторности правового прогнозирования, сложности его целеполагания. «Становление будущей действительности, – отмечается в философской литературе, – зависит не только от реальной необходимости, но и от случайности» [10, с. 15]. Эти обстоятельства, безусловно, увеличивают риск прогнозной ошибки.

Прогностическая функция опережающего правотворчества напрямую связана с постановкой и решением юридической наукой и практикой проблемы существования и функционирования программных правовых норм. Значительное число исследователей категорически отвергают программный характер юридических норм и даже принципов права. Мы разделяем позицию тех специалистов, которые считают, что «практически любая норма содержит программный элемент: она не только закрепляет то, что есть, но и определяет то, что должно быть, а во многих случаях целиком посвящена тому, что лишь будет» [11, с. 197].

Программность юридической нормы – прогнозный вариант ее реализации. Юридическая практика в итоге «решит», верен ли был прогноз законодателя. При опережающем правотворчестве заложенная в его результате (норме права, институте законодательства, проекте постановления правительства, концепции ведомственной инструкции) прогнозная модель поведения более зыбкая, нежели в обычном текущем законодательстве. И это надо принимать в расчет в ходе мониторинга итогов опережающего правотворчества – менее критично оценивать его количественные характеристики и пытаться обнаружить качественные «сдвиги» в правовом воздействии на тот или иной юридический объект.

Ослабление прогностической функции опережающего правотворчества может произойти тогда, когда законодатель механистически (без комплексного анализа) будет проецировать без творческого развития настоящий (ныне функционирующий) опыт на будущее.

Усилить прогностическую функцию опережающего правотворчества можно разными способами, средствами, путями, и сейчас перед юридической наукой и практикой стоит задача – создать междисциплинарными усилиями своего рода «карту», «банк» этих способов и средств. Затем потребуется вычленение доминирующих способов и построение разумной последовательности их реализации.

Все предыдущее изложение посвящено, если можно так выразиться, «внутреннему элементу» прогностической функции опережающего правотворчества. Но есть еще и «внешняя» ее составляющая. Речь идет об использовании прогностического потенциала опережающего правотворчества во вне. По

верному замечанию В. Б. Исакова, «законодательство пронизывает все сферы общественной деятельности, существенно влияет на их состояние и динамику, поэтому должно учитываться в аналитических прогнозах, особенно среднесрочных и долгосрочных» [12, с. 134–135]. Отсюда следует, что если

результат опережающего правотворчества будет дефектным в прогностическом ключе, то, будучи положенным в основы среднесрочного или долгосрочного экономического, политического, культурного аналитического прогноза, он серьезно усугубит эффект управленческой ошибки.

Литература

1. Баранова М. В. Опережающее правотворчество как стратегический ресурс и тактическое средство государственного управления в современной России // Юридическая техника. 2015. № 9.
2. Баранова М. В. Опережающее правотворчество в правовой системе современности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 1.
3. Баранова М. В. Культурные пределы опережающего правотворчества // Юридическая техника. 2016. № 10.
4. Баранова М. В. Право Нюрнберга как результат опережающего нормативного обобщения опыта развития человечества. Н. Новгород, 2016.
5. Оксамытний В. В. Юридическая компаративистика: учебный курс для студентов магистратуры, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция». М., 2015.
6. Тихомиров Ю. А. Право: прогнозы и риски: монография. М., 2015.
7. Белоусов С. А. Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015.
8. Зорькин В. Д. Правовой путь России. М., 2014.
9. Арзамасов Ю. Г., Певцова Е. А. Новое «указное» нормотворчество: общая характеристика результатов, тенденции развития // Государство и право. 2010. № 1.
10. Готного А. В. Диалектико-материалистические основания социального прогнозирования: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Красноярск, 2014.
11. Лукашук И. И. Нормы международного права в международной нормативной системе. М., 1997.
12. Исаков В. Б. Анализ и аналитика в юридической деятельности // Теоретическая юриспруденция: традиции, современность, перспективы. Алексеевские чтения / отв. ред. В. Д. Перевалов. Екатеринбург, 2015. Вып. 2.

Bibliography

1. Baranova M. V. Forerunning legislation as strategic resource and tactical means of state control in modern Russia // Juridical technique. 2015. № 9.
2. Baranova M. V. Forerunning legislation in the legal system of today // Bulletin of the Saratov state law academy. 2016. № 1.
3. Baranova M. V. Cultural limits of the forerunning legislation // Juridical technique. 2016. № 10.
4. Baranova M. V. The law of Nuremberg as the result of forestalling normative generalization of mankind's experience. N. Novgorod, 2016.
5. Oksamytny V. V. Juridical comparative studies: a course for students of master's degree specializing in «Jurisprudence». Moscow, 2015.
6. Tikhomirov Yu. A. Law: forecasting and risks: monograph. Moscow, 2015.
7. Belousov S. A. Legislative disbalance (doctrine, theory, practice): abstract of dis. ... doctor of law. Saratov, 2015.
8. Zor'kin V. D. The legal way of Russia. Moscow, 2014.
9. Arzamasov Yu. G., Pevtsova E. A. New decree-type legislation: general characteristics, trends of development // State and law. 2010. № 1.
10. Gotnoga A. V. Dialectical-and-materialistic foundation of social forecasting: abstract of dis. ... doctor of law. Krasnoyarsk, 2014.
11. Lukashuk I. I. Norms of international law in international normative system. Moscow, 1997.
12. Isakov V. B. Analysis and analytics in juridical activity // Theoretical jurisprudence: traditions, today, perspectives. Alekseyev's readings / editor V. D. Perevalov. Ekaterinburg, 2015. Issue 2.

Корик Елена Дмитриевна
Korik Elena Dmitrievna

аспирант Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

Postgraduate of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.

Тел.: 8 (910) 394-53-98.

ДЕЙСТВИЕ КАК СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

Action as a social and legal category

В статье рассматривается категория действия, актуальность изучения которой определена особенностями сложившейся теории правоотношений. Отмечается, что реализация субъектами отношений своих позиций обусловлена осуществлением действий, юридическое упорядочивание которых приводит к их перерождению в категорию правовых. Автор предпринимает попытку унифицировать понятие правового действия и определить его роль в системе правоотношений.

Ключевые слова: социальное действие, правовое действие, правоотношения, инструмент правоотношений, предмет гражданского права, правовые рамки.

The relevance of studying of the category of action is due by the peculiarities of the theory of legal relations. Subjects of these relationships implements their positions by using of social actions, which were concluded in the framework of law and acquired the status of a legal category. The article contains an attempt to unify the understanding of action as a legal category and to determine its role in the system of legal relations.

Keywords: social action, legal action, legal relationships, tool of legal relations, subject of civil law, legal framework.

Развитие любых теорий предполагает наличие в каждой науке предварительно вычлененного родового понятия, то есть такого элемента, который позволяет в дальнейшем описать более сложные образования. За всю историю гражданского права такой элемент не был найден относительно его предмета. При этом роль предмета права как ведущей правовой категории всей отрасли представляется неоспоримой. Поэтому выявление такого родового понятия и определение его дальнейшего развития представляются необходимыми.

Предмет гражданского права имеет многовековую историю. Теоретические взгляды на него изменялись на протяжении длительного периода [2; 5]. В настоящий момент понимание о нем обрело устоявшийся характер и трактуется как совокупность имущественных и личных неимущественных отношений [4, т. 1, с. 3]. Более того, данное положение нашло свое закрепление в нормах действующего законодательства.

Изучение предметной области гражданского права видится наиболее объективным сквозь призму естественно-правового метода. Данный подход выделяет в качестве источника

объективные нравственные начала. Обязывающие нормы рассматриваются в этом случае как средство соединения правовых и нравственных начал действий людей, поэтому правовое отношение может пониматься как урегулированное правом общественное отношение, то есть средство, соединяющее право и мораль. Правоотношения не мыслимы без права и вне права [9, т. 2, с. 208; т. 4, с. 112]. Следовательно, для вычленения родового понятия необходимо обратиться к социальной действительности, поскольку именно она опосредуется всей правовой системой.

В социологических науках отмечается, что объективная реальность представляет собой систему социальных институтов. Последние принято рассматривать как исторически сложившиеся, закреплённые и устойчивые самовозобновляющиеся виды социальных взаимодействий, призванных удовлетворять те или иные человеческие нужды [11, с. 215]. Иными словами, социальный институт – это процедура социальных действий, которая надежно обеспечивает регулярное, самовозобновляющееся удовлетворение жизненно важных потребностей [11, с. 216].

Важно отметить, что именно такие свойства, как устойчивость и регулярность, позволяют прогнозировать поведение человека в социальной системе, делая его предсказуемым, четким в отношении исполнения определенных функций [11, с. 216]. Являясь важнейшим социальным элементом, действия наполняют собой структуру социальной реальности, образуя ее содержание. Немаловажное замечание в этой области сделал Т. Парсонс. В своей работе «О структуре социального действия» он определил, что социальной системе присущи эффекты, не выводимые из личных целей и мотивов конкретного субъекта, однако имеющие в своей структуре множественность личных действий субъектов [13, с. 14].

По мнению М. Вебера, социальное действие занимает центральное место в содержании социологии как науки в целом. Он пишет: «Социология есть наука, стремящаяся, истолковывая, понять социальное действие и тем самым каузально объяснить его процесс и воздействие» [3, с. 602].

Таким образом, своим родовым понятием социология называет действие. Согласно общепринятому пониманию действие – это конкретный, ограниченный во времени и пространстве целенаправленный акт, усилие [12, с. 112]. Однако, в соответствии с трактовкой большинства ученых, действием могут называться только такие поведенческие акты, которые носят в той или иной мере преднамеренный характер, являются мотивированными, связаны с анализом, выбором определенных средств, способствующих достижению цели в данных условиях. Таким образом, действием можно назвать лишь обладающий определенными свойствами акт человека.

Изучая данный институт и основываясь на общих представлениях, Т. Парсонс предложил тщательно разработанную детализированную модель единичного действия как совокупности элементов, определив ее центром соотношение того, что необходимо деятелю и с чем он вынужден считаться в своем действии [14, с. 61]. В качестве первого элемента теория называет деятеля с побуждающими его потребностями, а также способностями целеполагания, прогнозирования последствий, анализа альтернатив и так далее.

Вторым элементом выступает цель, которая представляет собой ожидаемый деятелем

результат действия, в котором имеющаяся потребность должна найти свое разрешение. При этом важно заметить, что цель не является прямым воплощением потребности.

Третьим и четвертым выделяются элементы ситуации, в которой деятель стремится к достижению своей цели. Они дифференцируются на неконтролируемые и контролируемые. Первые представляют собой независимые от субъекта элементы ситуации. К ним относятся природные, материально-технические, вещественные, в том числе генетические, особенности, интеллектуальные способности самого деятеля и т. п. Контролируемые элементы ситуации – это средства, отобранные субъектом, применяемые методы, тактика достижения цели.

Рассмотренные признаки говорят о том, что социальным действием следует называть порожденный потребностью человека акт, обусловленный элементами ситуации, в которой он совершается, и направленный на достижение определенной цели.

Кроме того, как было отмечено ранее, важным свойством социальных действий является их самовозобновляемость. Они должны производиться регулярно, то есть приобрести системность, что вызывает необходимость прогнозировать поведение действующего субъекта по отношению к партнеру, поэтому ожидаемой должна быть и ответная реакция. Подобная взаимная предсказуемость выявляет необходимость наличия единых стандартов, выработанных обществом. Именно для придания системности и выработки единого алгоритма социальные действия облачаются правом в рамки правоотношений. Подобная обрамленность придает категории действия, на которой базируется динамика отношения, юридический характер.

Для всестороннего рассмотрения действия как правовой категории и выявления ее специфических особенностей представляется необходимым проанализировать присущие ей элементы.

Прежде всего, существование данной категории видится невозможным как внеличностное образование, поскольку это противоречит самой его сути. Необходимо наличие субъекта, который может осуществлять предоставляемые правом возможности. Однако, в отличие от социальных отношений, такое лицо

обязано действовать в соответствии со своей правосубъектностью и в лишь в пределах конкретных правоотношений. Признание лица субъектом гражданского права означает наделение его гражданской правосубъектностью [10, с. 189], что, в свою очередь, влечет наделение личности определенными юридическими средствами и признание ее «лицетворения» [15, с. 97].

Все действия осуществляются в стремлении достигнуть какой-либо цели, которая является следующим элементом категории. Отличительным свойством в этом случае будет выступать ее расположенность в рамках правового поля. Поскольку право призвано защищать интересы, а конечной целью является «установление и гарантии жизненных условий общества» [6, с. 309], целевая картина права складывается «от целевых субъектов» к «целевому имуществу» [6, с. 59], то есть сферой постановки цели в данном случае могут являться непротивоправные интересы.

Действие в момент применения испытывает определенные ограничения. С одной стороны, оно зависит от личности актора, с другой – на него оказывает влияние вся внешняя система права и конкретные правовые нормы, регулирующие отношения, в рамках которых оно существует. Но в отличие от социального действия, развитие которого обусловлено как контролируруемыми, так и неконтролируемыми элементами, по отношению к категории правового действия все влияющие факторы следует отнести к разряду неконтролируемых, поскольку они принимаются ею априори, вне зависимости от того, исходят ли они от личности либо их происхождение обусловлено проявлением внешней среды.

На основании изложенной позиции отметим, что правовым действием следует считать опосредуемый правом акт субъекта, совершаемый в стремлении достигнуть определенной цели.

Выше мы остановились лишь на характеристике элементов, что обнаруживает неполноту рассмотрения данной категории. Думается, что проведенный анализ будет поверхностным без осмысления ее характерных черт и отличий. Наиболее рациональным решением этой задачи является исследование признаков указанной категории.

Первым таким признаком следует считать предсказуемость. Создавая действительную

правовую связь контрагентов правоотношения, действие основывается на предполагаемой их реакции. Непоследовательность при этом влечет невозможность получения желаемого результата в структуре правоотношения, а вне его существование правовой категории действия невозможно.

Правовые действия обладают также признаком систематичности, то есть периодического узаконенного юридическими нормами повторения.

Испытывая ограничения со стороны права, действия не могут выходить за установленные им пределы, рискуя в противном случае перерасти в разряд деликтных. Более того, само существование указанной категории в таком случае становится невозможным. Таким образом, важным признаком правового действия является правомерность.

Проведенный анализ показал, что, накладываясь на фактические отношения, правовая оболочка стандартизирует их, приводя к некоторому равенству права и обязанности субъектов как в их внутренней структуре, так и в правоотношениях с аналогичным строением. Достижение желаемой цели также опосредуется упорядочиванием правом. Юридическая теория полагает, что для удовлетворения интереса субъекту необходима возможность распоряжения не только своими, но и действиями противоположной стороны [7, с. 27; 8, с. 3].

Однако, думается, что так называемое «право на чужие действия» является искусственным, поскольку, безусловно, действовать за другого невозможно. Реализация данного «права» видится допустимой в рамках названных признаков самой категории юридического действия, а именно ориентации на других субъектов и предсказуемости. Ожидаемость результата действий контрагента позволяет субъекту выстраивать собственное поведение в нужной последовательности для получения искомого блага. Таким образом, каждому из субъектов достаточно распоряжаться собственными действиями.

Являясь динамичной категорией, правоотношение не только развивает свою внутреннюю структуру, но и выявляет, в зависимости от различных критериев, определенные свойства. Это позволяет обнаружить одну из немаловажных проблем современной гражданско-правовой теории – вопрос дифференциации

многообразия правовых отношений на относительные и абсолютные.

Удовлетворение интереса управомоченного лица в большинстве относительных правоотношений опосредуется действиями обязанной стороны. Однако, как было отмечено, придание последним правового характера делает их ожидаемыми. А значит, присущее данному типу правоотношений правомочие на требование от противоположного субъекта воздерживаться от определенных действий выражается фактически в наличии у самого активного субъекта возможности действовать в рамках правового поля отношения. Это позволяет заключить, что правовые действия следует считать инструментом правоотношений относительного типа.

Что касается правоотношений абсолютно типа, то в них ярко проявляется правомочие на собственные действия обладателя права. Благодаря отсутствию акцента на обязанности других лиц воздерживаться от нарушения этого права создается иллюзия ее полного отсутствия, а следовательно, и отсутствия правомочия требования. На основании этого создается представление о возможности существования таких прав вне правоотношений. Однако данная позиция не является объективной.

Входящее в содержание абсолютного права правомочие требования обязывает всех третьих лиц не препятствовать правообладателю в осуществлении собственных действий [7, с. 30]. Более того, исследование материального содержания данного правомочия выявляет невозможность ее реализации без одновременного исполнения корреспондирующей обязанности. Сказанное свидетельствует о единстве материального содержания правомочия требования и совершения надлежащих действий должником. Иными словами, объектом правомочия требования здесь выступает поведение обязанного лица, и должныствующие действия обязанного являются предметом требования управомоченного [1, т. 1, с. 321]. Так, например, в заемном обязательстве правомочие требования реализуется действиями заем-

щика по возвращению предмета долга. В то же время одних только действий должника для удовлетворения интереса кредитора явно недостаточно. Совершение должником действий во исполнение юридической обязанности создает для кредитора лишь возможность удовлетворения интереса, однако еще не совпадает с фактическим осуществлением. Последнее наступает лишь после принятия кредитором предложенного ему исполнения. Действие кредитора по принятию исполнения не может служить средством реализации его правомочия требования, так как последнее всегда реализуется действиями должника. Следовательно, действие кредитора по принятию исполнения может рассматриваться лишь как средство осуществления правомочия на его собственные положительные действия [8, с. 5].

Таким образом, в правоотношениях абсолютно типа фактическая реализация правомочия на собственные действия возможна только при наличии ожидания действий активного субъекта со стороны контрагента, иначе они рискуют выйти за правовые рамки. Следовательно, здесь, как и в правоотношениях относительного типа, основным инструментом выступают правовые действия.

На основании вышеизложенного следует заключить, что облечение фактически совершаемых действий в правовые рамки является естественным в ходе развития социально-правовых институтов. Выполняя роль основного инструмента реализации субъективных гражданских прав, именно эта категория представляется обоснованно занимающей роль родового понятия предмета гражданского права.

Учитывая сущность и признаки действия как правовой категории, а также его место и роль в структуре механизма осуществления прав, надлежит сделать вывод о том, что действие – это опосредуемый нормами права, предсказуемый волевой акт субъекта правоотношений, ориентированный на реакцию контрагента и направленный на реализацию возможностей, предоставленных правом в отношении определенного блага.

Литературы

1. Алексеев С. С. Проблемы теории права: основные вопросы общей теории социалистического права: курс лекций: в 2-х т. Свердловск, 1972. Т. 1.

Bibliography

1. Alekseev S. S. Problems of the theory of law: the main questions of the general theory of socialist law: a course of lectures: in 2 vols. Sverdlovsk, 1972. Vol. 1.

2. Братусь С. Н. Предмет и система советского гражданского права. М., 1963.
3. Вебер М. Основные социологические понятия // Избранные произведения: пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М., 1990.
4. Гражданское право: в 3-х т. / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2005. Т. 1.
5. Егоров Н. Д. Гражданско-правовое регулирование общественных отношений: единство и дифференциация. Л., 1988.
6. Иеринг Р. Цель в праве / под ред. В. Р. Личко; пер. Н. Ф. Дерюжинского, Н. В. Муравьева. СПб., 1881.
7. Крашенинников Е. А. К вопросу о структуре субъективного права. Актуальные философские проблемы советской науки и техники. Ярославль, 1986.
8. Крашенинников Е. А. Структура субъективного права. Построение правового государства: вопросы теории и практики. Ярославль, 1990.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. М., 1979. Т. 2, 4.
10. Мезрин Б. Н. Место гражданской правосубъектности в механизме правового регулирования // Антология уральской цивилистики 1925–1989: сборник статей. М., 2001.
11. Общая социология: учебное пособие / под общ. ред. А. Г. Эфендиева. М., 2008.
12. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. 22-е изд. М., 1990.
13. Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2002.
14. Тернер Дж. Структура социологической теории. М., 1985.
15. Шайкенов Н. А. Правовое обеспечение интересов личности. Свердловск, 1990.
2. Bratus S. N. Subject and system of Soviet civil law. Moscow, 1963.
3. Weber M. Basic sociological concepts// Selected works: translation from German. Total ed. and afterword Yu. N. Davydova; foreword by P. P. Gaydenko. Moscow, 1990.
4. Civil law: in 3 vols / ed. A. P. Sergeev, Yu. K. Tolstoy. 4th ed., rev. and dop. Moscow, 2005. Vol. 1.
5. Egorov N. D. Civil law regulation of social relations: unity and differentiation. Leningrad, 1988.
6. Iering R. The purpose of the right / ed. by V. R. Lickaya; translation N. F. Deryuzhinsky, N. V. Muraviev. St. Petersburg, 1881.
7. Krasheninnikov E. A. To a question about the structure of subjective right. Recent Philosophy problems owls. science and technology. Yaroslavl, 1986.
8. Krasheninnikov E. A. Structure of subjective right. Building of a constitutional state. The questions of theory and practice. Yaroslavl, 1990.
9. Marx K. and Engels F. Collected works. Moscow, 1979. Vols. 2, 4.
10. Mezrin B. N. Place of civil capacity in the mechanism of legal regulation // Anthology of Ural civil law 1925–1989: collection of articles. Moscow, 2001.
11. General sociology: textbook / ed. A. G. Efendiyev. Moscow, 2008.
12. Ozhegov S. I. Russian dictionary: 70 000 words/ ed. of N. Yu. Shvedova. 22th ed. sr. Moscow, 1990.
13. Parsons T. The structure of social action. Moscow, 2002.
14. Turner J. The structure of sociological theory. Moscow, 1985.
15. Shaikenov N. A. Legal support of interests of person. Sverdlovsk, 1990.

Касаткин Сергей Николаевич
Kasatkin Sergey Nikolayevich

профессор кафедры теории и истории государства и права Самарского юридического института
ФСИН России кандидат юридических наук.

Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Samara Law Institute of Federal Penitentiary
Service of Russia, PhD in Law.

Тел.: 8 (846) 205-67-28.

КОНЦЕПЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЯЗЫКА ГЕРБЕРТА ХАРТА: ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ*

Concept of Herbert Hart law language: experience of reconstruction

В статье исследуется методология, цели и основное содержание концепции юридического дискурса, предложенной британским философом Г. Л. А. Хартом. Обосновывается вывод о необходимости ограничительной трактовки тезисов автора, проистекающей из философско-методологической направленности его концепции (критики логико-описательной модели языка) и отсутствия в ней общих критериев дифференциации юридического словоупотребления.

Ключевые слова: юридический язык, аналитическая философия права, правовые понятия, аскриптивность, открытая структура.

The article studies a methodology, goals and a main content of the conception of a legal discourse, proposed by a British philosopher H. L. A. Hart. The conclusion is grounded about a necessity of a restrictive interpretation of the author's theses, stemming from a philosophical-methodological orientation of his conception (a criticism of a logical-descriptive model of language) and from its lacking of common criteria for a differentiation of a legal language use.

Keywords: legal language, analytic philosophy of law, legal concepts, ascriptivity, open texture.

Тематика юридического языка – одна из центральных в творчестве известного британского философа и правоведа Герберта Харта (1907–1992). При этом в своих работах автор исследует различные аспекты юридического дискурса, не давая его целостной картины (и, видимо, не ставя для себя подобной задачи), что затрудняет надлежащее понимание и оценку его концепции, ее дальнейшее использование. Тем не менее реконструкция взглядов Харта представляется возможной на базе системного изучения его работ (прежде всего очерков 1949–1950-х годов с наиболее сфокусированным обсуждением вопроса) и при учете методологических основ рассуждений автора (также не получивших у него развернутого рассмотрения). В свете сказанного в данной статье будет рассмотрен ряд ключевых элементов соответствующей концепции Харта, а также предложена оценка ее направленности и содержания базовых тезисов.

Итак, общей методологической основой в разработке Г. Хартом проблем юридического

словоупотребления является *аналитическая лингвистическая философия*, сложившаяся прежде всего в университетах Оксфорда и Кембриджа и представленная именами Л. Витгенштейна, Г. Райла, Дж. Л. Остина, Ф. Вайсмана, С. Хэмшира, И. Берлина и так далее. Она развивается в полемике с другим влиятельным течением – доктриной *логико-философского анализа* (связанной с концепциями М. Шлика, Р. Карнапа, Б. Рассела, А. Айера и других). Главными целями такой доктрины провозглашались создание надежного базиса теоретического знания (системы описания объективного мира фактов / опыта), обоснование идеального языка рационального (научного) рассуждения, построенного на логике и строгой эмпирической верификации и исключаящего любые элементы метафизики, субъективизма, романтизма и пр. Именно логика мыслится здесь в качестве универсальной и первичной дисциплины по отношению ко всем остальным наукам, способной стать базой для реформирования последних с помощью чет-

* Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-03-00804.

кой фиксации правил вывода, однозначного употребления терминов, общего использования логической символизации и т. п. Отсюда основное внимание исследователя сосредотачивается на анализе предложений / суждений, когда все значимое выводится из содержащихся здесь слов и порядка их расстановки. Любой корпус знаний строится через дедукцию из ограниченного перечня истинных посылок посредством строго обоснованных логических процедур. С этих позиций обыденное словоупотребление трактуется как во многом неточное, бессмысленное, иррациональное и подлежит логической переработке.

Разделяя с философией логического анализа приоритетность исследований языка, сторонники аналитической лингвистической философии отвергают универсалистские претензии логики, отстаивают трактовку языка как деятельности и значения как употребления. Они смещают акценты на исследование многообразия и специфики различных речевых практик (по Витгенштейну, «языковых игр»), прежде всего обыденного языка, который полагается несводимым ни к описанию объективной фактологии, ни к строгому аппарату логики или эмпирической науки. Для сторонников данного течения именно тщательный анализ реальных дискурсивных практик позволяет создать действительно надежный базис для философских и иных изысканий, разрешая или нейтрализуя многие философские проблемы, постановка которых обусловлена в первую очередь неправильным пониманием и применением (обыденного) языка [1; 2].

Харт является представителем оксфордской школы философско-лингвистического анализа и разделяет многие ее постулаты (прежде всего, идеи Дж. Л. Остина): понимание философии, методы исследования, трактовку языка и его значения, доктрину о способах употребления и речевых функциях, проект «лингвистической феноменологии» и так далее. Среди прочего автор исходит из положения, согласно которому анализ определенной сферы мысли или деятельности (включая научное познание) предполагает предварительное прояснение соответствующего языка. Как правило, это детальный разбор употребления ряда ключевых терминов и утверждений, выяснение того, насколько адекватны в их отношении общефилософские модели, с возможной экстраполяцией выводов на более широкие сферы познания и дискурса.

Одной из главных мишеней философской критики Харта становятся доктрины *дескриптивизма* (истолкования языка как системы описаний) и *логицизма* (претензии на первенство и универсализм логической трактовки языка) [5]. Их ограниченность (несостоятельность) демонстрируется автором на частных примерах из различных сфер словоупотребления – обыденного языка, языка сказки, юридического дискурса. Анализируя характерные для них слова и утверждения, Харт стремится ответить на (базовые для аналитической философии) вопросы о том, как устанавливается значение соответствующих понятий (терминов), каким образом они (и использующие их предложения) употребляются в речи, являются ли они обозначениями каких-либо эмпирических фактов, если нет, то какую речевую функцию выполняют, как она связана с установлением их значения, можно ли дать их определение, предложив формулу необходимых и достаточных признаков их применения, если нет, то как следует определять такие понятия (термины), и пр.

В этом плане юридический язык выступает удачным примером для изучения, поскольку, по Харту, он ясно показывает дефекты традиционного философско-логического анализа [6; 3]. Появившись как вспомогательный объект исследования в первом очерке Харта 1949 года, юридический дискурс выходит на первый план в работах 1950-х годов, становясь важным элементом рассуждений автора: его доктрины определения, проекта аналитической юриспруденции, объяснения понятия права, судебного решения и другие.

Какие основные черты юридического языка обсуждаются в работах Харта? Следует начать с того, что в своих текстах он рассматривает юридический дискурс (подобно иным языкам) как определенную *речевую практику*. Такой подход реализует важную установку философско-лингвистического анализа: автор противопоставляет реальные дискурсивные практики и абстрактные теоретические модели (по Остину, «кабинетную философию»), и именно первым отдается приоритет в качестве основы исследования, тогда как вторые мыслятся оторванными от непосредственного словоупотребления и, как следствие, вводящими в заблуждение [7, с. 343; 3].

Отсюда же вытекает и применимость к суждениям Харта еще одного философско-лингвистического постулата (в духе Остина, Витгенштейна и других) – положения о множе-

ственности речевых практик, их связей и пересечений и о необходимости их обособленного рассмотрения, прояснения их собственной «логики». В этом плане юридический дискурс выступает у Харта в качестве *особой практики / формы словоупотребления*, несводимой к иным языковым играм: как к более свободному, четко неопределенному и нереклексивному обыденному языку, так и к более строгому, упорядоченному, предельно абстрактному и универсализированному аппарату эмпирической науки или логики. При этом в работах автора встречаются указания как на различия, так и на сходства юридической речи с иными формами дискурса (важные для Харта «социальные» понятия и аскриптивизм словоупотребления выделяются им и в юридической, и в повседневной речи, что позволяет автору использовать один для прояснения другого [7; 3]).

Отметим, что юридический язык ассоциируется Хартом именно с *действующим* в обществе *правом*: социально признаваемыми и практикуемыми официальными правилами, процедурами, решениями, властными инстанциями и т. п. (зачастую философ обращается к нему как к дискурсу судопроизводства или практики совершения юридических актов [7; 3; 9]). В этом плане юридический язык – это прежде всего *язык институциональный, нормативный*: «особый сегмент человеческой речи», связанный «с провозглашением и применением правил» [7, с. 376]. Значение и употребление ключевых юридических выражений заданы правом как социальным институтом [7, с. 357; 3, с. 399], его нормами, конвенциями, соответствующим опытом и речевыми навыками членов сообщества, их «внутренней точкой зрения», то есть принятием и использованием данных норм как стандартов поведения и оценки [9].

В такой перспективе Харт указывает на особенности юридического дискурса, которые не укладываются в каноны традиционной логико-дескриптивной философии. В работах 1949–1950-х годов именно критика описательной модели языка является для автора ключевой. Так, в очерке 1949 года Харт отстаивает *социальный* характер понятия действия (как и понятий собственности, договора, преступления и пр.). По мысли философа, его значение несводимо к эмпирическим фактам (психически обусловленным телесным движениям человека), является «смесью» нормы и факта и производно от соответствующих социальных институтов. В типичных речевых контекстах

оно употребляется не описательно, но *аскриптивно*: «...Предложения “Я сделал это”, “Вы сделали это”, “Он сделал это” представляют собой первичные высказывания, посредством которых мы *признаем* или *допускаем* обязанность, выдвигаем обвинения либо *приписываем* ответственность. И смысл, в котором наши действия являются нашими, во многом схож со смыслом, в котором нашей является собственность... Сравните с традиционным вопросом о действии [“Что отличает движение человеческого тела от человеческого действия?”] вопрос: “В чем разница между частью земли и частью собственности?”. Собственность не является описательным понятием, и различие между предложениями “Это – часть земли” или “Смит удерживает часть земли”... и предложениями “Это – чья-то собственность” и “Смит владеет частью собственности”... нельзя объяснить без обращения к неописательным высказываниям, посредством которых провозглашаются правовые нормы и выносятся решения или... признаются права... Также и разницу между предложениями “Его тело двинулось в насильственное соприкосновение с телом другого” и “Он сделал это” (...“Он ударил ее”) нельзя объяснить без обращения к неописательному употреблению предложений, посредством которых приписываются обязанности или ответственность. Что в корне неправильно [в традиционном анализе действия]... так это ошибочное отождествление... значения неописательного высказывания, приписывающего ответственность... с фактическими обстоятельствами, которые подкрепляют такое приписывание или являются для него надлежащими основаниями... Наше понятие действия, как и наше понятие собственности, есть понятие социальное и логически зависимое от принятых правил поведения. Оно по своей сути не является описательным понятием, но по природе аскриптивно» [7, с. 360–362].

Схожие позиции воспроизводятся Хартом и в работах 1950-х годов, где он подчеркивает отсутствие у базовых юридических терминов («право», «обязанность», «корпорация») «прямой связи с аналогами в мире фактов», а также неописательность их характерного употребления как действия с помощью правил («Этим я передаю Вам...») или производства нормативного вывода. Так, согласно философу, утверждение «А имеет право на то, чтобы В заплатил ему 10 фунтов», предполагая существование правовой системы, имеет также особую связь с кон-

кретным ее правилом. Ибо надлежащий ответ на вопрос: «Почему А имеет право?» может включать лишь две составляющие: утверждение о юридическом правиле, согласно которому при определенных условиях наступают определенные юридические следствия, и утверждение о том, что в данном случае они имеют место. Однако, замечает автор, тот, кто говорит: «А имеет право», не описывает эти правила или обстоятельства, а делает вывод на основе соответствующего, но не утверждаемого здесь правила и соответствующих, но не утверждаемых здесь обстоятельств. «Утверждение “А имеет право”... является *заключительной частью* простого правового рассуждения... [и] может быть названо юридическим выводом» [3, с. 377–378].

Позднее Харт признает наличие *внешних* и *внутренних* типов утверждений и способов употребления юридических понятий: «...Существование правовой системы создает возможность для множества различных фактуальных утверждений о системе... [о ее правилах, их соблюдении и т. п., а равно] для иного вида деятельности, в рамках которого слова употребляются... для того, чтобы... применить множество присущих системе... правил к конкретным случаям или действовать на [их] основе... в конкретных обстоятельствах различными сложными способами... [Иначе говоря] мы можем противопоставить “внешнюю” точку зрения наблюдателя по отношению к правовой системе, рассуждающего о ее правилах, их нынешнем и будущем действии, “внутренней” точке зрения того, кто использует правила системы различными способами в качестве должностного или частного лица...» [10, р. 247–248]. При этом внутренний, нормативный тип утверждения (словоупотребления) по-прежнему мыслится автором как ключевой для правовой системы и ее постижения и требующий должной теоретической экспликации.

Анализ дескриптивной модели языка тесно связана у Харта с критикой логицизма (скорее второстепенной в работах 1949–1950-х годов): универсальные логические стандарты полагаются автором именно в качестве образцов надлежащего описания фактов. С этих позиций Харт демонстрирует ограниченность строгих логических формул, по его мнению, неадекватных *открытости* юридических (а также ряда обыденных) понятий (терминов).

Так, в очерке 1949 года философ настаивает на бессмысленности применения «языка необходимых и достаточных условий» к пра-

вовым понятиям. С одной стороны, отмечает автор, для них характерна *неопределенность*: «В Англии судья не обеспечен... [четкими] общими критериями, определяющими понятия “договор” или “нарушение субъективного права”. Вместо этого ему приходится решать, был ли, исходя из... фактов, заключен договор или нарушено право, через обращение к прошлым делам... При этом у него есть широкая свобода в оценке того, является ли нынешнее дело достаточно близким к прошлому прецеденту, а также... того, в чем... состоит предыдущий прецедент... [Это] обуславливает неопределенность характера правовых понятий... слабо регулируемую судебными традициями толкования... [в связи с чем требование их определения обычно] не может быть удовлетворено представлением словесного правила для перевода юридического выражения в другие термины либо правила, конкретизирующего совокупность необходимых или достаточных условий... [Отсюда] ответ на вопросы: “Что такое нарушение субъективного права?”, “Что такое договор?”... должен принять форму отсылок к руководящим делам по данному предмету в сочетании с... выражением “и так далее”» [7, с. 344–345].

С другой стороны, правовым понятиям, по Харту, присуща *отменяемость*, то есть презюмируемая применимость и оспоримость. Автор обращается к практикам нейтрализации юридических заявлений, возможной как через отрицание лежащих в их основе фактов, так и через обращение к иным, прямо с ними не связанным обстоятельствам («исключениям»), способным отменить или «ослабить» первоначальное утверждение. Отсюда, продолжает философ, определение, например, такого понятия, как «договор», через положительные условия, требуемые правом для его действительности (наличие двух сторон, оферты, акцепта и другое), будет неполным, ибо «указанные условия, хотя и являются необходимыми, не всегда достаточны... [Нам] все еще придется узнать то, что может *отменить* заявление о наличии действительного договора [обман, ошибка, принуждение, недееспособность и пр.], даже если все эти условия удовлетворены». Договор, таким образом, является «отменяемым понятием», которое «подвержено аннулированию или отмене по ряду различных условленных обстоятельств, но продолжает применяться, если такие обстоятельства не наступили» [7, с. 346–347].

Ограничения закрытых логических формул, не учитывающих открытость и сложность юридического словоупотребления, фиксируются и в работах Харта 1950-х годов. Так, в очерке 1953 года в качестве специфики правовых терминов называются *многообразие* и *разнородность* случаев их *употребления* (искажаемые логической унификацией): «...области случаев, к которой применяется... [юридический термин] присуще разнообразие... расстраивающее всякую попытку выделить какое-либо стоящее за словоупотреблением... [разумное основание], но мы тем не менее убеждены в том, что даже здесь имеет место не произвольная условность, но некоторый принцип, лежащий в основе поверхностных различий» [3, с. 371]. Отсюда нам всегда нужно быть начеку относительно «того, что основание... [объясняющее] видимое многообразие различных явлений, обозначаемых одним термином, может принимать различные формы» [7, р. 969]. Согласно философу, дефиниция базовых правовых терминов через установление рода и видовых отличий лишь исказит их употребление, ориентируя на поиск «стоящей за» его многообразием единой сущности / факта или универсального логического критерия, так как здесь требуются систематизация различных случаев применения термина, выявление лежащих в его основе взаимосвязей и принципов.

С этих позиций автор объясняет такие («зонтичные») понятия, как «правовая система», «правило», «субъективное право», «справедливость» [3; 10; 7], а также дефиницию термина права [9]. По Харту, трудность с его определением вызвана тремя факторами: «1) обоснованной уверенностью в том, что слово “право”, когда оно употребляется в отношении внутригосударственного или международного права, не есть простой омоним; 2) ошибочной уверенностью... в том, что если слово не есть простой омоним, тогда все случаи, к которым оно применяется, должны обладать общим одинаковым качеством или набором качеств; 3) преувеличением различия между внутригосударственным и международным правом в силу непонимания того, что “приказ” суверена – лишь одно из проявлений общего свойства... логически необходимого для правовой системы, а именно некоторого общего критерия, посредством которого идентифицируются [ее] правила... Только надлежащее внимание к этим трем факторам покажет... что называть международное право “правом” вопреки его различиям с

правом внутригосударственным – не произвольность... как не является произвольным называть “игрой” пасьянс, несмотря на его отличия, скажем, от поло» [3, р. 370–371].

В этом ключе Харт демонстрирует *сложность структуры* названных понятий, *подвижность их границ*. Так, рассуждая о понятии правовой системы, он подчеркивает невозможность выделения его всеобщих необходимых признаков (кроме наиболее очевидных и неинтересных): «...Все, что [здесь] можно обнаружить – это совокупность критериев, где лишь немногие с очевидностью необходимы (например, что должны существовать правила), остальные же образуют подмножество критериев, некоторым из которых удовлетворяет все, что называется правовой системой, тогда как всем из них удовлетворяют только стандартные или обычные случаи... Мы можем лишь определить условия, присутствующие в стандартном... случае, и рассмотреть, при каких обстоятельствах устранение какого-либо из данных условий сделает целое бессмысленным...» [10, р. 251–253].

С этой точки зрения любой (правовой и обыденный) термин, по Харту, будет иметь *ядро* и *полутень* значения, *ясные (центральные)* и *пограничные случаи* употребления, а также то, что получило название *открытой структуры (текстуры)*, – склонность иметь «край неопределенности» или становиться неопределенными в своем применении к пограничным ситуациям [9, ch. 7, § 1; 8, s. 3]. Это в свою очередь обуславливает дефектность закрытых определений правовых понятий, а также сведение юридического рассуждения к логической дедукции. Харт пишет: «[Будет ложным] уподобление математике понятий и методов юридической науки так, что все юридическое рассуждение становится вопросом чистого исчисления, в котором содержание правовых понятий раскрывается посредством логической дедукции... Фундаментальная... ошибка в отношении природы права и правовых понятий... состоит в убеждении, согласно которому последние являются *установленными* или *закрытыми* в том смысле, что их можно определить исчерпывающим образом посредством совокупности необходимых и достаточных условий» [8, р. 269]. Что касается юридической аргументации, то в ее основе, согласно философу, лежит не столько логика (как «гипотетическая формальная связь оснований и следствий»), сколько толкование и квалификация

ция частных и осознанный выбор решения в ситуациях неопределенности [4, с. 3], а также собственные стандарты рассуждения: «[Юридическое обоснование]... зависит от прецедента и аналогии и апеллирует не столько ко всеобщим логическим принципам, сколько к определенным базовым допущениям, специфичным для юриста. Соответственно, оно представляет наиболее яркий и... поучительный пример тех способов убеждения, которые основаны на разуме, но которые тем не менее не являются решающими с логической точки зрения... Как только мы приобретаем ясное и подробное понимание того, как в живой речи выводы подкрепляются аргументами, а сами аргументы оцениваются в качестве “сильных” или “слабых” либо в качестве обладающих или лишенных “силы” или “веса”, покажется догматичным сводить термин “рассуждение” к логическому доказательству, индуктивному обобщению или представлению самоочевидных истин» [5, с. 621, 626].

В свете сказанного Харт отвергает философскую состоятельность традиционных логико-дескриптивных методов определения базовых правовых понятий-терминов. Согласно автору, надлежащее объяснение последних предполагает, во-первых, *рефлексию оснований их употребления*: объяснение терминов в составе целостных характерных утверждений в типичных речевых контекстах с выявлением «условий истинности» (уместности) их применения и их речевой функции; во-вторых, *построение* более сложной *таксономии употребления* терминов (понятийной «семьи»): систематизацию (центральных и пограничных) случаев их употребления, экспликацию лежащих в его основе принципов, взаимосвязей и пр. [3; 7; 8, ch. 1 § 1; 4].

Насколько выделенные Хартом параметры юридического дискурса позволяют отличать его от иных языковых игр (и в этом плане насколько буквально следует толковать заявления автора о его специфике)? Действительно, в работах 1949–1950-х годов и позже философ говорит именно об «особенностях», «характерных чертах» и «аномалиях» юридического словоупотребления. При этом, однако, он не дает целостной, детальной картины юридического языка и, судя по всему, не задается такой целью (что вполне в стилистике аналитической лингвистической философии). У него нет исчерпывающих объяснений границ, состава, свойств и функций юридического языка, но имеется обсуждение «основополагаю-

щих» (а не любых) юридических понятий, терминов, утверждений, их «первичного» (а не вообще всякого) использования в речевой (юридической) практике. Харт фокусирует внимание на ключевых чертах юридического словоупотребления, которые, по его мнению, не осознаются в современной ему мысли, порождая дефектность в методах его осмысления. И это как раз те дефекты, которые происходят из традиционной доктрины дескриптивизма и логицизма и которые стремится устранить автор, опираясь на идеи аналитической лингвистической философии [10]. В связи с этим отметим, что концепция юридического дискурса Харта – это общеправовая критика и переосмысление методов анализа языка на примере частной речевой практики, а также реформа отраслевой (правоведческой) методологии на базе обновленной философии языка. «Аномалии» юридического дискурса здесь являются собой его отличия от модели языка как системы логически строгих и эмпирически верифицированных описаний, взятой в качестве универсального образца в философии логико-философского анализа, то есть это именно те его свойства, которые не учитываются данной философией или получают в ней неверную интерпретацию.

Отсюда следует, что, во-первых, доктрина Харта не направлена на ограничение юридического языка от любых других речевых практик (в том числе близких ему в своих отличиях от языка в логико-дескриптивной модели) и не содержит для этого достаточных аргументов, что обуславливает необходимость ограничительной трактовки тезисов автора об аномальности юридического словоупотребления. Это же, во-вторых, касается и замечаний Харта о логико-описательных аспектах юридического языка. Таковые не следует толковать как общие утверждения о принципиальной недескриптивности юридического дискурса в целом, в любых его проявлениях или об общей алогичности юридического языка и невозможности его соответствующего изложения. Философ прямо признает описательное использование юридических выражений и возможность их логической интерпретации (например, в технических целях), при этом децентрируя значение данных предметных и методологических аспектов. Соответствующие тезисы Харта имеют в виду все ту же ограниченность логико-дескриптивной модели, ее неудовлетворительность в объяснении ключевых примеров юридического слово-

употребления. Наконец, в-третьих, рассуждения Харта сосредоточены на философско-методологической проблематике, которая относительно независима и при прочих равных условиях совместима с различными правоведческими позициями (включая правопонимание, законодательную и судебную политику и так далее). Тем самым концепция автора не формулирует четкого ответа на вопрос о правоведческих критериях дифференциации юридического языка, не ставит подобной цели, вынося это за рамки обсуждения (что, впрочем, не мешает философу обращаться к близким проблемам в других своих работах и доктринальных построениях).

Литература

1. Касаткин С. Н. Как определять социальные понятия? Концепция аскриптивизма и отменяемости юридического языка Герберта Харта. Самара, 2014.
2. Оглезнев В. В., Суровцев В. А. Аналитическая философия, юридический язык и философия права. Томск, 2016.
3. Харт Г. Л. А. Определение и теория в юриспруденции // Касаткин С. Н. Как определять социальные понятия? Концепция аскриптивизма и отменяемости юридического языка Герберта Харта. Самара, 2014.
4. Харт Г. Л. А. Позитивизм и разграничение права и морали // Правоведение. 2005. № 5.
5. Харт Г. Л. А. Предисловие к сборнику работ Х. Перельмана «Идея справедливости и проблема аргументации» // Российский ежегодник теории права. 2011. № 4.
6. Харт Г. Л. А. Приписывание ответственности и прав // Касаткин С. Н. Как определять социальные понятия? Концепция аскриптивизма и отменяемости юридического языка Герберта Харта. Самара, 2014.
7. Hart H. L. A. Analytical jurisprudence in mid-twentieth century: a reply to professor Bodenheimer // *University of Pennsylvania Law Review*. 1956–1957. Vol. 105.
8. Hart H. L. A. *Jhering's Heaven of Concepts and Modern Analytical Jurisprudence* [1970] // *Essays in jurisprudence and philosophy*. Oxford, 1983.
9. Hart H. L. A. *The concept of law*. 2nd ed. Oxford, 1994.
10. Hart H. L. A. *Theory and Definition in Jurisprudence* // *The Aristotelian society*. 1955. Vol. 29.

Таким образом, в обсуждении юридического языка Герберт Харт стремится предложить и реализовать альтернативное видение языка и методологии его анализа, сформировать более надежный базис для исследований (в том числе в области права). Его концепция не содержит общих критериев отграничения юридического языка от иных дискурсов, фиксируя лишь аспекты, демонстрирующие неприменимость к нему логико-дескриптивной модели словоупотребления. Она имеет прежде всего философско-методологические цели и должна толковаться соответствующим – ограничительным – образом.

Bibliography

1. Kasatkin S. N. How to define social concepts? Herbert Hart's conception of ascriptivism and defeasibility of legal language. Samara, 2014.
2. Ogleznev V. V., Surovtsev V. A. *Analytical philosophy, legal language and philosophy of law*. Tomsk, 2014.
3. Hart G. L. A. Definition and theory in jurisprudence // Kasatkin S. N. How to define social concepts? Herbert Hart's conception of ascriptivism and defeasibility of legal language. Samara, 2014.
4. Hart G. L. A. Positivism and the separation of law and morals // *Jurisprudence*. 2005. № 5.
5. Hart G. L. A. Introduction to a Collection of works by H. Perelman «The idea of justice and the problem of argument» // *Russian yearbook of legal theory*. 2011. № 4.
6. Hart G. L. A. The ascription of responsibility and rights [1949] // Kasatkin S. N. How to define social concepts? Herbert Hart's conception of ascriptivism and defeasibility of legal language. Samara, 2014.
7. Hart H. L. A. Analytical jurisprudence in mid-twentieth century: a reply to professor Bodenheimer // *University of Pennsylvania Law Review*. 1956–1957. Vol. 105.
8. Hart H. L. A. *Jhering's heaven of concepts and modern analytical jurisprudence* [1970] // *Essays in Jurisprudence and Philosophy*. Oxford, 1983.
9. Hart H. L. A. *The concept of law*. 2nd ed. Oxford, 1994.
10. Hart H. L. A. *Theory and definition in jurisprudence* // *The Aristotelian society*. 1955. Vol. 29.

Лазарев Дмитрий Александрович
Lazarev Dmitry Alexandrovich

адъюнкт Краснодарского университета МВД России.

Adjunct of the Krasnodar University of Law of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation.
Тел.: 8 (961) 485-52-95.

ЭМПИРИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОФИЛАКТИКИ
И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ

Empirical and applied sociological researches as a tool for prevention
and counteraction to extremism

В статье обосновывается актуальность эмпирического и прикладного социологического анализа проблем экстремизма, а также необходимость создания системы социологического мониторинга, призванной в режиме реального времени отслеживать характер протекания проблемных ситуаций, возникающих напряжений в обществе. Автор акцентирует внимание на том, что в начале XXI века приоритетной стратегией становится опора на результаты эмпирических и прикладных исследований, лежащих в основу принятия управленческих решений.

Ключевые слова: трансформирующееся общество, риск, дезорганизация, экстремизм, девиация, дисфункция, практическая социология.

In article relevance of the empirical and application-oriented sociological analysis of problems of extremism, and also need of creation of system of sociological monitoring urged to trace nature of course of problem situations, originating tension of social system in the mode of real time. The author focuses the attention that, in beginning of the 21st century the support on results of the empirical and applied researches forming the basis of acceptance of administrative decisions becomes advantageous strategy.

Keywords: transformed society, risk, disorganization, extremism, deviation, dysfunction, practical sociology.

Современное российское общество подвержено воздействию ряда негативных внешних факторов, потенциально способных ухудшить социально-экономическое и социально-политическое положение России, привести к массовым выступлениям людей, критическому росту негативной социальной активности. В связи с социально-экономической напряженностью продуцируются и внутренние риски. Страны так называемой «Большой семерки» и их союзники, вводя санкции против России, усиливая экономическое и политическое давление, инспирируя различные международные суды и трибуналы против нашей страны (например, по делу нефтяной компании «Юкос»), стремятся посредством ухудшения жизни народа, падения промышленного производства, роста безработицы добиться смены политической власти. Очевидно, что значительный размер территории РФ, серьезная удаленность ряда субъектов от центра, существенная дифференциация регионов по социаль-

но-экономическому развитию могут в определенных ситуациях способствовать этому.

Современное российское общество, пребывающее в состоянии глубоких трансформаций, также характеризуется рядом проблемных аспектов, хронических социальных напряжений, оказывающих влияние на функционирование основных институтов и подсистем государства. В этой связи исследователи нередко характеризуют социум начала XXI века как общество «неопределенности и риска», детерминированное высокими скоростями социальных изменений, за которыми не успевают институциональные системы и структуры управления.

Одновременно усиливаются внутренние напряжения в российском обществе, связанные с последствиями ускоренной модернизации и интеграцией России в глобальное информационное пространство. В частности, коммуникативные риски вхождения глобальной компьютерной сети Интернет в социаль-

---

ную жизнь стали предметом исследований Е. М. Куликова. Автор обращает внимание на опасность виртуализации традиционных коммуникативных феноменов (слухов, слухов и т. п.) в контексте глобализации и информатизации российского общества [5].

Развитие информационных, телекоммуникационных и компьютерных технологий, с одной стороны, создает практически безграничные возможности для общения, бизнеса, образования, с другой стороны, это генерирует дополнительные угрозы и риски, так как виртуализируются и стремительно распространяются негативные эффекты и явления, одним из которых выступает молодежный экстремизм. Е. О. Кубякин, анализируя особенности модификации классического облика молодежного экстремизма в условиях современного общества, обращает внимание на двойственную роль информационно-компьютерных и телекоммуникационных технологий (как конструктивную, так и деструктивную) [4].

В последние годы ситуация серьезно осложнилась вследствие проникновения международных экстремистских движений и групп в пространство Интернета. В результате в России и за рубежом произошло несколько знаменательных событий, которые показали, что молодежь в различных странах уязвима перед интернет-воздействием экстремистского характера. Экстремизм сегодня приобретает глобальные масштабы, посредством современных информационно-коммуникационных технологий его идеи транслируются по всему миру, в том числе и в России.

С точки зрения Н. Е. Макарова, экстремизм – это процесс борьбы за власть субъектов социальных отношений в политической, национальной, экономической и иных сферах общественной жизни, использующих для достижения своих целей радикальные (агрессивные) способы и формы [6, с. 15].

По мнению Л. М. Дробизевой и Э. А. Паина, в последнее время распространены попытки напрямую увязать экстремизм с такими проблемами, как рост бедности, социальное неблагополучие, низкий культурный уровень некоторых социальных, этнических и религиозных групп. Однако ни исторические примеры, ни современные исследования не подтверждают эту гипотезу. Вместе с тем проявления экстремизма и терроризма хорошо видны в обществах, вступивших на путь трансформаций, и концентрируются в маргинальных слоях социу-

ма, характеризующихся сочетанием традиционных и новых черт культуры, неполным изменением статуса и условий жизни [2].

А. Ф. Истомин и Д. А. Лопаткин полагают, что действия определенных политических сил и социальных групп приводят к возникновению экстремизма, который направлен на распространение посредством насильственных методов особых взглядов на политический и социально-экономический строй государства [3].

Следует отметить, что экстремизм является важнейшей проблемой современного социума, для плодотворного и глубокого исследования которого необходима консолидация многих научных дисциплин, в том числе социологических, философских, психологических, историко-правовых. Стремительные социальные перемены в начале XXI века существенно затрудняют адекватную научную рефлексию проблемной ситуации. В еще более сложном положении находится практика социального управления, которая не получает в должном объеме научно-теоретической и эмпирической информации о проблеме молодежного экстремизма, ее динамике и т. п.

В настоящее время все большую остроту приобретают процессы распространения информационного экстремизма. Социальные и экономические проблемы создают благодатную почву для зарождения межэтнического и этнополитического экстремизма в социуме, когда в неокрепшие умы молодых людей экстремистами внедряются негативные этнические и политические стереотипы, мифы, ценности, установки. Интернет-сообщество представляет собой стихийно или целенаправленно сложившуюся систему постоянных пользователей-соавторов интернет-ресурса, которые осуществляют информационный обмен на установленную тематику, ведущийся на основе ранее принятых правил, запретов и санкций к нарушителям, служащий целям поддержания и развития ресурса [1].

Информационные технологии и развитие социальных сетей определяют особую значимость экстремизма и межнациональной напряженности. Происходит коммуникация экстремистских установок через Интернет, что приводит к трансформации данных явлений из идеологического континуума в социальные практики. Это обуславливает рост конфликтного потенциала в социуме. Зачастую вектор экстремального воздействия направлен на наиболее незащищенную в морально-психологиче-

ском плане социально-демографическую группу – молодежь. На данные процессы оказывают влияние такие негативные факторы, как недостаточный уровень эффективности молодежной политики государства, низкая степень развития системы военно-патриотического воспитания молодежи, вестернизация массовой культуры через СМИ и Интернет, несущая в общество деформированные ценности насилия, жестокости и межнациональной розни. Социально-экономические проблемы, криминализация полиэтнического социума, выраженная в формировании группировок по национальному признаку и росте этнической преступности, нарушение работодателями трудового и миграционного законодательства, рост количества мигрантов, особенно в крупных городах России, – все это также обуславливает возникновение процессов межэтнической напряженности и этнополитических конфликтов, приводящих к распространению информационного и политического экстремизма в молодежной среде.

В настоящее время в информационном пространстве сети Интернет функционирует большое число радикальных организаций и пользователей, что вызывает необходимость разработки мер по обеспечению национальной безопасности и противодействию экстремистской деятельности. Данные процессы актуальны и для современной России. Однако в научном информационном поле преобладает в основном теоретическая, а не практическая информация.

В этой связи актуальность эмпирического и прикладного социологического анализа проблем экстремизма на сегодняшний день не вызывает сомнений. Экстремизм представляет собой системную социальную проблему как для российского общества в целом, так и для отдельных субъектов РФ. Весьма специфическая ситуация в 2000-е годы сложилась на Юге России, в частности в Ставропольском и Краснодарском краях, где компактно проживают люди различных национальностей, а сами регионы носят характер полиэтнических. Учитывая тот факт, что между этносами имеются весьма существенные различия (ментальные, ценностные, религиозные, жизненно-стилевые и другие), в условиях тесного взаимодействия это во многих случаях приводит к росту напряженности. Особенно опасна не явная, а скрытая, латентная, напряженность, не характеризующаяся хорошо различимыми индикатора-

ми. Зачастую представители управленческих структур просто упускают проблемы из виду, не придают им значение. При этом глубокие, систематические практически ориентированные социологические исследования также не проводятся, а в принимаемых решениях высока доля субъективизма, порой присутствует и волонтаризм.

Становится очевидным, что в нынешних условиях трансформирующегося российского общества, подверженного различным рискам и напряжениям, необходима модернизация системы управления субъектами РФ, которая бы позволила повысить восприимчивость системы к угрозам стихийного недовольства людей вследствие неудовлетворительной работы властных структур, потенциальным провокациям на деструктивные протестные действия в социальных сетях, распространению тревожных, панических слухов, дезинформации, антисоциальной агитации. Все вышперечисленное прямо или косвенно влияет на развитие экстремизма, создавая для него благоприятные условия. Субъектам принятия управленческих решений необходима не только система постоянного мониторинга настроений и мнений людей (особенно молодежи, отличающейся повышенной эмоциональностью, иррациональностью), но и объективный неангажированный сравнительный анализ деятельности глав районов, административных структур системных, годами не решаемых проблем, открытых злоупотреблений и фактов неумения либо нежелания работать с населением. Как показывает исследование истории возникновения массовых беспорядков на почве межэтнической неприязни в различных регионах РФ, где активную роль сыграла молодежь, управленческие структуры и правоохранительные органы зачастую упускали инициативу, не реагировали оперативно и адекватно на нарастающие проблемы в межэтнических взаимоотношениях, предоставляли поводы для обвинений в коррупции, злоупотреблениях служебным положением. Учитывая тот факт, что современное общество – это, прежде всего, общество Интернета, информационно-компьютерных технологий, не удивительным выглядит быстрое распространение экстремистских призывов к межэтническому насилию, активное вовлечение молодежи в массовые беспорядки. По достаточно схожему алгоритму развивались события в Кондопоге (2006 год), Москве (Манежная площадь, 2010 год и Бирюле-

во, 2013 год), Пугачеве (2013 год). Этот список резонансных межэтнических столкновений можно продолжать.

Сложившиеся условия диктуют необходимость перестройки работы и внутреннего взаимодействия системы государственного управления, администраций различных уровней, правоохранительных органов, журналистов, ученых.

В современном российском обществе особую актуальность приобретает система социологического мониторинга, призванная в режиме реального времени отслеживать характер протекания проблемных ситуаций, возникающих «напряжений» в социальной системе.

Возможности современной социологии позволяют (в случае правильной организации работы) непрерывно обновлять информацию «с мест», зачастую недоступную непосвященному человеку. Социология имеет возможность получать как прямые, так и косвенные данные о существующих проблемах, злоупотреблени-

ях, фактах потенциального нарушения законов, прямо или косвенно способствующих генезису и развитию экстремизма. Совмещая результаты опросов населения с анализом документальных источников, ресурсов Интернета, наблюдая, проводя экспериментальный анализ, социологи предоставляют возможность сравнивать данные официальной статистики, ведомственных отчетов с объективными результатами анализа, в том числе проведенного тайно.

В этой связи стоит лишь сожалеть о том, что пока не в полной мере востребован существенный потенциал эмпирических и прикладных социологических исследований, способных оптимизировать решение проблемы экстремизма, предложив новые, неординарные пути и способы урегулирования острой ситуации. В настоящее время в силу сложившихся субъективных и объективных факторов проблема экстремизма выглядит достаточно многогранной и не может быть решена имеющимися научными и управленческими средствами.

Литература

1. Белобородов С. Г. Формирование интернет-сообществ как способ самоорганизации и влияния на власть // Гуманитарные технологии и политический процесс в России. СПб., 2001.

2. Дробижева Л. М., Паин Э. А. Политический экстремизм и терроризм: социальные корни проблемы. URL: <http://www.tolerance.ru/vek-tol/5-0-drobigeva.html>.

3. Истомин А. Ф., Лопаткин Д. А. К вопросу об экстремизме // Современное право. Новое в российском законодательстве: обзоры, комментарии, практика. 2005. № 7.

4. Кубякин Е. О. Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни: дис. ... д-ра социол. наук. Краснодар, 2012.

5. Куликов Е. М. Слухи как элемент сетевой коммуникации в интернет-пространстве современной России: дис. ... д-ра социол. наук. Краснодар, 2014.

6. Макаров Н. Е. Политический экстремизм как радикальная модель политического процесса и организация государственного противодействия экстремизму: дис. ... канд. пед. наук. Чита, 2006.

Bibliography

1. Beloborodov S. G. Forming of Internet communities as a method of self-organization and influence on the power// Humanitarian technologies and political process in Russia. St. Petersburg, 2001.

2. Drobizheva L. M., Paine E. A. Political extremism and terrorism: social roots of a problem. URL: <http://www.tolerance.ru/vek-tol/5-0-drobigeva.html>.

3. Istomin A. F., Lopatkin D. A. To a question of extremism // Modern right. New in the Russian legislation: reviews, comments, practice. 2005. № 7.

4. Kubyakin E. O. Youth extremism in the conditions of globalization of the information and communication environment of public life: dis. ... doctor of sociology. Krasnodar, 2012.

5. Kulikov E. M. Rumors as an element of network communication in Internet space of modern Russia: dis. ... doctor of sociology. Krasnodar, 2014.

6. Makarov N. E. Political extremism as radical model of political process and organization of the state counteraction to extremism: dis. ... doctor of pedagogics. Chita, 2006.

Палухина Елена Сергеевна
Palukhina Elena Sergeevna

преподаватель кафедры теории и истории государства и права Ростовского юридического института
МВД России кандидат юридических наук.

Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Law.

E-mail: gygasari@yandex.ru

**ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА НАЦИОНАЛЬНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ
В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ РОССИИ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА**

**Evolution of views on national security in the political and legal thought of Russia
in the late XIX – early XX century**

В статье исследуются направления политико-правовой мысли России в области формирования концепции национальной безопасности в конце XIX – начале XX века. Автор выдвигает и обосновывает тезис о том, что в качестве основных объектов обеспечения национальной безопасности Российской империи выступали православие, самодержавие и народность. В статье исследуются причины того, почему сторонники официальной концепции национальной безопасности оказались неспособными к активной борьбе с материалистическими представлениями о природе государственной власти и личности правителя.

Ключевые слова: национальная безопасность, Российская империя, православие, самодержавие, народность.

The article examines directions of politiko-legal thought of Russia in the formation of the concept of national security in the late XIX – early XX centuries. The author puts forward and substantiates the thesis that the main objects of the system of ensuring national security of the Russian Empire in the period under review are Orthodoxy, Autocracy and Nationality. The article examines the reasons why supporters of the official concept of national security has been unable to actively fight against materialistic conceptions of the nature of state power and personality of the ruler.

Keywords: national security, Russian Empire, Orthodoxy, autocracy, nationality.

В конце XIX века центральным звеном всей системы обеспечения национальной безопасности являлось самодержавие. При таком подходе необходимость в обеспечении личной и общественной безопасности рассматривалась в качестве фактора, который «вызывает к жизни государство, в этой необходимости государство находит главнейшее разъяснение своего существования, она же указывает государству основную его цель и назначение. Для достижения этой цели государство облечается принудительной властью, на основании которой оно проводит границу между дозволенным и недозволенным, требует от частных лиц воздержания от известных действий и соблюдения известных правил; свои требования оно выражает в форме законов, а за ослушание этим требованиям налагает наказания» [15, с. 304].

Начало правления Николая II можно считать кульминацией антиконституционной кампании: вступивший на престол император решил охранять начала самодержавия так же твердо, как и его отец.

В этой связи в начале XX века внимание политиков, историков, публицистов снова было обращено на «уваровскую триаду». Значение православия, самодержавия, народности уточняется и дополняется.

Так, теоретик неославянофильства эстляндский барон М. Ф. Таубе предложил такую их трактовку: церковная соборность, мыслимая как церковно-общественный союз, сплоченный любовью и основанный на исповедании догматов истинного православия; кесарское государственное устройство, единственное благословенное Богом; общинный семей-

ный быт, единственный природный, не искаженный насилием, и патриархальный строй с прародительским складом [13, с. 4–7]. При этом суть их теперь сводится к следующему: «От Бога – совесть, от царя – власть, от народа – мнение». Таубе верил в провиденциальное назначение России: «Превосходство народно-русской политической жизни и русской государственной правды должно повлиять впоследствии на всю жизнь всех остальных государств всей земли» [13, с. 6].

В его трудах триада получила не только новое направление развития, но и интересное выражение: церковь, престол и народ; вера, царь и отечество; соборность, свободовластие и народоуправление.

Генерал А. А. Киреев, публицист славянофильского направления, предложил свое истолкование элементов триады. Под православием он понимал нравственную основу народной жизни, предполагающую полную духовную свободу и опирающуюся на авторитет православной церкви. Самодержавие мыслилось им как выражение политических воззрений русского народа, «одна воля и много умов». А народность означала выработанный в процессе исторического развития своеобразный человеческий тип, достигший полного политического самосознания, не мыслимый вне лона православной церкви и органически связанный с самодержавием [11, с. 8].

Известный русский ученый-монархист А. С. Вязигин, раскрывая суть руководящих идей, положенных в основу царственного служения России, «главным из вековых устоев исторической жизни нашей Родины» называет православие, вторым – самодержавие, понимаемое им как «идеальная форма чисто нравственных уз, соединяющих в одно целое царя и вверенные Богом его заботам народы», третьим – народность, проявляющуюся в «общественной самодеятельности» [2, с. 165–168].

При незначительных внешних расхождениях можно уловить один общий признак: в этот период в понятие народности было внесено положение о праве и обязанности народа на открытое выражение самодержавию своего мнения, чаяний и интересов, на совет и действительную ему помощь. Такая трактовка предполагала утверждение сословного представительства и вытекающего из него непосред-

ственного общения царя с делегатами всех классов и слоев населения, а равно предоставление гражданам «разумных прав и свобод».

«Разумеется, по понятиям русского народа, во главе Российского государства непременно должен стоять помазанник Божий, законный, самодержавный государь, царь как олицетворение всего могущественного, справедливое и истинное. Государством управляет государево правительство при самом деятельном участии выборных представителей со всей земли Русской из простого народа и образованных людей, причем простой народ сближает себя с верховной властью и с правительством, заявляет о своих нуждах и пр., образованные же люди служат народному делу своими специальными сведениями и просвещенными советами, а те и другие – своими здравыми суждениями в народном духе» [7, с. 47].

Один из руководителей и идеологов черносотенного движения Казанской губернии профессор В. Ф. Залеский отмечал, что «народ в русском самодержавии не устраняется от дел государственного строительства... Участие свое в этой области русский свободный народ проявляет не в форме юридически для монарха обязательных постановлений парламентского большинства, а в виде имеющего лишь нравственную обязательную силу мнения лучших людей Русской земли. Вместо западноевропейской юридической связи между монархом и народом, вместо юридического взаимного ограничения друг другом их власти в русском самодержавии мнение народа имеет лишь нравственно обязательную силу, но зато и народ повинует власти неограниченного монарха “не токмо за страх, но и за совесть”, то есть по побуждениям нравственного порядка. Западноевропейское парламентское государство ученые называют правовым государством. Русское же самодержавное государство я назову религиозно-нравственным...» [4, с. 1].

Для П. И. Новгородцева принцип народного представительства «состоит вовсе не в том, чтобы народ фактически все решал и делал сам, и даже не в том, чтобы он за всем фактически надзирал – это оказывается неисполнимым и невозможным, а только в том, чтобы юридически все от него исходило, чтобы, не будучи законодателем фактически, он все же

был, согласно известному выражению, тем недремлющим законодателем, за которым сохраняется юридический суверенитет и юридическая возможность проявить свое верховное право через органы своей воли» [8, с. 115].

С. Л. Франк, отстаивая принцип единовластия, при котором парламент будет фактически контролироваться монархом, тем не менее видит необходимость сотрудничества «монарха как представителя традиционного национального единства» с «общественным мнением, с волей общества в лице его свободно избранных представителей» [14, с. 395].

Таким образом обосновывался тезис о том, что национальная безопасность России неразрывно связана с возрождением национального, исторического земско-самодержавного строя, при котором народ, обязанный повиноваться царю, имеет право высказывать свое мнение, с которым государь должен считаться.

Аналогичную мысль еще в 1880 году высказывал А. Д. Градовский: «Развитие земского начала в нашем управлении будет наилучшим средством образовать ту разумную и нравственную силу, о которую разобьются все попытки насильственных переделок нашей родины по каким бы то ни было “шаблонам” и особенно по шаблону социальной демократии» [3, с. 433].

«Наш русский народ обладает большою умственную силою, своеобразною большою нравственную стойкостью и выдержкою», но, чтобы эти народные силы можно было направить на общее благо и счастье, необходимо «руководство просвещенной личности, безукоризненной в нравственном отношении и преданной идее монархизма» [12, с. 7].

Между тем необходимо понимать, что конструктивная и положительная роль народного представительства возможна только в том случае, если делегаты от народа не стремятся стать в государстве господствующей силой, захватить власть. Такая опасность парируется, с одной стороны, вручением верховной власти царю, который выражает дух народа и заботится о его интересах, а с другой – уклонением самого народа от управления государством, что подтверждается выборами в Государственную Думу. В этой связи Государственная Дума, «имеющая законодательный почин, не должна и помышлять о расширении своих

прав для ограничения самодержавия, а свято исполнять задачу наилучшего осведомления законодателя о действительных нуждах народа» [9, с. 9].

Устранение же народа от участия в государственном управлении влечет за собой разобщение царя и граждан, ослабление национальных сил и государственной власти, что приводит к упадку русской государственности. Наглядным примером этого стала Революция 1905 года.

Манифесты от 6 августа и 17 октября 1905 года, а также 20 февраля 1906 года, призывавшие общество к участию в государственных делах, позволившие ему отныне влиять на цели и направления государственной жизни, способствовали, с одной стороны, формированию политического самосознания народа, а с другой – вызвали к жизни идеи солидарности общества и государства. Таким образом, государство обрело в народном представительстве влиятельную поддержку, поскольку отныне люди начали проявлять непосредственную заинтересованность в государственном бытии.

Так, ведущей в официальной политико-правовой мысли России становится идея построения правового конституционного государства с парламентом и «набором» демократических свобод при сохранении монархии, ибо только с помощью сильной государственной власти, способной противостоять охлократии и антилегализму, можно было реализовать идеал народовластия.

Между тем, продолжая рассматривать государство в качестве гаранта безопасности личности и общества, либеральные теоретики концепции национальной безопасности указывали на такую черту современной им политической действительности, как смещение центра тяжести с общественной гармонии на личную свободу, поскольку каждый человек, независимо от своих личных достоинств, в равной мере является высшей ценностью.

Исходя из этого постулата возникает важнейший по значимости вопрос: если, с одной стороны, права и свободы личности являются высшей ценностью, а с другой – только государство выступает гарантом их безопасности и защиты, что же может помешать государству использовать человека в качестве средства в решении своих проблем?

«Из истории человечества видно, что ни церковь, ни государство без наличия определенного устроения в обществе, прежде всего в элите, не являлись таким гарантом. Вместе с тем та же история показывала, что другой силы, способной гарантировать свободу человека, кроме государства и той же церкви, человечество не выработало. Отсюда – жесткая критика деспотизма государства и догматизма (в совокупности с сервиллизмом) церкви, но критика конструктивная, предлагающая в итоге реформирование этих институтов, а не их ликвидацию» [5, с. 34].

Это «реформирование» должно было затронуть правовые, нравственные, религиозные основы отношений между людьми, человеком и обществом, индивидом и государством и в итоге привести к пониманию необходимости взаимного признания прав и свобод друг друга. Таким образом, формировалась новая государственная идея построения правового государства и гражданского общества, в которых взаимоотношения личности и общества, личности и государства будут регламентироваться исключительно правовыми средствами на основе единства их прав и обязанностей по отношению друг к другу. Только так возможно было достичь примирения между властью и народом, который становится нацией. Государство и нация должны органически срастись.

Основными оппонентами сторонников охранительной (консервативной) и либеральной доктрин относительно вопросов национальной безопасности России являлись сторонники социал-демократического направления. В общем виде их представления были сформулированы в программе социал-демократической группы «Освобождение труда»: «... Можно теперь уже предсказать уничтожение важнейшего из органов хронической борьбы внутри общества – именно государства как политической организации, противостоящей обществу и охраняющей главным образом интересы его господствующей части... Внося сознательность туда, где господствует ныне слепая экономическая необходимость, заменяя современное господство продукта над производителем господством производителя над продуктом, социалистическая революция упрощает и осмысливает все общественные отношения, предоставляя вместе с тем каждому гражданину ре-

альную возможность непосредственного участия в обсуждении и решении всех общественных дел. Это непосредственное участие граждан в заведовании всеми общественными делами предполагает устранение современной системы политического представительства и замену ее прямым народным законодательством» [10, с. 72].

В. И. Ленин рассматривал религию и церковь, равно как и все прочие религиозные организации, в качестве средств буржуазной реакции, служащих защите эксплуатации и одурманиванию рабочего класса [6, с. 416].

Российское общество в начале XX века было уже достаточно секуляризовано, и концепция, базирующаяся на «уваровских постулатах», оказалась несостоятельной в борьбе с материалистическими представлениями о природе государственной власти и личности правителя. Профессор В. И. Никольский в начале XX века отметил такие черты современного ему русского общества, как ослабление религиозности, стремлений к идеальному, веры в Бога, искание Его царствия на земле, падение нравственных начал, преобладание стяжательства, эгоизма, разрозненности, вздорности, человеконенавистничества. «Говорят ныне очень много о “правах” и очень мало об “обязанностях” к ближним» [7, с. 7].

Со временем концепция утратила популярность в обществе, и одной из причин ее краха является деятельность черносотенных организаций, отстаивавших принципы православия, самодержавия и народности посредством проведения погромов и революционного террора. Для лидеров крайне правых организаций русская народность являлась державной народностью, что порождало ярый национализм и требовало введения ограничительных законов для инородцев и иноверцев. Если в период подъема революционного движения накануне первой Русской революции правительство нуждалось в поддержке крайне правых организаций и было вынуждено считаться с их мнением, то после такая необходимость отпала. Изменение правительственного курса видно по той травле, которой подверглись черносотенцы: их обвинили в организации еврейских погромов, политических убийствах, финансовых махинациях и попытке развязывать гражданскую войну на национальной почве. И хотя правительство

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

тщательно старалось отмежеваться от деятельности «Черной сотни», избивавшей либералов и революционно настроенную интеллигенцию, любые резкие заявления в защиту самодержавия рассматривались современниками в качестве доказательства причастности их авторов к этому антиобщественному делу.

Попытки сторонников самодержавной монархии, православной церкви и русской народности, этой «твердой скрепке Русского государства», добиться единства действий, преодо-

леть старые и предотвратить новые разногласия остались безрезультатными. «Великий переворот, совершившийся в русской жизни, тяжело ударил по этой “скрепке”, и огромные последствия этого удара будут отзываться на всей дальнейшей исторической судьбе России» [1, с. 511]. Сторонники официальной концепции национальной безопасности оказались неспособными к активной борьбе за спасение гибнущего самодержавного строя.

Литература

1. Бердяев Н. А. Падение священного русского царства // Падение священного русского царства: публицистика. 1914–1922. М., 2007.
2. Вязигин А. С. Православие – самодержавие – народность // Манифест созидательного национализма / сост. и комм. А. Каплина и А. Степанова; отв. ред. О. Платонов. М., 2008.
3. Градовский А. Д. Реформы и народность // Трудные годы (1876–1880): очерки и опыты. М., 2007.
4. Залеский В. Ф. Казань, 29 ноября // Черносотенец. 1906. № 1.
5. Кисельникова Т. В. Общественно-политическая мысль в России в конце XIX – начале XX века: идеи либерального социализма. Томск, 2010.
6. Ленин В. И. Об отношении рабочей партии к религии // Полное собрание сочинений: в 55 т. 5-е изд. М., 1968. Т. 17.
7. Никольский В. И. О русском национальном самосознании: очерк. СПб., 1907.
8. Новгородцев П. И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М., 1996.
9. Русское самодержавие и Манифест 17 октября 1905 года. СПб., 1906.
10. Плеханов Г. В. Программа социал-демократической группы «Освобождение труда» // Избранные философские произведения: в 5 т. М., 1956. Т. 1.
11. Православие, самодержавие, народность (из речи генерала А. А. Киреева). СПб., 1895.
12. Сигаев А. Монархическая идея и современная действительность. Одесса, 1914.

Bibliography

1. Berdyaev N. A. The fall of the Holy Russian Empire // The fall of the Holy Russian Empire: essays. 1914–1922. Moscow, 2007.
2. Vyazigin A. S. Orthodoxy – Autocracy – Nation // Manifest creative nationalism / comp. and comm. A. Caplin and A. Stepanova; ed. edited by O. Platonov. Moscow, 2008.
3. Gradovsky A. D. Reform and nation / by A. D. Gradovsky. Difficult years (1876–1880): essays and experiments. Moscow, 2007.
4. Zalesky V. F. Kazan, November 29 // The black Hundreds. 1906. № 1.
5. Kiselnikova T. V. Socio-political thought in Russia in the late XIX – early XX century: the idea of liberal socialism. Tomsk, 2010.
6. Lenin V. I. About the attitude of the workers party to religion // Complete works: in 55 vols. 5th edition. Moscow, 1968. Vol. 17.
7. Nikolsky V. I. Russian national identity: the essay. St. Petersburg, 1907.
8. Novgorodtsev P. I. Introduction to the philosophy of law. Crisis of modern sense of justice. Moscow, 1996.
9. Russian Autocracy and the Manifesto of October 17, 1905. St. Petersburg, 1906.
10. Plekhanov G. V. The Program of the social-democratic group «Emancipation of labour» // Selected philosophical works: in 5 vols. Moscow, 1956. Vol. 1.
11. Orthodoxy, autocracy, nationality (from the speech of General A. A. Kireev). St. Petersburg, 1895.
12. Sigaev A. The Monarchical idea and modern reality. Odessa, 1914.
13. Taube M. F. A Trinity, as the Foundation of catholicity and spirituality // Proceedings of the brotherhood. 1910. № 1.

---

13. Таубе М. Ф. Триединство как основа соборности и духовности // Труды братства. 1910. № 1.

14. Франк С. Л. Духовные основы общества. Введение в социальную философию // Русское зарубежье: сборник. Л., 1991.

15. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона / под ред. проф. И. Е. Андреевского: в 86 т. СПб., 1891. Т. 3.

14. Frank S. L. Spiritual foundations of society. Introduction to social philosophy // Russian abroad: a collection. Leningrad, 1991.

15. Encyclopedic dictionary of F. A. Brockhaus and I. A. Efron / under the ed. of professor I. E. Andreevsky: in 86 vols. St. Petersburg, 1891. Vol. 3.

**Буткевич Сергей Анатольевич
Butkevich Sergey Anatolyevich**

заместитель начальника Крымского филиала Краснодарского университета МВД России по учебной и научной работе кандидат юридических наук.

Deputy Head of Crimean Branch of the Krasnodar University of Law Ministry of Internal Affairs of Russian Federation for Educational and Scientific Work, PhD in Law.
E-mail: butkevich-sa@mail.ru

**Коноплева Анна Алексеевна
Konopleva Anna Alexeevna**

доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России кандидат философских наук.

Associate Professor of the Department of Humanitarian and Social-Economic Disciplines, Crimean Branch of the Krasnodar University of Law of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, PhD in Philosophy.
E-mail: konoplyova.artcrimea@gmail.com

**МОЛОДЕЖНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ СКВОЗЬ ПРИЗМУ
ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫХ ВОЗЗРЕНИЙ (КРЫМСКИЙ ВЕКТОР)
Youth extremism in the light of philosophical and legal views (crimean vector)**

В статье рассматриваются причины и условия появления молодежного экстремизма в Крымском федеральном округе, а также характеризуется его состояние в условиях современных правовых, политических и культурных трансформаций. На основании проведенного анализа предложены меры по предупреждению развития экстремистских проявлений в молодежной среде.

Ключевые слова: идеология, Крымский федеральный округ, молодежь, предупреждение, преступность, экстремизм.

This article discusses causes and conditions for emergence of youth extremism in the Crimean Federal District, and its status in contemporary legal, politic and cultural transformations is characterized. Based on analysis of this problem, preventive measures for development of extremism in youth environment are proposed.

Keywords: ideology, the Crimean Federal District, youth, prevention, crime, extremism.

Несмотря на то, что в Российской Федерации и ее субъектах проводится значительная работа по противодействию экстремизму, внешние и внутренние угрозы от деятельности террористических и экстремистских организаций для нашего многонационального, поликонфессионального и мультикультурного общества и государства не перестают быть актуальными. Вспышки радикальных проявлений, как правило, обостряются в периоды социальных трансформаций. Во многом данные процессы связаны с тем, что на фоне активизации внимания к экономической и политической сферам деятельности духовно-нравственные проблемы кажутся несущественными и потому отодвигаются на второй план.

В настоящее время в Крымском федеральном округе (далее – КФО) продолжаются ин-

теграционные процессы в общероссийское правовое и экономическое пространство, изменение менталитета крымчан, их слияние с общностью российского народа. С одной стороны, после вхождения Республики Крым и города федерального значения Севастополя в состав РФ прошло более двух лет, заменены финансовая, пенсионная системы и система социального обеспечения, введено достаточное количество инноваций, получены инвестиции и дотации, положительно отразившиеся на развитии инфраструктуры и качестве жизни большинства крымчан. Но, с другой стороны, метаморфозы не завершены, а ведущаяся информационная война способствует формированию в обществе прослойки недовольных граждан, консолидация которых возможна под лозунгом неизбежности возвращения Крым-

ского полуострова в состав Украины и защиты якобы нарушенных (ограниченных) новыми властями прав и свобод. Данные обстоятельства могут стать причиной появления и разрастания латентных очагов социально-политической, межнациональной или межконфессиональной напряженности.

Как известно, наиболее экстремистски рискованной группой выступает молодежь, что вызвано как социально-экономическими, так и этнорелигиозными факторами. Особое беспокойство вызывает снижение общеобразовательного и общекультурного уровня несовершеннолетних, чем пользуются радикальные политические и религиозные силы экстремистской направленности. Как указано в Стратегии противодействия экстремизму в РФ до 2025 года, лидеры экстремистских организаций в своей деятельности ориентируются преимущественно на молодежь, при этом особое внимание они уделяют отличающимся высокой степенью организованности неформальным объединениям националистов, организациям футбольных болельщиков, активно вовлекая их членов в свои ряды, провоцируя на совершение преступлений экстремистской направленности, в том числе при проведении спортивных и культурных мероприятий [1].

Сегодня молодежный экстремизм представляет противоправную деятельность организованных групп физических лиц в возрасте от 14 до 25 лет, объединенных по принципу социальной, расовой, национальной, религиозной, политической или иной ненависти либо вражды. Его основными источниками являются: кризис социально-политической и экономической систем; системные недостатки школьного и семейного воспитания; культурный дефицит, деформация системы ценностей; нездоровая среда общения; превалирование досуговых ориентаций над социально полезными; отсутствие жизненных планов, перспектив и т. п. [2, с. 234–250; 3].

В России на учете правоохранительных органов состоит более 450 молодежных группировок экстремистской направленности общей численностью около 20 тыс. чел. [4]. Угрозы для общества и государства в функционировании таких группировок заключаются в совершении последними правонарушений на почве расовой, национальной ненависти, ксенофобии (исламофобии, мигрантофобии и т. п.),

шовинизма и других проявлений нетерпимости [5, с. 80–81; 6, с. 215–216; 7, с. 153–155]. Кроме того, правоохранительным органам необходимо обращать внимание на такие маркеры, как связи экстремистов с политическими партиями, террористическими организациями, другими криминальными элементами, в том числе лицами, ранее судимыми за убийства, массовые беспорядки, хулиганства, незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и устройств. Вместе с тем на фоне спекуляции идеями национального возрождения в ряде случаев понятие «толерантность» подменяется «ура-патриотизмом».

Разделяем выводы Е. С. Скребец и С. Н. Мартынока в том, что одним из приоритетных направлений борьбы с преступлениями террористической направленности и экстремистского характера является их профилактика [8, с. 419]. Особенно важно проведение данной превенции в молодежной среде как наиболее уязвимой в плане подверженности отрицательному воздействию различных асоциальных и (или) криминальных групп.

Данные опросов, проводимых в образовательных организациях КФО в 2015 году (участвовало 1 123 респондента), показали, что 21 % крымчан считают себя толерантными, а 66 % замечают культурные отличия и могут проявить индифферентность в конфликтной ситуации, что подтверждает наличие этнического релятивизма. Однако 13 % респондентов признаются в склонности к ксенофобии, а 8 % имеют этноцентрические убеждения [9, с. 63]. Для полиэтнического региона (в Крыму проживает более 120 народностей) эти показатели говорят о безразличии молодежи к противоречиям на межкультурной почве. Поэтому любые проявления экстремистского характера не имеют исторического фундамента, а обусловлены в первую очередь воздействием внешних факторов. На сегодняшний день наиболее благодатной почвой для формирования радикализма на Крымском полуострове остаются политические отношения.

Итак, исследования в данной сфере свидетельствуют о том, что негативно относятся к воссоединению Крыма с Россией преимущественно небольшие группы крымской молодежи. Это связано не только с влиянием на общественное сознание мировых и украинских

СМИ, но и соответствующей интерпретацией советского периода истории Украины. Результатом этого становится недовольство украинской и крымско-татарской символикой, что никогда не было мейнстримом в Крыму, бравада своим «инакомыслием» и, главное, поиск других форм молодежных объединений, которыми становятся радикальные националистические и религиозные организации.

По оценкам правоохранительных органов, отторжение частью крымской молодежи необходимости ассимиляции и привлекательность членства в тайной организации являются очень опасной тенденцией, которая может в долгосрочной перспективе привести к формированию экстремистских организаций сепаратистской направленности. Деструктивным фактором также выступает непринятие молодежью в качестве аргумента публикаций официальных и лояльных к государственной политике СМИ, она более восприимчива к постам в социальных сетях, блогах, на форумах и сведениям, полученным в неформальном общении с ровесниками [10].

Акцентируем внимание на том, что система предупреждения молодежного экстремизма в различных сферах жизнедеятельности общества и регионах РФ имеет свои особенности, специфические формы и методы [11; 12, с. 274–282]. Поскольку на Украине юридическая ответственность за преступления экстремистского характера отсутствовала, правоохранительными органами Крымского полуострова до 2014 года принимались меры по противодействию деструктивной деятельности так называемых неформальных радикально настроенных молодежных объединений. До конца 1990-х годов наиболее активными молодежными неформальными движениями в Крыму были националисты, скинхеды, вандалы, сектанты, готы, панки, рэперы, металлисты, эмо и другие, в 2000-х – неонацисты, неонацисты, антифашисты, активные члены фанклубов «Ультрас», футбольные хулиганы и так далее. К основным признакам таких объединений (движений) относятся: слабо выраженные организационная структура, интересы и внутренние связи; сложности выделения лидера и их классификации (экстремистские, агрессивные, социально опасные, неагрессивные, просоциальные); наличие собственной системы ценностей и модели поведения чле-

нов при отсутствии программы деятельности; активность в свободное время по инициативе небольшой группы лиц; альтернативность государственным структурам и легальным объединениям граждан; создание на добровольной основе в соответствии с субъективными потребностями ее членов; отсутствие официального статуса; выражение характера деятельности через идеологию; наличие специфических черт, присущих конкретной группе (атрибутика, символика, обряды, правила поведения, формы деятельности, стиль общения, внешний вид и другое).

Тем не менее работа правоохранительных органов по противодействию развивающемуся экстремизму, не имеющих законодательной основы, государственной поддержки, осуществлялась бессистемно, фрагментарно, не носила комплексного, планового и последовательного характера. Благодаря этому с конца 1990-х годов в различных регионах Крыма (Большая Ялта, Бахчисарайский, Белогорский, Кировский, Красногвардейский и Симферопольский районы) образуются так называемые «просветительские караваны» и летние мусульманские лагеря. В этих лагерях, помимо основ ислама, арабского языка и Корана, изучаются догмы «чистого ислама». При финансировании Турции, Саудовской Аравии, Кувейта, Пакистана и Ирана, заручившись поддержкой старейшин (аксакалов) среди крымских татар, эмиссары международных и региональных организаций экстремистской направленности, мимикрирующие под благотворительные фонды, медресе и другие неправительственные организации («Аррайд», «Ас-Сунна», «Ахрар», «Бирлик», «Зам-Зам», «Крым-2000», Международную ассоциацию исламской молодежи и другие), ведут активную идеологическую обработку молодежи. Учитывая пустующую нишу религиозного руководства среди крымских татар, во главу угла ставится организация работы с детьми. Именно поэтому главным последователем идей радикальной религиозной идеологии становится молодое поколение, которое получило возможность учиться в зарубежных теологических центрах, а также те, кто не был согласен с произошедшим переделом власти, сфер влияния, собственности и материальных ценностей.

Современный молодежный политический экстремизм активно трансформируется в самостоятельную политическую идеологию и доктрину, привлекая к себе молодых приверженцев из разных политических движений и организаций. Несмотря на то, что идейную основу данного явления составляют заимствования из ультрареволюционных доктрин и нигилистических философских и религиозных идей, молодежный политический экстремизм все определеннее конституируется как самостоятельная политическая позиция и особое мироощущение [13, с. 162]. А. С. Палазян полагает, что одной из причин его возникновения является радикализация оппозиционных сил, в том числе так называемой внесистемной оппозиции. Это связано с отсутствием целостной государственной идеологии, противоречивой национальной политикой, кризисом бюрократического аппарата [14, с. 26]. Тем не менее представляется целесообразным согласиться с выводами Е. Н. Гречкиной, которая при рассмотрении спектра молодежного политического экстремизма (левого и правого) обращает внимание на недооценку религиозного фактора, что грозит не только террористическими актами в отдельных странах, но и представляет опасность для всего мирового сообщества. При этом в рамках исламского фактора могут выступать криминальные структуры, различные политические силы, в том числе националистические, не имеющие ничего общего с истинным исламом [13, с. 159].

Краткий экскурс в историю данной проблемы свидетельствует о том, что в свое время интеграция крымских татар в единое общество так и не была завершена Украиной, руководство которой в разные годы использовало их в качестве противовеса пророссийскому движению в Крыму. Платой за это становились различные преференции руководству Меджлиса и фактически введение «двойных стандартов» в отношении крымско-татарского и славянского населения Крыма как при получении государственной поддержки, так и в вопросе ответственности за совершенные правонарушения [10]. Такая политика государства и заигрывание с руководством Меджлиса в результате привели к формированию у крымско-татарского народа феномена «незаслуженно пострадавшего» и «получившего

недостаточную компенсацию», выразившегося в политизации процесса документирования правонарушений, совершаемых представителями крымско-татарского этноса, а также разжиганию «крымско-татарской карты» при самовольных захватах земельных участков, причем даже среди тех, кто родился в Крыму уже после 1980-х годов и с исторической родины не изгонялся.

Наряду с этим крымский молодежный политический экстремизм тесно связан с религиозным фактором. Не секрет, что определенная часть международных и иностранных некоммерческих организаций претендует на роль судей в вопросах мировоззрения всего общества и государственной политики. Как следствие, в местах компактного проживания лиц, подверженных идеям радикальной религиозной идеологии, действующее законодательство и решения муниципалитетов становятся вторичными, а приоритетными – решения лидера местной общины или религиозного авторитета. Однако с марта 2014 года законодательство РФ и превентивная деятельность правоохранительных органов позволили свести к минимуму активность иностранных агентов в КФО. Поэтому крымский экстремизм стал глубоко латентным, а его идеологи и организаторы продолжили разжигать отдельные очаги напряженности за пределами Крымского полуострова, используя националистические батальоны крымских татар и радикальных сторонников евроинтеграции Украины, организовав его продовольственную, транспортную, энергетическую и морскую блокаду.

Учитывая изложенное выше, считаем, что система мер по предупреждению молодежного религиозного экстремизма должна включать:

- активное использование потенциала лояльных к органам публичной власти религий с целью проповедования принципов нетерпимости к сектантству и радикализации основных вероучений, привития уважения к представителям иных мировых религий и категорического запрета проявлений самосуда в отношении различных конфессиональных или этнических групп;

- использование влияния духовных авторитетов, лояльных к государственной идеологии, для формирования общественного мнения, нетерпимого к проведению на террито-

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

рии проживания толерантных религиозных общин каких-либо мероприятий организациям экстремистской направленности;

– патриотическое воспитание молодежи на основе единых для всех исторических примеров с одновременным привитием рационального взгляда на историю возникновения и формирования религиозного мировоззрения;

– с одной стороны, координируемое информационное противодействие экстремистской идеологии с целью дискредитации лидеров экстремистских, радикально-религиозных и ультранационалистических организаций, с другой – оказание всемерной поддержки СМИ в распространении информации, адресованной детям и молодежи, направленной на воспитание у них толерантности и патриотизма;

– установление единых образовательных стандартов для системы религиозных образовательных организаций, военно-патриотических и оборонно-спортивных с целью разработки и использования учебных программ, исключающих радикализацию религии (умышленное искажение истинных религиозных канонов), привитие экстремистской идеологии, вербовку обучающихся в националистические и религиозно-экстремистские организации;

– привлечение общепризнанных духовных авторитетов и ученых-религиоведов, нетерпимых к экстремистской идеологии, к изучению программ, форм и методов обучения в религиозных образовательных организациях, прежде всего финансируемых иностранными гражданами и привлекающих для проведения занятий лиц, в отношении которых имеется информация о принадлежности к экстремистской организации.

Необходимость принятия таких мер наглядно иллюстрируют данные исследования. По результатам опроса, лишь 6,9 % молодежи Крыма считает, что хорошо знают культурные и религиозные особенности соседних с ними народов, 77,5 % ответили, что владеют информацией лишь на бытовом уровне, 8,1 % практически не осведомлены о традициях других культур, а 7,5 % отметили, что никогда не интересовались другой культурой [9]. На наш взгляд, повышение уровня компетентности в области культурных особенностей народов, населяющих Крым-

ский полуостров, позволит снизить количество конфликтов на межнациональной почве.

В целом 63 % респондентов никогда не принимали участие в межнациональных конфликтах, 16,9 % если и участвовали в них, то лишь в качестве примиряющей стороны, 16,2 % были непосредственно вовлечены в конфликт, и лишь 3,9 % опрошенных отметили, что сами инициировали конфликтную ситуацию. Приведенные данные подчеркивают неготовность молодежи противостоять экстремистской идеологии. В связи с этим необходимо проведение профилактики и информирования граждан о вероятности и опасности экстремистской угрозы с целью воспитания наблюдательности и формирования повышенного внимания к данной проблеме у населения [9].

В свою очередь, А. А. Затолокин считает, что проблеме экстремизма в молодежной среде можно решить несколькими способами: путем выработки общегосударственной молодежной политики; вовлечения молодежи в решение важнейших государственных задач; ее трудоустройства; развития творческого потенциала молодых людей; вовлечения в занятия искусством и спортом; профилактики правонарушений [15, с. 189–190]. Развивая выводы данного автора, на уровне образовательных организаций, где преимущественно и происходит формирование личности, основными направлениями реализации целевых программ по предупреждению молодежного экстремизма могут быть:

1) организационные мероприятия – совершенствование взаимодействия административных, учебно-воспитательных подразделений, органов студенческого самоуправления и так далее;

2) аналитическая и научно-методическая работа – проведение социологических исследований состояния межнациональных и межконфессиональных отношений между студентами, организация научно-представительских мероприятий по данной проблематике; разработка лекций и методических рекомендаций по вопросам профилактики терроризма и экстремизма, формирование у обучающихся толерантности, навыков критического анализа происходящих общественных процессов, стойкого неприятия деструктивной идеологии;

3) организация антитеррористических и антиэкстремистских мероприятий – проведение комплексных обследований общежитий, учебных корпусов и прилегающих к ним территорий в целях проверки их антитеррористической защищенности и пожарной безопасности; оснащение зданий и сооружений техническими средствами охраны и системами видеонаблюдения, средствами антитеррористической защиты; превенция участия обучающихся в организациях, неформальных движениях, осуществляющих антиобщественную деятельность;

4) образовательно-воспитательные, культурно-массовые и спортивные мероприятия: взаимодействие с руководителями национальных общественных объединений и лидерами этнических диаспор в целях обеспечения межнационального и межконфессионального согласия, вовлечение молодежи в клубные и внеучебные, спортивные секции, кружки и другие объединения по интересам; организация содержательного досуга молодежи, включая экскурсионно-туристическую деятельность для углубления знаний о регионе и его народах, сохранения и пропаганды историко-культурного наследия страны; формирование патриотизма, гражданственности, нравственности, базирующихся на основополагающих морально-нравственных и культурных ценностях; обеспечение адаптации и социализации детей из семей мигрантов;

5) информационное противодействие идеологии экстремизма – размещение в местах массового пребывания обучающихся наружной социальной рекламы, оформление тематических стендов и витрин, недопущение национализма, расовой и религиозной нетерпимости, формирование у обучающихся навыков цивилизованного общения в интернет-пространстве и на форумах.

Таким образом, формирование у молодежи негативного отношения к экстремизму – комплексная задача, требующая совместных усилий органов публичной власти всех уровней, общественных и религиозных организаций, институтов гражданского общества и отдельных граждан. Можно с уверенностью утверждать, что крымский экстремизм имеет религиозно-политический характер с ярко выраженным национальным подтекстом.

Литература

1. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. приказом Президента РФ от 28 ноября 2014 года № 2753). URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/16/130.html>.

2. Чуносков М. А. Психолого-педагогическая профилактика экстремизма у несовершеннолетних // Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики: монография / под общ. ред. С. А. Буткевича. Симферополь, 2015.

3. Царева Е. С. Социально-психологические технологии обеспечения системы ресоциализации личности в посткризисные периоды жизни // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 2 (57).

4. Целевая программа «Профилактика экстремизма, терроризма и национализма в Чувашском государственном университете им. И. Н. Ульянова на 2016–2020 годы». Чебоксары, 2015.

Bibliography

1. Strategy for counteracting extremism in the Russian Federation up to 2025 (approved by the President of the Russian Federation Pr-2753, dated November 28, 2014). URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/16/130.html>.

2. Chunosov M. A. Psychological-pedagogical prevention of extremism among juveniles // Counteraction to extremism and terrorism in Crimean Federal District: problems of theory and practice: monograph / under gen. edit. S. A. Butkevich. Simferopol, 2015.

3. Tsaryova E. S. Social-psychological technologies of provision for re-socialization system of person during post-crisis life periods // World of science, culture, education. 2016. № 2 (57).

4. Purpose program «Prevention of extremism, terrorism and nationalism in Chuvash state university after I. N. Yulyanov for 2016–2020 years». Cheboksary, 2015.

5. Chudina-Shmidt N. V. Social dialogue as a mechanism to overcome extreme behavior // Innovative science. 2016. № 4–4.

5. Чудина-Шмидт Н. В. Социальный диалог как механизм преодоления экстремально-го поведения // *Инновационная наука*. 2016. № 4–4.
6. Никитина Л. Н. Формирование толерантности как способ профилактики экстремизма в молодежной среде // *Символ науки*. 2015. № 11–2.
7. Коршунова И. Г. К вопросу об определении термина «экстремизм» // *Символ науки*. 2016. № 5–3 (17).
8. Скребец Е. С., Мартынюк С. Н. Административная деятельность полиции в сфере противодействия экстремизму: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы административной деятельности полиции». Краснодар, 2015.
9. Коношлева А. А. Влияние межкультурных конфликтов на развитие экстремистских проявлений в Республике Крым // *Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции*. Симферополь, 2015.
10. Информация ГУПЭ МВД России от 06 марта 2015 года № 30/903. М., 2015.
11. Веремьев А. С. Роль спорта в развитии толерантности // *Вестник Краснодарского университета МВД России*. 2015. № 2 (28).
12. Пестрецов М. А. Особенности проявления молодежного экстремизма и меры противодействия // *Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики: монография / под общ. ред. С. А. Буткевича*. Симферополь, 2015.
13. Гречкина Е. Н. Молодежный политический экстремизм в условиях трансформирующейся российской действительности: дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2006.
14. Палазян А. С. Молодежный экстремизм в России: историко-правовой аспект // *Общество и право*. 2014. № 2 (48).
15. Затолокин А. А. Экстремизм и молодежная политика // *Вестник Краснодарского университета МВД России*. 2016. № 1 (31).
6. Nikitina L. N. Tolerance formation as a mean of extremism prevention in youth environment // *Science symbol*. 2015. № 11–2.
7. Korshunova I. G. About the question of term «extreme» definition // *Science symbol*. 2016. № 5–3 (17).
8. Skrebets E. S., Martynjuk S. N. Police administrative activity in sphere of extremism counteraction // *Actual problems of police administrative activity: collection of materials of All-Russian scientific and practical conference*. Krasnodar, 2015.
9. Konopleva A. A. Influence of inter-ethnic conflicts on the development of extreme manifestations in the Republic of Crimea // *Counteraction to extremism and terrorism in Crimean Federal District: problems of theory and practice: collection of materials of All-Russian scientific and practical conference*. Simferopol, 2015.
10. Information of the MDCE of Russian MIA № 30/903, dated March 6, 2015. Moscow, 2015.
11. Veremyev A. S. The role of sport in the development of tolerance // *Bulletin of Krasnodar university of Russian MIA*. 2015. № 2 (28).
12. Pestretsov M. A. Peculiarities of youth extremism manifestation and measures to counteraction // *Counteraction of extremism and terrorism in Crimean Federal District: problems of theory and practice: monograph / under gen. edit. S. A. Butkevich*. Simferopol, 2015.
13. Grechkina E. N. Youth political extremism under conditions of transforming Russian reality: dis. ... PhD in political. Stavropol, 2006.
14. Palazyan A. S. Youth extremism in Russia: historical and legal aspects // *Society and law*. 2014. № 2 (48).
15. Zatolokin A. A. Extremism and youth policy // *Bulletin of Krasnodar university of Russian MIA*. 2016. № 1 (31).

Соколова Ольга Владимировна
Sokolova Olga Vladimirovna

заместитель декана юридического факультета, доцент кафедры уголовного права и процесса
Ивановского государственного университета кандидат юридических наук, доцент.

Deputy Dean of Law Faculty, Assistant Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Ivanovo State University, PhD in Law, Associate Professor.

E-mail: olgasokolova.067@mail.ru

**ВЗГЛЯДЫ СОВРЕМЕННЫХ НЕМЕЦКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
НА ПРОБЛЕМУ ОБОСНОВАННОСТИ ПАТЕРНАЛИСТСКИХ ЗАПРЕТОВ
В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ**

**Opinions of contemporary german researchers on the problem for validity
of paternalistic prohibitions in criminal law**

Статья посвящена проблеме обоснования патернализма в уголовном законодательстве Германии. Автор приходит к выводу, что немецкие ученые обнаруживают больше возможностей для оправдания косвенного патерналистского вмешательства, чем для объяснения прямых интервенций в свободу человека. Рассматривает принципы и правила, выработанные в философии права, которые могут способствовать решению вопросов обоснования уголовно-правовых патерналистских запретов.

Ключевые слова: *легитимное ограничение свободы, патерналистские ограничения, прямой патернализм, косвенный патернализм, принципы обоснования патернализма, правила оценки оправдания патернализма.*

Article is devoted to a problem of justification of paternalism in the criminal legislation of Germany. The author comes to a conclusion, their opinion about insufficient number of research papers devoted to the issue of justification of paternalism with reference to German criminal legislation is given. The author considers the principles and rules developed in legal philosophies which can promote the solution of questions of justification of the criminal and legal paternalistic bans.

Keywords: *legitimate limitation of freedom, paternalistic bans, direct paternalism, indirect paternalism, principles of justification for paternalism, rules for assessment of paternalism justification.*

Вопрос о том, в какой мере государство может защищать человека от совершаемых им действий, в ходе которых причиняется вред его собственным интересам (проблема патернализма), требует особого внимания в области уголовного права. Это объясняется, во-первых, тем, что защита одних интересов личности должна быть достигнута путем угрозы наказанием, что существенно нарушает другие права данной личности. Во-вторых, уголовное право по большей части ориентировано на принцип ограничения сферы свободы гражданина, нарушающего границы интересов других лиц, общества и государства, и не направлено на защиту благополучия каждого гражданина вопреки его действиям, совершенным по собственной воле.

Несмотря на вытекающие отсюда основательные возражения против патерналистски

обоснованных санкций, «даже в либеральных правовых системах встречаются составы преступлений, которые в соответствии с общепризнанным пониманием, принятым юридическим сообществом, а также в связи с волей законодателя служат защите гражданина от самовольно предпринятого ущемления собственных интересов» [1, с. 3]. При этом санкции могут быть направлены и против самого защищаемого лица (прямой патернализм), например, в статьях о преступлениях, связанных с нарушением немецкого Закона о трансплантации, но чаще всего – против третьего лица, действующего с согласия или по просьбе заинтересованного субъекта (косвенный патернализм).

Известными в немецкой правовой системе примерами составов преступлений, исходящих из принципа косвенного патернализма, явля-

ются: убийство, совершенное по просьбе потерпевшего (§ 216 Уголовного кодекса Германии) и телесные повреждения, причиняемые по просьбе потерпевшего и противоречащие добрым нравам (§ 228 УК Германии). «Политико-правовая, а также догматически-правовая дискуссия об условиях допустимости эвтаназии в значительной степени касается вопроса, при каких обстоятельствах может быть включен механизм уголовного права, чтобы защитить индивидуальные правовые ценности (в данном случае правовое благо – жизнь) от самостоятельно выбранных решений владельца данной правовой ценности. Что касается сферы применения § 228 УК Германии, то актуальным стал вопрос о том, является ли возможной не имеющая медико-соматических показаний ампутация по требованию пациента, если он страдает от патологического душевного расстройства, вследствие которого воспринимает определенные части тела как «иные» [1, с. 3].

По мысли М. Ригопоулоу, прямой уголовно-правовой патернализм, который может привести к серьезным последствиям для правообладателя, находит ряд возражений: 1) фундаментального характера (защита индивидуального правового блага против воли самого лица не может быть признана легитимной с точки зрения учения о правовом благе); 2) превентивно-правового характера (прямые патерналистские нормы оказываются, к тому же, далеко не эффективными); 3) этически-правового характера (наказуемость поведения субъекта, причиняющего вред самому себе, несовместима с моральным порицанием как частью наказания) [2, с. 317].

Между тем признаком «мягкого» патернализма является лежащее в его основе уважение к автономии личности. Патерналистское ограничение свободы не вызывает сомнений в том случае, если речь идет о пороке воли, физических или психических (душевных) отклонениях, не позволяющих контролировать свои действия, нарушении прав других лиц. «Патернализм в собственном смысле этого слова – это установление уголовно-правовых норм, которые направлены на защиту не вполне самостоятельных лиц (например, несовершеннолетних), то есть тех, кто может допустить ошибку в оценке правовых благ и своими действиями вызвать их нарушение» [1, с. 297].

Другой исследователь И. Хоунтис приводит различные формы патернализма: «активный и пассивный, жесткий и мягкий, прямой и косвенный, чистый и так называемый “нечистый”». В чистом виде патернализм встречается редко, «так как в рамках сегодняшнего правопорядка, покоящегося на либеральных предпосылках, законодатель прикрывает свое намерение защитить человека охраной других интересов, реализацией иных целей» [3, с. 22].

М. Ригопоулоу утверждает, что, для того чтобы определить содержание и границы легитимного правового патернализма, необходимо, прежде всего, проанализировать его с точки зрения философских учений. Основу критического осмысления патернализма составляет деонтологический подход, зерном которого является идея автономии, то есть самостоятельность человека в решении вопросов, касающихся его интересов и целей [2, с. 317].

Впервые термин «патернализм» был использован в дебатах такими учеными, как П. Девлин и Г. Харг (в 1958 и 1963 годах соответственно [4, с. 151–152]), посвященных допустимости морализма в праве. Затем эту категорию стали использовать и другие авторы, например Дж. Дворкин (1972), Дж. Фейнберг (1973). Что касается немецко-язычной литературы, то И. Хоунтис в числе первых исследователей патернализма называет [3, с. 19] Х. Хилльгрубера, доктора, профессора кафедры публичного права университета г. Бонна [5], К. Фишера, адвоката, (г. Гамбург) [6], Г. Зеера, доктора, профессора кафедры уголовного права и процесса, философии права университета г. Берлина (Freie Universität Berlin) [7], Константиноса Папагеоргиу, доктора, профессора кафедры философии права университета г. Афин [8], К. Меллера, адъюнкта-профессора кафедры права Лондонской школы экономики и политических наук [9].

В декабре 2007 года в г. Франкфурте-на-Майне состоялась Международная конференция «Патернализм в уголовном праве», а в 2010 году вышел одноименный сборник докладов данного научного мероприятия. А. фон Хирш (доктор, директор Исследовательского центра теории и этики уголовного права Франкфуртского университета им. Гете), У. Нойманн (доктор, профессор Института уголовного права и философии права (г. Франкфурт), К. Зсельманн

(доктор, профессор-пенсионер, ординарный профессор уголовного права и философии права университета г. Базеля), подчеркивая теоретическую значимость и практическую актуальность проблемы уголовного патернализма, высказали единое мнение о том, что «в Германии по-прежнему не хватает основательных научных дискуссий по данному поводу. Это может быть следствием того, что всеобщая философская дискуссия о проблеме патернализма в Германии до сих пор занимает значительно меньше места, чем в англо-американских странах. С другой стороны, возможно, роль здесь играет то, что связь уголовно-правовой дискуссии с философской проблематикой в Германии благодаря самостоятельной и дифференцированно разработанной системе правовой догматики больше подавляется, нежели приветствуется» [1, с. 3]. В связи с этим участники конференции поставили перед собой цель – реконструировать и обсудить проблему уголовного патернализма как морально-философскую и этико-правовую.

В частности, интерес представляют размышления о вопросе этического оправдания так называемых «прямых патерналистских интервенций» [10, с. 11].

Как отмечает профессор философии Д. Бирнбахер, патерналистские интервенции широко распространены и приняты как в моральной повседневной практике, так и в политике, особенно тогда, когда речь идет о главных благах – жизни, физической неприкосновенности и свободе действий. Всем известно, что даже совершеннолетние склонны пренебрегать своим благополучием, причем такое поведение не связано с психическими кризисами или сильным волнением, а проистекает из недалекости, поспешности, легкомысленности лиц. Поэтому вполне понятно, почему общество, придерживающееся принципа солидарности, реагирует на эти факты в том числе патерналистскими нормами. Вне сомнения, отмечает Д. Бирнбахер, что общество правомочно утверждать порядок поведения и нормы, направленные на ограждение человека от совершения им ошибок и для его самозащиты, даже если это связано с существенным ограничением свободы действий [10, с. 11].

Общепризнанно, что предпочтение отдается косвенному патернализму, а не прямо-

му. В косвенном патернализме некто А предотвращает несущее угрозу личному существованию поведение субъекта В путем привлечения третьего лица С, который лишается В данной возможности. Принуждение, таким образом, первоначально распространяется на С, а не на В, из-за чего, собственно, конфликт между принципами уважения самоопределения и заботы не теряет остроты. Не только непосредственное применение принуждения к В, но и применение принуждения к С могут значительно ограничить свободу действий В. Скорее всего, применение принуждения к С намного эффективнее в преодолении и одновременно ограничении свободы В, чем применение принуждения в отношении самого В.

Например, возьмем ситуацию, в которой о С говорят как о производителе, а о В – как о потребителе потенциально опасных продуктов. Возможно, у В было бы намного больше шансов использовать продукт, представляющий угрозу его собственному существованию, если бы нормы и действие патернализма касались только его, а не производителя.

Д. Бирнбахер приводит четырехзвенную систему принципов, разработанную Т. Боушампом и Дж. Хильдрессом [10, с. 11]. Анализируя патерналистскую норму с точки зрения данных принципов, можно сделать вывод о том, насколько обоснованно ее применение:

1. Непричинение вреда (недопустимость причинения вреда другому человеку).

2. Уважение самоопределения.

3. Забота.

4. Справедливость и равенство.

Почему косвенный патернализм (так называемый «нечистый») более оправдан, нежели прямой («чистый» патернализм)? Косвенный патернализм не является «чистым», так как он может быть обоснован не только с помощью принципа заботы.

При прямом патернализме нарушение второго принципа обусловлено исключительно отсылкой к третьему. При косвенном патернализме нарушение второго принципа, напротив, может быть оправдано отсылкой как к третьему, так и к первому принципам. Можно утверждать, что косвенный патернализм не является «чистым», когда предотвращается не

опасное для личного существования поведение В (на которого направлена забота), а опасное для существования В поведение С. Из-за того, что С создает для В возможность навредить самому себе, С представляет угрозу для благополучия В, прежде всего, в том случае, когда С предполагает, что В воспользуется этой возможностью. Разумеется, именно поэтому сложно решить ценностный конфликт принципов (например, проблема приоритета принципов самоопределения или заботы). Результат оценки всегда зависит от удельного веса каждого из принципов. Косвенно патерналистские вмешательства требуют такого же убедительного обоснования, как и прямые, в особенности тогда, когда они (как, например, запрет суррогатного материнства или недопущение использования новых непроверенных медикаментов из соображений безопасности) намного больше ограничивают индивидуальные действия, чем это позволяет прямое вмешательство. Но при этом больше возможностей обнаруживается при оправдании косвенного, чем прямого патерналистского вмешательства [10, с. 12].

Вследствие этого Д. Бирнбахер приводит шесть правил, позволяющих произвести оценку этической оправданности прямой патерналистской интервенции. Поскольку ученый именует эти правила так же, как и тенденции (*Tendenzregeln*), предполагая, видимо, что они отражают *общую* (выделено мной. – О. С.) направленность его размышлений, позволим себе выстроить их в другой последовательности и привести в более лаконичной форме.

Первое правило: прямой патернализм способствует долгосрочному благополучию защищаемого лица.

При этом ожидаемая польза, достигаемая путем такой интервенции, намного больше, чем польза от отказа вмешиваться в процесс принятия субъектом решения причинить себе вред, – второе правило.

Третье правило: прямая патерналистская интервенция оправдана, если не имеется достаточного количества непатерналистских вариантов воздействия на поведение лица либо они могут быть еще более сложными, нежели меры принуждения, используемые для защиты того, кто намеревается причинить вред своим собственным интересам.

В качестве четвертого правила можно признать, что прямая патерналистская интервенция, направленная на избежание угрозы личному существованию, настолько обоснована, насколько необратимы ее последствия. Угрозы, которые могут привести к смерти, потере свободы и качества жизни (например, в случае развития психического расстройства), оправдывают патерналистское вмешательство больше, нежели угрозы с не менее серьезными, но обратимыми последствиями.

Пятое правило гласит, что прямая патерналистская интервенция настолько оправдана, насколько велика вероятность того, что лицо позже примет вмешательство в свои действия, будет благодарно, например, органам власти за то, что те предотвратили путем интервенции принятие им ошибочного решения. Д. Бирнбахер обозначает данный критерий как *Principle of Subsequent Consent* (принцип последующего одобрения) [10, с. 13].

Согласно шестому правилу этической оценке должна быть подвергнута также и степень принуждения, оказываемая патерналистским воздействием на субъекта. Чем интенсивнее принуждение, необходимое для отказа лица от опасного поведения, тем весомее должна быть данная угроза для оправдания принуждения.

Справедливой патерналистская интервенция может быть лишь в том случае, если между интенсивностью воздействия принуждения и реалистически оцениваемыми шансами на успех сохраняется пропорциональность. Экстремальные формы нарушения интересов индивидуальной свободы окажутся настолько существенными, что для них не будет патерналистских оправданий.

Д. Бирнбахер признает, что созданная им картина неоднозначна. От патерналистских интервенций нельзя просто отказаться, но в то же время они не могут быть сами по себе морально высоко оцениваемыми. Во многих случаях они не оправданы, однако сопоставление и оценка правовых благ необходимы. Решающим является прежде всего то, сохраняется ли пропорциональность между предположительной субъективной ценностью будущего удовлетворения интересов, достигаемого интервенцией, и негативными последствиями применения принуждения, и то, является ли интервен-

ция к самому лицу относительно мягким средством, сдерживающим его опасное поведение [10, с. 14].

Уголовно-правовые нормы, которые в настоящее время могут быть мотивированы прямым патернализмом, очень редко имеют исключительно патерналистское обоснование. Неубедительность обоснования означает, что весь груз доказывания ложится на непатерналистские соображения. Например, в случае уголовно-правового запрета на изготовление и оборот наркотических средств, согласно § 29 Закона о наркотических средствах (по принципу непричинения вреда), – на опасность для других, исходящую от владельца наркотиков. Или в случае запрета клонирования, согласно § 6 Закона о защите эмбрионов, – на опасность для здоровья ребенка.

Эта же мысль высказывается и в работах других авторов. «Существование идеи патернализма сегодня особенно затруднительно, если соотносить его с правами индивидуума в контексте правил современного либерального правопорядка. Поэтому для обоснования патернализма прибегают к другим, не вызывающим сомнений, установкам. Недостаточно лишь указать на защиту субъекта от последствий его собственных решений. В качестве обоснования уголовно-правовой патерналистской интервенции приводятся положения о сохранении интересов третьих лиц, общества и государства» [3, с. 20]. Например, при реше-

нии вопроса о необходимости установления уголовно-правового запрета на употребление наркотических средств указывается на то, что данные действия нарушают общественную нравственность, подрывают здоровье нации.

Вопрос о том, насколько убедительными должны быть эти обоснования, чтобы оправдать применение санкций, остается открытым.

В целом следует согласиться с Д. Бирнбахером в том, что обоснование патернализма в уголовном праве не должно сводиться лишь к наличию потенциальной угрозы причинения вреда интересам третьих лиц. Законодатель при установлении уголовно-правовых патерналистских запретов мог бы использовать и другие правила, тенденции, принципы и так далее. В частности, вполне рациональными видятся следующие идеи: 1) о сопоставлении пользы от отказа вмешательства в процесс принятия субъектом решения причинить себе вред и ожидаемой пользы, достигаемой путем вмешательства в свободу человека, с учетом того, что отказ от интервенции приведет к необратимым негативным последствиям; 2) о том, что имеющиеся непатерналистские варианты воздействия на поведение лица не являются достаточными и не выполняют своей превентивной меры; 3) о необходимости *этической оценки степени принуждения, оказываемого патерналистским воздействием на субъекта*.

Литература

1. Моисеев С. В. Философия права: курс лекций. Новосибирск, 2003.
2. Paternalismus im Strafrecht. Die Kriminalisierung von selbstschädigenden Verhalten / Bearbeiter: Hirsch, Andrew von. 1 Aufl. Baden-Baden, 2010.
3. Rigopoulou M. Grenzen des Paternalismus im Strafrecht. Berlin, 2013.
4. Gkoutis I. Autonomie und Strafrechtlicher Paternalismus. Berlin, 2011.
5. Hillgruber Ch. Der Schutz des Menschen vor sich selbst (Studien zum öffentlichen Recht und zur Verwaltungslehre. Bd. 48). Vahlen; München, 1992.
6. Fischer K. Die Zulässigkeit aufgedrängten staatlichen Schutzes vor Selbstschädigung. Peter Lang / Europäischer Verlag der Wissenschaften.

Bibliography

1. Moiseev S. V. Legal philosophy: lecture course. Novosibirsk, 2003.
2. Paternalism in criminal law: criminalization of an act, in course of which individual interests are damaged / Hirsch, Andrew von. Baden-Baden, 2010.
3. Rigopoulou M. The limits of paternalism in criminal law. Berlin, 2013.
4. Gkoutis I. Autonomy and penal aspects of paternalism. Berlin, 2011.
5. Hillgruber Ch. Protection of a person from himself (the study in the context of public law). Vahlen; Munich, 1992.
6. Fischer K. Admissibility of imposed state protection from actions harming oneself (inflicting damage to oneself). Frankfurt/Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien, 1997.

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Frankfurt/Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien, 1997.

7. Seher G. Liberalismus und Strafe. Zur Strafrechtsphilosophie von Joel Feinberg (Münsterische Bei-träge zur Rechtswissenschaft, Heft 135). Berlin, 2000.

8. Papageorgiou K. Schaden und Strafe: Auf dem Weg zu einer Theorie der strafrechtlichen Moralität (Studien zur Rechtsphilosophie und Rechtstheorie). Baden-Baden, 1994.

9. Möller K. Paternalismus und Persönlichkeitsrecht. Berlin, 2005.

10. Birnbacher D. Paternalismus im Strafrecht – ethisch vertretbar? // Paternalismus im Strafrecht. Die Kriminalisierung von selbstschädigenden Verhalten / Bearbeiter: Hirsch, Andrew von. 1 Aufl. Baden-Baden, 2010.

7. Zeher G. Liberalism and punishment. On the issue of J. Feinberg's penal philosophy. Berlin, 2000.

8. Papageorgiou K. Damage and punishment: in the context of theory of penal morality (the study as part of legal philosophy and legal theory). Baden-Baden, 1994.

9. Moeller K. Paternalism and individual rights. Berlin, 2005.

10. Birnbacher D. Paternalism in criminal law – ethically justified // Paternalism in criminal law: criminalization of an act, in course of which individual interests are damaged. Hirsch, Andrew von. Baden-Baden, 2010.

Шавеко Николай Александрович
Shaveko Nikolai Alexandrovich

аспирант Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Post-Graduate Student of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov.

Тел.: 8 (916) 745-61-62.

КРИТИКА МАРКСИЗМА И АНАРХИЗМА РУДОЛЬФОМ ШТАММЛЕРОМ

Criticism of marxism and anarchism by Rudolf Stammler

В статье анализируется и оценивается критика Рудольфом Штаммлером марксизма и анархизма, основанная на выработанных ученым понятиях общества и права, а также на предложенном им разграничении права, произвола и конвенциональных норм, формы и материи социальной жизни.

Ключевые слова: марксизм, анархизм, право, общество.

The article considers the Rudolf Stammler's criticism of Marxism and anarchism, based on developed by him concepts of the society and the law, as well as on distinction between the law, the conventional rules and the arbitrariness, form and matter of social life.

Keywords: Marxism, anarchism, law, society.

Выдающийся немецкий правовед Рудольф Штаммлер известен в отечественной науке как автор теории «естественного права с изменяющимся содержанием», а также тем, что он одним из первых разработал строго научную критику марксизма и анархизма. О последней и пойдет речь в настоящей статье.

Критика Штаммлером учений марксизма и анархизма основана на предложенных им понятиях общества и права. Ученый выдвигает тезис о том, что главным признаком общества является *создаваемое* людьми *регулирование* их взаимоотношений и всей их совместной жизни, иными словами, внешнее управление поведением людей. Только этот момент и делает возможным само понятие социума как особого объекта [6, с. 90]. Таким образом, внешнее регулирование есть неизменная формальная характеристика социума. «Поэтому материей социальной жизни служит *совместная деятельность людей, направленная к удовлетворению их потребностей*» [6, с. 142]. Именно таким должен быть объект социальной науки, при этом материя общественной жизни Штаммлер обозначает термином «социальное хозяйство» [6, с. 145].

Рассуждая о форме социальной жизни, Штаммлер выделяет два вида внешнего нормирования (социального воления): правовое и конвенциональное. В отличие от конвенциональных норм право «имеет притязание пове-

левать, совершенно не считаясь с согласием тех, кому оно повелевает. Правовая норма сама решает, кто ей подчинен, при каких условиях то или иное лицо вступает в установленный ею союз и когда может из него выйти». Таким образом, право само полагает круг лиц, на которых оно распространяется. Конвенциональные же нормы представляют собой лишь предложения поступать определенным образом, рассчитанные на добровольное согласие адресата с ними, без которого они не имеют смысла (правила приличия, этикета, моды, рыцарской чести) [6, с. 131, 135]. Названное различие обозначает такой признак права, как самовластность (самовластное воление и притязание на действительность) [4, с. 45]. Одновременно Штаммлер противопоставляет право и произвол. Признак права, отличающий его от произвола, обозначается ученым как ненарушимость. Правовые предписания носят объективный характер, а произвольные – субъективный, в том смысле, что право, в отличие от произвола, связывает также и власть, его устанавливающую [3, с. 50–52]. Таким образом, право определяется Штаммлером как ненарушимое самовластное социальное воление.

Исследователь отводит праву важнейшую роль среди всех вышеперечисленных видов социального воления (социальных норм) и обосновывает это обстоятельством критикой анархизма, ведь именно анархизм представля-

ет собой учение, полностью отрицающее роль права и признающее в регулировании человеческих взаимоотношений приоритет конвенциональных норм [5, с. 9–10]. Одновременно Штаммлер пытается обратить внимание на теоретические основы анархизма и показать, что «достойная проклятия» практика анархизма, связанная со зверскими преступлениями, не имеет с этими основами ничего общего [5, с. 7].

Взгляды Прудона, утверждавшего существование естественного порядка отношений, который действовал бы в отсутствие правового принуждения, и олицетворявшего право с эксплуатацией человека человеком и господством человека над человеком, представляются Штаммлеру необоснованными в связи с тем, что свободное производство и обмен, о которых говорит Прудон, уже предполагают некоторое соглашение между людьми, устанавливающее эту свободу. Мысль о существовании естественной гармонии не верна в том смысле, что общество вообще логически невозможно без внешних, искусственно созданных правил поведения (без них останется лишь инстинктивное, животное регулирование) [5, с. 20–23].

Подробно рассматривает Штаммлер и взгляды М. Штирнера, который отрицал не только любые правовые, но и моральные нормы, а также идеал человека, признавая право каждого быть абсолютным эгоистом (политический либерализм, по Штирнеру, сохраняет лишь часть свобод, но не гарантирует ее полностью). Утверждение автора о том, что отсутствие идеальных людей (кроме Христовых сверхчеловека) делает ненужным идеал человека, Штаммлер справедливо расценивает как «непозволительное догматическое допущение» [5, с. 31]. Но это замечание оправдывает лишь моральные нормы. Одновременно Штирнером не отрицается необходимость «соединения эгоистов» конвенциональными нормами (то есть исключительно на добровольных началах) [5, с. 33]. Сотрудничество людей всегда имело и будет иметь место, но суть анархизма заключается в убеждении, что единственным видом такого взаимодействия должна стать конвенциональная [5, с. 42–43].

Анализируя произведение писателя-анархиста Дж. Маккея, Штаммлер отмечал, что тот, подобно Прудону, не доказал возможность ес-

тественного взаимодействия людей в отсутствие внешних норм. Действительно, если даже отрицать правовое принуждение, неизбежно остаются конвенциональные правила поведения [5, с. 51].

При этом Штаммлер не берет в расчет идею «высококонраваственного общения», делающего излишним социальные нормы (по всей видимости, потому что таковое суть лишь утопия), а также теорию жизни индивида вне общества на основе одних только инстинктов (эта идея также представляется ему абстракцией).

Что касается коммунистического анархизма в духе Бакунина и Кропоткина, то Штаммлер практически не рассматривает таковой, считая его хотя и наиболее популярным, но не научным, не показывающим конкретных способов достижения рисуемого идеального строя [5, с. 44–46].

В итоге анархизм определяется Штаммлером как «организация человеческого общества только при помощи конвенциональных правил» [5, с. 53]. В связи с этим в особом оправдании нуждаются правовые нормы, и Штаммлер предоставляет таковое, переходя к главной части своей критики анархизма.

Конечно, утверждает ученый, право не может оправдываться предоставлением человеку лучшей, по сравнению с животной, жизнью, ведь и в условиях правопорядка людям далеко не всегда гарантировалась защита жизни, семьи и собственности: часто право закрепляло рабство и насилие, и война всех против всех если и имела когда-то место, то благодаря праву лишь сменилась войнами между государствами [5, с. 64–65].

Безусловное, общезначимое оправдание права состоит в том, что конвенциональные нормы предполагают взаимодействие людей, обладающих способностью вступать в договоры (дееспособных), а недееспособные (дети, старики, тяжело больные) априори исключаются из подобной коммуникации. Это означает, что конвенциональные нормы существуют не для всех членов общества, тогда как право – единственная форма регуляции, открытая для каждого, определяющая общие цели, и именно право устанавливает признаки, квалифицирующие субъекта как дееспособного [5, с. 66–67]. Таким образом, правовое принуждение может служить добру или злу, но оно оправдано уже тем, что без него не существует об-

щество как таковое. В связи с этим анархизм оказывается несостоятельным и Штаммлер полностью соглашается с Кантом, считавшим необходимым создать такое гражданское общество, которое «во всех отношениях управлялось бы на основании права» [5, с. 70].

Исходя из изложенного соотношения понятий права и общества Штаммлер методически критикует предложенное Марксом материалистическое понимание истории, исходящее из экономики как базового фактора общественного развития и постулирующее зависимость права от экономики. При этом он сразу оговаривается, что единственно верным является рассмотрение марксизма не как учения о справедливости, а как учения об объективных законах общественного развития, независимо от того, ведут ли они к справедливому обществу [6, с. 50–52].

Ссылаясь на Платона, Канта и Наторпа, мыслитель отмечает, что базовым постулатом философии является наличие только одной объективной реальности; материализм, в свою очередь, утверждает, что эта реальность есть материя, поэтому никакой мир идей не может служить самостоятельной причиной тех или иных явлений опыта. Применительно к социальной философии это означает, что основополагающей причиной всех социальных явлений будет социальное хозяйство (материя социальной жизни), через которое преломляются природные факторы и от которого зависит возникновение идей [6, с. 29–33]. Против такого материалистического постулата (отрицающего дуализм и индетерминистический идеализм) Штаммлер, несмотря на то, что является представителем одной из идеалистических школ философии, не возражает, отмечая, что «определяющие основания исторических преобразований следует усматривать только в *движениях социальной материи*» [6, с. 332]. Эту точку зрения он называет *социальным монизмом*. При этом Штаммлер справедливо критикует аргументы против марксизма, призванные показать, что в основе социальных процессов лежат также религиозные (крестовые походы), политические (превращение пашни в пастбище ввиду политических устремлений лендлордов) и другие неэкономические причины, которые обусловлены в конечном счете экономикой в том смысле, что материя первична. Постулат же о первичности ма-

терии не может быть опровергнут на основе частных фактов, поскольку является методическим приемом их обработки [6, с. 69–74].

Однако Маркс идет дальше, полагая, что все общественные явления определяются типом производственных отношений, выражающих отношения собственности. Называя материей общественной жизни социальную экономику (хозяйство) и определяя ее как совместную деятельность людей, направленную на удовлетворение их потребностей, Штаммлер, очевидно, придерживается другой трактовки экономического детерминизма, иного взгляда на «базис» [4, с. 21]. Помимо этого, правовед критикует марксистское понимание истории как непродуманное, так как «оно не выясняет, *какую степень необходимости* оно признает за грядущими преобразованиями права» [6, с. 27].

Но главное возражение в адрес марксизма у Штаммлера состоит в том, что если экономика является материей социальной жизни, то право – это ее форма, поэтому связь между экономикой и правом нельзя рассматривать как связь причины и следствия. Это связь материи и формы. Так, производственные отношения (отношения собственности на средства производства) уже предполагают право, так как собственность – это и правовой институт. А способ производства (по Марксу, единство производственных отношений и производительных сил), как убедительно показывает Штаммлер, есть ничто иное, как *особая форма внешним образом урегулированного сотрудничества* [6, с. 268], то есть способ производства образуется правом. Здесь необходимо отметить то, на чем Штаммлер не акцентирует внимания: согласно логике мыслителя, формой социальной жизни является не право, а внешнее регулирование как таковое, в том числе конвенциональные правила, другое дело, что право априори присутствует в любом обществе, в то время как без конвенциональных норм социум вполне может обойтись. Следовательно, право нельзя отнести к надстройке: без него логически немислим сам базис.

Стремясь показать логический приоритет права над экономикой, Штаммлер замечает, что если форму можно изучать в отрыве от материи, то материя без формы просто немислима. На практике же они неразрывны и являются частью единого мира, поэтому справед-

ливо утверждение о том, что «правовой порядок и экономический строй – безусловно, одно и то же» [6, с. 208].

Таким образом, логическое первенство права над экономикой не означает, что юридические идеи, а не экономика, в конечном счете определяют ход истории, как и то, что право появилось раньше экономики. Логический *prius* права свидетельствует лишь о том, что экономических категорий, которые не предполагали бы определенного социального регулирования, не существует [6, с. 219, 232–233]. Смена права влечет за собой изменения в экономике, но это не каузальное внешнее воздействие одного объекта на другой, а влияние формы на материю; каузально только сама материя влияет на материю [6, с. 238–239].

Очевидно, что приведенное соотношение права и экономики есть прямое следствие данных Штаммлером понятий общества, права и экономики (социального хозяйства), которые могут подвергаться и подвергались критике. Однако это не отменяет глубину теоретической разработки ученого, вскрывающей многие недостатки марксизма.

В заключение рассмотрим соотношение учений Штаммлера и Маркса в аспекте, которому в научной литературе не уделяется должного внимания. Штаммлер утверждает, что марксизм следует понимать исключительно как учение о материалистическом понимании истории, а не о социальном идеале. С другой стороны, если рассматривать марксизм как концепцию об идеальном общественном строе – коммунизме, то он, исходя из философии Штаммлера, также оказывается несостоятельным, но теперь не только с точки зрения соотношения права и экономики, но и с позиции учения о «правильном праве».

Штаммлер неоднократно подчеркивал, что задача философии права заключается в разработке формального критерия «правильного права», который должен прийти на место «идеальных кодексов». Иными словами, социальный идеал представляет собой только «путеводную звезду», а конкретное его осуществление зависит от самых различных факторов и не может быть единым для всех стран и времен. Между тем коммунизм есть учение об идеальном общественном устройстве, которое было бы одинаковым для любого общества.

Следовательно, коммунизм, по сути, повторяет ошибки школы естественного права: с одной стороны, он смешивает необходимое по естественным закономерностям с идеальным (коммунизм и неизбежен, и желанен), а с другой – пытается утвердить детально разработанную конструкцию социального строя в качестве идеальной. Еще одной ошибкой коммунистической идеологии, исходя из учения Р. Штаммлера, является отрицание роли права в будущем устройстве общества. Как убедительно показал мыслитель, общество без права не существует в принципе, и уже с этих позиций идеал коммунистического общества требует уточнения.

Все перечисленные выше моменты не были прямо обозначены Штаммлером, который ограничился критикой марксизма только в значении исторического материализма. Но из общего смысла и отдельных положений его правового учения может быть развернута полномасштабная критика коммунизма. Особый интерес в этой связи представляет учение русского правоведа неокантианского направления П. И. Новгородцева об общественном идеале. Новгородцев различает абсолютный и относительный общественный идеал, по сути, целиком повторяя идею Р. Штаммлера о разграничении формального критерия справедливости (общество свободно хотящих людей мыслится немецким ученым в качестве абсолютного идеала) и соответствующего ему при конкретных обстоятельствах «правильного права» (правильность этого средства всегда относительна). Абсолютный идеал Новгородцев, подобно Штаммлеру, называет «путеводной звездой», не достигаемой, но постоянно указывающей путь [2, с. 420]. Ценности коммунизма критикуются Новгородцевым в первую очередь потому, что являются «утопией земного рая», изначально несбыточным общественным устройством. По мнению отечественного мыслителя, социальная философия должна отказаться от построения таких утопий и выработать один формальный, а не содержательный идеал, с которым можно будет соизмерять те или иные моменты общественной жизни. Таким образом, мы видим, что идеи Р. Штаммлера о правовом идеале нашли свое развитие в трудах других ученых, посвященных критике коммунистической идеологии.

Н. Н. Алексеев предлагал различать эзотерическое (внутреннее, связанное с разработкой неокантианского критицизма) и экзотерическое (внешнее, связанное с критикой марксизма и анархизма) значения философии Штамmlера. И если первое философ, соглашаясь со многими другими критиками Штамmlера, признавал несостоявшимся, то второе, напротив, особо выделял [1, с. 3], утверждая, что в этой области даже ошибочные взгляды Штамmlера «живут в современной социальной философской мысли» и без их изучения невоз-

можно уяснить проблемы социальной философии и сколько-нибудь удовлетворительно в них разобраться [1, с. 26].

Критика Штамmlером марксизма и анархизма привела к тому, что социальный вопрос оказывается у мыслителя вопросом о «правильном праве», то есть надлежащим образом устроенном позитивном праве. Именно поэтому социальный идеал есть прежде всего правовой идеал (социум без права не существует), хотя формула его может быть распространена и на другие внешние правила поведения.

Литература

1. Алексеев Н. Н. Социальная философия Рудольфа Штамmlера // Вопросы философии и психологии. 1909. № 1 (96).
2. Новгородцев П. И. Об общественном идеале // Избранные труды. М., 2010.
3. Фролова Е. А. Проблемы теории и философии права. М., 2015.
4. Штамmlер Р. Сущность и задачи права и правоведения. М., 1908.
5. Штамmlер Р. Теоретические основы анархизма. М., 1906.
6. Штамmlер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. СПб., 1907. Т. 1.
7. Stammler R. Theorie der Rechtswissenschaft. Halle, 1911.

Bibliography

1. Alekseev N. N. The social philosophy of Rudolf Stammler // Problems of philosophy and psychology. 1909. № 1 (96).
2. Novgorodtsev P. I. On the social ideal // Selected works. Moscow, 2010.
3. Frolova E. A. Problems of theory and philosophy of law. Moscow, 2015.
4. Stammler R. The essence and tasks of law and jurisprudence. Moscow, 1908.
5. Stammler R. Theoretical basis of the anarchism. Moscow, 1906.
6. Stammler R. Economy and law according to the materialist conception of history. St. Petersburg, 1907. Vol. 1.
7. Stammler R. Theory of jurisprudence. Halle, 1911.

Цымлянская Ольга Афанасьевна
Tsymlyanskaya Olga Afanasevna

доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института МВД России кандидат экономических наук, доцент.

Associate Professor of the Department of Human and Socio-Economic Disciplines, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Economy, Associate Professor.
E-mail: ipidorfii@yandex.ru

ДИАЛЕКТИКА КОМПАРАТИВИСТСКОГО ПОДХОДА СЛИЯНИЙ И ПОГЛОЩЕНИЙ КОМПАНИЙ

Dialectics of comparative approach of mergers and acquisitions

В статье рассматриваются положения по слиянию и поглощению компаний (M&A) в США. По аналогии с американской моделью корпоративных отношений слияний и поглощений характеризуется модель правового регулирования рынка M&A России. С использованием правового компаративистского подхода приводится классификация источников легитимного оформления сделок слияний и поглощений, позволяющего синтезировать зарубежное и отечественное законодательство в этой области.

Ключевые слова: конкуренция, ценные бумаги, слияние и поглощение компаний (M&A), дружественное и недружественное поглощение, корпоративные правоотношения.

The article discusses the provisions on mergers and acquisitions (M&A) in the United States. By analogy with the American model of corporate relations, mergers and acquisitions, characterizes the model of legal regulation of M&A market of Russia. Using a comparative legal approach, the classification of sources of legislative clearance of mergers and acquisitions allows to synthesize foreign and domestic legislation in this area.

Keywords: competition, securities, merger and acquisitions (M&A), friendly and hostile takeover, corporate relations.

Многие компании России на сегодняшний день видят в сделках по слиянию и поглощению (M&A) способ повышения доходности и устойчивости, роста своей конкурентоспособности и создания высокого имиджа.

Однако рынок еще не до конца сформирован. Во многом этому препятствует несовершенство законодательства, недостаточная структурированность актов слияний и поглощений в российском правовом поле, неоднозначность толкования правовых норм и логических конструкций, связанных с подобными сделками.

Для обеспечения совершения сделок по слиянию и поглощению сформированы отдельные законодательные акты, вошедшие в гражданский оборот, продолжается процесс упорядочивания и выстраивания самостоятельной системы законов, определяющих сделки слияний и поглощений.

Слияния и поглощения в России в последнее время стали динамичнее, отражая практи-

ческие аспекты совершения сделок слияний и поглощений, и в этом прослеживается общемировая тенденция. Российская Федерация все более интегрируется в мирохозяйственные процессы, и эта включенность требует использования компаративистского подхода, позволяющего расставить типологические акценты в действительности сделок слияний и поглощений. Диалектика компаративистики как философской теории сравнения полагает применение не только логико-правовых, но и исторических механизмов овладения опытом применения зарубежного законодательства, складывающегося в разных странах.

Наиболее развитым следует признать право США, где детально регламентируются сделки по слияниям и поглощениям, характеризуясь как сложный многоаспектный правовой институт. Поэтому становится актуальным изучение стратегии слияний и поглощений на примере мировой и российской практики, в их диалектическом единстве и многообразии.

Появление процесса корпоративных слияний вызвало необходимость его законодательного закрепления еще на стадии становления в Великобритании и Соединенных Штатах Америки на рубеже XIX–XX веков. Многие механизмы и понятия рынка слияний и поглощений вошли в оборот законодательства других стран и стали общепринятыми. К ним можно отнести такие термины, как «мусорные» облигации, «золотые парашюты», «ядовитые пилюли», «зеленая броня» и другие. В последнее время лидером по объемам и количеству сделок M&A становится рынок США, изначально славившийся значительным сектором фиктивного капитала, по сравнению с реальным сектором, когда фирма выступает лишь пакетом акций для собственника, и возможностью для спекуляций этим объясняется неослабевающий интерес к законодательной специфике сделок слияний и поглощений в США.

Под процессом M&A понимается, прежде всего, изменение контроля над компанией в результате перехода прав собственника. Слияние и поглощение воспринимаются как единое целое, в отличие от российского законодательства, где слияние подразумевает возникновение нового юридического лица в результате соединения активов двух ранее существующих, то есть происходит локализация понятия. В США слияние подразумевает такое объединение корпораций, когда одна полностью прекращает свою деятельность. По российскому законодательству это соответствует такой форме реорганизации юридического лица, как присоединение.

Интересен тот факт, что, хотя категории «слияние» и «консолидация» отличаются по своему содержанию, в правовой системе США они все-таки в ряде случаев заменяют друг друга и иногда их применяют как синонимы. В Российской Федерации же это не допускается, а слияние и поглощение рассматриваются как логические частности. В случае, когда объединяются компании, которые имеют примерно равные размеры и влияние, более применим термин «консолидация», а когда уже две или более компаний в значительной степени различаются по данным критериям, то подходящим выступает термин «слияние».

Другим термином, широко используемым для характеристики подобных сделок, является «поглощение». Оно относится иногда исключительно к враждебным сделкам, а в ряде

случаев обозначает не только недружественные, но и взаимовыгодные слияния.

Говоря о проблематике законодательного оформления сделок слияний и поглощений в США, следует отметить различные подходы к их представлению.

Можно выделить отраслевой подход при определении сделок слияний и поглощений в различных сферах финансово-экономической системы: сделки слияний и поглощений в банковской сфере, сфере страхования и так далее. Второй подход – исторический – предусматривает выстраивание архитектуры законов и подзаконных актов с момента их возникновения и преобразования во времени. Третий подход связан с источниками правового регулирования сделок слияний и поглощений (конституция, федеральное законодательство, подзаконные акты и так далее).

Следует объединить различные подходы на основе единства исторического и логического методов.

В законодательстве США существует разделение полномочий между федеральными органами власти и властями штатов. В Конституции США в первом разделе статьи 1 говорится, что «законодательные полномочия, сим установленные» предоставляются Конгрессу, в других разделах эти полномочия разъясняются. Признавая верховенство федеральных органов власти, отдельные штаты руководствуются своими законодательными актами, регламентирующими сделки слияний и поглощений. Помимо этого, широко используется прецедентное право. Наиболее развитой в области корпоративных отношений можно назвать практику судов штата Делавер, на территории которого зарегистрирована значительная доля публичных корпораций США, в том числе гигант автомобильной индустрии «Дженерал моторс» и нефтяная компания «Мобил». На уровне штатов регулируются акты по созданию компаний и управлению ими. Прерогативой федеральных законов являются предложения по заключению тендерных контрактов, реализация ценных бумаг, антимонопольное регулирование. На такое регулирование указывают как американские, так отечественные юристы [5, с. 45].

Формирование правового оформления сделок слияний и поглощений происходило в про-

цессе диалектического единства экономических, социальных и исторических отношений.

Условно комплекс законодательных актов делят на три большие группы [3, с. 84]:

1. Антитрестовские законы. Если следовать историческому алгоритму корпоративного движения, то уже на рубеже XIX–XX веков, а именно в 1890 году, был принят Закон Шермана (Sherman Antitrust Act), базовый для всех американских антитрестовских норм.

Прямое же законодательное регулирование M&A исторически было связано с использованием антитрестовского Закона Клейтона [11], принятого в 1914 году, который регулировал и ограничивал функционирование трестов. Закон Клейтона нацеливал на толкование тех видов хозяйственной деятельности, которые неправомерно уменьшали конкуренцию, ограничивали торговлю.

Разрешая противоречия материальной и социальной сферы жизнедеятельности общества, в 1914 году вступил в силу закон о Федеральной торговой комиссии (далее – закон о ФТС), который и учредил данную комиссию. В ее полномочия входило обеспечение исполнения не только закона о ФТС, но и вышеупомянутого Закона Клейтона. В соответствии с этим законом была принята норма (ст. 7), по которой нелегитимными признавались сделки слияний и поглощений, значительно ограничивающие конкуренцию. В развитие законодательства о слияниях и поглощениях принят Закон Селлера-Кифовера в 1950 году. Им была ужесточена седьмая статья Закона Клейтона, что способствовало развитию общего направления по усилению борьбы с проявлением монополизации. Следующим шагом стало принятие Закона Харта-Скотта-Родио в 1976 году.

К специфическим особенностям антитрестовских американских законов как регуляторов права относится их достаточная развитость и значительный контроль. Например, сделки по слияниям и поглощениям банков первоначально рассматривает Федеральная корпорация страхования депозитов, Контролер денежного обращения, Федеральная резервная система. После их одобрения сделка передается Министерству юстиции. В качестве определения уровня конкурентности выступает индекс Херфиндаля-Хиршмана (НН), показывающий допустимость слияний и поглощений. С его

помощью определяется доля на рынке, которую имеют продавцы, владеющие малыми частями [2, с. 1168–1169]. Если индекс превышает предельное значение, то необходима проверка Департамента юстиции.

2. Законы о ценных бумагах. Центральное место в США по регулированию корпоративных поглощений и слияний занимает федеральный закон – так называемый Акт Уильямса, принятый Конгрессом в 1968 году.

Помимо этого, американское законодательство характеризуется и другими законами рынка ценных бумаг, определяющими область слияний и поглощений. В 1934 году принимается Закон о торговле ценными бумагами (Закон о биржах), ранее, в 1933 году, Закон о ценных бумагах. На его основе создается Комиссия по торговле ценными бумагами. Вышеназванный акт признавал нелегитимными следующие действия: ложную информацию, злоупотребления при выпуске ценных бумаг и так далее. Во время администрации Дж. Буша подписывается Закон Сайбенса-Оксли, во многом ужесточивший финансовый контроль за корпоративными ценными бумагами и недобросовестными менеджерами публичных корпораций, требования к раскрытию информационных сообщений. На основе этого закона принимается Кодекс корпоративного поведения. В нем приводятся стандарты поведения, противодействующие злоупотреблениям, и правила честного ведения предпринимательской деятельности, обязательные для эмитентов корпораций. При изменениях Кодекса руководители обязуют сообщать об этом.

3. Законы о корпорациях. Как указывалось выше, американское регулирование функционирования корпораций имеет два уровня: федеральные законы и законы штатов.

Особое значение в слияниях и поглощениях приобретают законы штатов противозахватного характера. Многие из них защищают от так называемого враждебного поглощения корпорации данного штата или любого другого. Они включают следующие виды: законы о справедливой цене, положения об объединении бизнеса, положения о контрольной доле и законы о выкупе [3, с. 132].

Некоторые штаты, отвечая на различные протесты против враждебных поглощений, в 1980-х годах ввели собственные ограничения

на проведение поглощений. Например, во введенном законом ограничении в штате Пенсильвания содержатся три постановления, которые серьезно осложняют проведение поглощения:

– претенденты, которые превышают порог участия 20, 33, 50 % в компании-цели без одобрения ее менеджеров, должны получить согласие у других акционеров компании-цели для того, чтобы иметь право участвовать в голосовании. Следует учитывать, что принять участие в голосовании имеют право те акционеры, которые являются держателями акций на протяжении более чем год;

– совету директоров разрешено проводить оценку влияния поглощения на акционеров компании, а также потребителей, работников и местных жителей для принятия или отклонения поглощения. Происходит социализация права;

– компании-претенденты обязаны вернуть любой доход, полученный путем продажи акций компании-цели в течение 18 месяцев после попытки поглощения, тем самым повышая цену поглощаемой компании.

В дальнейшем динамика рынка слияний и поглощений развивалась по следующей схеме: Министерство юстиции США выпускает специальные директивы M&A сделок. На них должны были опираться все фирмы, для того чтобы не допустить судебных исков. Анализируя горизонтальные слияния, следует отметить, что такие транзакции выступают значительной силой в области продвижения хозяйственного развития США. Происходит совершенствование и уточнение названных директив M&A с 80-х по 90-е годы XX века. Осуществляется некоторое отступление от признания только негативных черт в сделках слияний и поглощений и осознание их потенциальной эффективности. Директивы 1992 года, дополненные в 1997 году, определялись тем, что многие из схожих сделок не только не сопровождались ущербом для потребителей, а, наоборот, приводили к гармоническому единству, были способны приносить им большую пользу, улучшая товарную кондицию, снижая цены, увеличивая средства на нововведения. Выделялась вероятность оптимизации конкурентного состояния вновь созданной компании на отечественном и зарубежном рынке [7].

Хотя общая тенденция к тому, что многие из крупнейших слияний оказываются малоэффективными, подтверждается в настоящее время.

Генезис современных сделок слияний и поглощений расставляет смысловое ударение на разных этапах развития рынка M&A. Все больше становится сделок дружественных поглощений, недружественные перестают быть обычной практикой. Например, в 2017 году планируется покупка крупнейшей американской компанией Verizon Communications операционного бизнеса интернет-компании Yahoo. Причем испытывающая экономические трудности компания Yahoo и ее акционеры сами искали покупателей на свои акции. Слияние будет происходить с помощью президентов обеих компаний после одобрения владельцами акций и регулирующих органов с целью ликвидации отставания в бизнесе.

Эмпирические исследования подтверждают и традиционную защитную функцию государства при правовом регулировании сделок слияний и поглощений. Например, не состоялась сделка со стороны китайского концерна Tsinghua Unigroup, который стал одним из ведущих производителей полупроводников после слияния с компанией Wuhan Xinxin Semiconductor Manufacturing Corporation (ХМС). Сделка не состоялась ввиду несогласия американских властей, исходя из позиций национальной безопасности, их нежелания утратить ведущие позиции в бизнесе полупроводников.

Транснациональная корпорация Micron применила защитную меру – так называемую политику «отравленной пилюли» («poison-pill»). Политика подразумевает право акционеров покупать акции компании по сильно заниженной цене. При покупке 5 % акций Micron компания для предотвращения поглощения может выпустить в обращение пакет акций на ту же сумму, причем акции будут с премией, таким образом, доля акционера-захватчика будет уменьшаться при эмиссии новых ценных бумаг Micron [4].

Здесь следует учитывать культурно-исторические аспекты диалектики слияний и поглощений, когда Китай из «догоняющей» страны превращается в государство, занимающее лидирующее место в производстве суперкомпьютеров. А США в лице транснациональной

корпорации Micron, которая сама поглотила в 2013 году японское предприятие Elpida, становится страной «догоняющей», не желающей терять свои позиции на ключевых технологических рынках. Во всей этой диалектике примат принадлежит правовому обеспечению наращивания выручки с учетом национальных интересов и сопоставительно-типологического метода.

По сути, здесь происходит объединение двух направлений компаративистики: горизонтального (культурно-исторического) и вертикального (историко-философского), то есть идет социально-историческое обобщение.

Говоря о классификации источников законодательного оформления сделок слияний и поглощений, следует упомянуть о подзаконных актах, к таковым относится Директива по слияниям (Merger Guidelines), содержащая определенные правила, разработанные Анти-трестовским департаментом. Законодательный акт опирался на анализ рынка и, прежде всего, степени концентрированности ведущих четырех фирм в отрасли. Если степень концентрации фирм превышала допустимый уровень, то правительство подвергало сомнению осуществление сделки.

За последнее десятилетие правила часто видоизменялись в результате вмешательства Федеральной торговой комиссии и Министерства юстиции США.

В качестве еще одного источника юридического обеспечения M&A процессов США выступает судебный прецедент. По американским законам существует определенная последовательность принятия судом решения. Вышестоящие суды принимают решения, обязательные для исполнения нижестоящими судами. Решения судебных органов, особенно на уровне отдельных штатов, зачастую оказывают определяющее действие на возможность совершения слияний. Верховный суд США по делу *Edgar v. MITE Corp.* 30 июня 1982 года впервые признал не соответствующим конституции закон о поглощениях предприятий штата Иллинойс – противозахватный закон первого поколения. Дело *Edgar v. MITE Corp.* установило прецедент, с учетом которого федеральные суды США признавали неконституционными противозахватные законы штатов первого поколения, принятые до и после этого

дела. После вынесения решения по делу *Edgar v. MITE Corp.* суды в рабочем порядке стали объявлять неконституционными противозахватные законы, направленные на регулирование отношений с участием корпораций, зарегистрированных в других штатах [6, с. 56].

Базой для судебных решений стало положение о завышении тарифов по торговле между штатами, что позволяло нелегитимно воздействовать на сделки M&A. Противозахватные законы были усовершенствованы для устранения их несоответствия конституционным статьям.

Не менее важным является решение Верховного суда США в области процессов M&A 1998 года по делу *CTS Corp. v. Dynamics Corp. of America* – первое решение Верховного суда после дела *Edgar v. MITE Corp.*, признавшее конституционность противозахватных законов штатов. Верховный суд США по делу *CTS Corp. v. Dynamics Corp. of America* отменил судебный акт Седьмого окружного суда и признал правильность большинством голосов тождество Основному закону Соединенных Штатов Америки закона штата Индиана о контроле покупки акций.

Знаменательное решение этого суда позволило значительную долю противозахватных законов 2-го поколения, которые опирались на корпоративные законы штатов и защищали свои зарегистрированные компании, признать соответствующими конституции.

Наконец, M&A сделки ознаменовались еще одним прецедентом по делу *Amanda Acquisition Corp. v. Universal Foods Corp.* [9], в котором Апелляционный суд Седьмого округа США подтвердил конституционность закона о слияниях штата Висконсин. В 1998 году Верховным судом был отклонен протест в отношении противозахватного закона штата Висконсин, что позволило усилить позиции противозахватных законов на уровне штатов.

По аналогии с американской моделью корпоративных отношений слияний и поглощений в Российской Федерации формируется определенная модель правового регулирования рынка M&A.

Модель крайне далека от совершенства и только начинает переходить от фрагментарной к системной правовой обеспеченности. В систему включаются определенные обществен-

ные отношения, юридические нормы и факты, индивидуальные предписания, санкции, меры защиты и так далее.

В России формирование корпоративных правоотношений слияний и поглощений объективно вызывалось гипервысокой степенью концентрации капитала, которая начала складываться сразу после ваучерной приватизации. Образовывающееся высшее управленческое звено на базе создаваемых акционерных обществ захватывало контрольные пакеты акций за счет самих акционерных обществ, распродавало их активы, организовав фиктивное банкротство. Защитные меры носили условный характер и требовали правовой координации и регламентации.

Начало было положено с принятием законов «Об обществах с ограниченной ответственностью» (1998) и «Об акционерных обществах» (1995). В акционерном законодательстве 90-х годов присутствовали широкие права совета директоров, возможность введения уставом и ограничений на количество акций или голосов, принадлежащих одному акционеру. Активно проходило вытеснение мелких акционеров на основе п. 1 ст. 74 закона «Об акционерных обществах», звучавшего следующим образом: «В случае образования при консолидации дробных акций последние подлежат выкупу обществом по рыночной стоимости, определяемой в соответствии со статьей 77 настоящего Федерального закона». Допустим, в акционерном обществе всего 1000 акций и присутствует контролирующий акционер, владелец 501 акции, если установить коэффициент конвертации 500 старых акций на одну новую, то все, кроме контролирующего акционера, получили бы дробные акции. Именно таким образом вытесняются миноритарные акционеры.

Существенно изменилась ситуация с принятием ФЗ от 05.01.2006 № 7-ФЗ «О внесении

изменений в Федеральный закон “Об акционерных обществах” и других законодательных актов, направленных на использование европейской модели имплементации Директивы 13 в российское право».

Используя метод компаративистики, обратимся к американской модели M&A. В нашей стране, как и в Соединенных Штатах Америки, полномочия делятся между федеральными органами и органами субъектов Федерации, а главным источником права выступает Конституция РФ, приводящая в жизнь основы хозяйственного развития. Регулятивные функции слияний и поглощений обосновываются в ст. 71 Конституции и находятся в ведении федерации. На федеральном уровне находятся законы корпоративного управления. В Гражданском кодексе Российской Федерации содержатся общие для юридических лиц положения, в том числе и АО. Они направлены на реорганизацию юридического лица (ст. 57–60 ГК РФ) в форме слияний и присоединений, определяют права и обязанности при реорганизации. В ст. 104 ГК РФ предусматривается реорганизация акционерного общества по решению общего собрания акционеров [1].

В завершение следует отметить специфику законодательного закрепления сделок слияний и поглощений в Соединенных Штатах Америки, определяемую особенностями общей правовой системы страны, ее государственным устройством, характерными чертами экономико-социального развития, однако при этом нельзя не отметить следование их общим тенденциям в мире. Они нуждаются в доработке и модернизации для дальнейшей гармонизации положений по регулированию внутренних и внешних слияний и поглощений. Странам, использующим опробованные схемы рыночного развития, в том числе и России, следует учитывать их положительный опыт.

Литература

1. Гражданский кодекс РФ (ГК РФ) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Ч. 1. URL: <http://www.consultant.ru>.
2. Борисов В. Н. Микроэкономика: в 5 т. СПб., 2015. Т. 7.
3. Гохан П. А. Слияния, поглощения и реструктуризация компаний. М., 2010.

Bibliography

1. Civil Code of 30.11.1994 № 51-FZ. Part 1. URL: <http://www.consultant.ru>.
2. Borisov V. N. Microeconomics: in 5 vols. St. Petersburg, 2015. Vol. 7.
3. Gaughan P. A. Mergers, acquisitions, and corporate restructurings. Moscow, 2007.
4. Detinich G. Micron preparing to defend

4. Дединич Г. Миссон готовится к защите от нежелательных инвесторов. URL: <http://www.3dnews.ru/>
5. Корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. М., 2009.
6. Кузьмин С. Е. Источники правового регулирования слияний, присоединений, поглощений акционерных обществ в России и корпораций в США // Вестник МГИМО. 2015. Вып. 1.
7. Пахомова Н. В. Регулирование сделок слияний и поглощений в США и ЕС: экономико-правовые рамки, современные тенденции, уроки для России. URL: <http://www.ftc.gov/bc/docs/horizmer.htm>.
8. Цымлянская О. А. Характерные особенности рынка слияний и поглощений в России // Современная наука: теоретический и практический взгляд: сборник статей Международной научно-практической конференции (г. Тюмень, 15 апреля 2016 года): 4 ч. Уфа, 2016. Ч. 1.
9. *Amanda Acquisition Coф. v. Universal Foods, Coф.*, 877 F. 2d496, 497 (7th Or.), denied, 493 US 955. 1989.
10. *against unwanted investors*. URL: <http://www.3dnews.ru>
11. *Corporate law: actual problems of theory and edits / under the general ed. of V. A. Belov*. Moscow, 2009.
12. Kuzmin S. E. Sources of legal regulation of mergers, accessions, acquisitions of joint-stock companies in Russia and corporations in the United States // *Vestnik MGIMO*. 2015. Issue 1.
13. Pakhomova N. V. Regulation of mergers and acquisitions in the US and the EU: economic and legal framework, current trends, lessons for Russia. URL: <http://www.ftc.gov/bc/docs/horizmer.htm>.
14. Tsymlyanskaya O. A. Characteristic features of the market of mergers and acquisitions in Russia // *Modern science: theoretical and practical mind: a collection of articles of International scientific – practical conference (April 15, 2016, Tyumen): in 4 part*. Ufa, 2016. Part 1.
15. *Amanda Acquisition Coф. v. Universal Foods, Coф.*, 877 F. 2d496, 497 (7th Or.), denied, 493 US 955. 1989.

Чернобровкина Наталья Игоревна
Chernobrovkina Natalya Igorevna

доцент кафедры экономической социологии и регионального управления Института социологии и регионоведения Южного федерального университета кандидат философских наук, доцент.

Associate Professor of the Department of Economic Sociology and Regional Government, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, PhD in Philosophy, Associate Professor.
Тел.: 8 (988) 536-15-71.

**МОДАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ
В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ***

Modal model of economic behavior in the russian society

В статье рассматриваются либеральная, консервативная и либерально-консервативная модальные модели экономического поведения граждан России. Сравнение модальных моделей позволило автору сделать вывод о том, что в России доминирует гибридная либерально-консервативная модель экономического поведения, границы которой подвижны в условиях экономического кризиса.

Ключевые слова: модели поведения, экономическое поведение, социальное поведение, ментальные программы.

In the article liberal, conservative, and liberal-conservative modal models of economic behavior of Russian citizens are reviewed. Comparison of modal models allowed concluding that in Russia the hybrid liberal-conservative model of economic behavior dominates, which boundaries are flexible in the economic crisis.

Keywords: behavior patterns, economic behavior, social behavior, mental programs.

Результаты многочисленных социологических исследований поведения россиян в экономической сфере демонстрируют низкий уровень доверия к экономическим реформам. Население страны разделилось на две части – поддерживающих официальный экономический курс правительства и противостоящих ему. Причем, по мнению экспертов, это приблизительно равные части, если критерием выступает участие населения в выборах: несмотря на победу «Единой России», на выборы пришло 40 % взрослого населения страны. Другим критерием является оценка экономических предпочтений групп, имеющих разный уровень доходов. В этом случае группа недовольных своим экономическим положением значительно больше тех, кто положительно отзывается об экономической политике и реформах в России. Однако протестные настроения россиян, по их же мнению, не будут сопровождаться массовыми акциями, что было бы логично в сложившейся ситуации.

Следовательно, в условиях экономических реформ россияне демонстрируют различные образцы поведения, исследование которых позволит выявить их экономические особенности, а обобщив когнитивные модели поведения, можно получить новые знания о его содержании, изменчивости и различиях.

В научной литературе существуют различные аспекты изучения социального поведения в зависимости от избираемых авторами теоретических подходов.

Традиционно социальное поведение в социологии рассматривалось с позиций диспозиционного подхода. В его основе лежат идеи структурно-функционального подхода Р. Мертона, который рассматривал диспозиции как социальные устремления личности, определяемые социальным статусом индивида и предписываемыми им ролевыми функциями. Впоследствии сторонник структуралистского конструктивизма П. Бурдьё расширил понятие диспозиции, подчеркивая, что воспроизводство внешних социальных структур происходит

* Статья выполнена в рамках реализации гранта Российского научного фонда № 16-18-10387 «Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе».

под воздействием внутренних структур личности.

В российской социологии суть диспозиционного подхода сформулировал В. А. Ядов, который полагает, что целью его изучения является «целостность структуры личности, интегрирующая весь жизненный опыт субъекта применительно к данной жизненной ситуации с ориентацией на его референтную общность или группу» [10, с. 358]. Соответственно, стратегию социального поведения индивида и группы определяют ценностно-нормативные предпочтения, которые составляют содержание первого диспозиционного уровня. Второй уровень включает содержание обобщенных социальных установок.

Однако в современном российском обществе первый диспозиционный уровень резко ослаблен и регуляторами социального поведения граждан в повседневной жизни становятся аттитуды и установки. Поэтому ученые разработали ситуационный подход, учитывающий эту особенность социального поведения россиян.

Сторонники ситуационного подхода исходят из идей понимающей социологии М. Вебера и социального конструктивизма П. Бергера, Т. Лукмана. Наиболее обобщенную интерпретацию этого подхода предлагает Х. Хекхаузен, который акцентирует внимание на ситуационных факторах, способных детерминировать поведение человека. Ученый констатирует, что «характеристики ситуаций как возможные детерминанты поведения практически не игнорируются ни одним подходом к объяснению поведения», поэтому важно осуществлять «обстоятельный анализ различных подходов к пониманию взаимодействия личностных и ситуационных факторов» [7, с. 145].

Основные идеи ситуационного подхода к социальному поведению развивает Н. В. Гришина. Она считает, что недостаточно исследовать влияние ситуации на поведении человека, а важно рассмотреть «возможность ее адекватного объяснения с помощью понимания субъективного значения ситуации для данного индивида» [1]. Эмпирическое приложение ситуационного подхода, по мнению исследователя, возможно путем анализа жиз-

ненных сценариев и ситуаций значимого жизненного выбора. Если основу жизненных сценариев составляют биографические истории, то ситуация значимого выбора обусловлена жизненным сценарием и конкретной ситуацией.

Попытку синтеза двух подходов осуществляет Р. А. Лубский. Рассматривая социальное поведение индивида как «результат интерпретации актором социальной ситуации, приписывания ей в социальном контексте определенных значений и смыслов», ученый подчеркивает, что его основанием выступает ментальная программа. Она включает «аксиологические и конативные компоненты: осознанные ценности и аттитуды, носящие диверсификационный характер, и неосознанные предпочтения и установки, обусловленные культурными константами» [4, с. 33]. Следовательно, социальное поведение является реакцией актора или группы на социальную ситуацию в виде совокупности социальных действий. Интерпретация актором социальной ситуации и ее реализация в поведении происходит посредством ментальной программы, активизирующей осознанные и неосознанные структуры. Подобный подход к интерпретации социального поведения устраняет односторонность диспозиционного и ситуационного подходов.

Критерием общепринятой типологии социального поведения является его проявление в различных сферах жизни общества. Соответственно, в научной литературе изучается экономическое, политическое, правовое, культурное поведение. Особый интерес для ученых в условиях социальных трансформаций, модернизации и реформирования социальной системы представляет экономическое поведение индивидов и групп.

В экономической социологии термин «экономическое поведение» интерпретируется как принятие решения на основе сопоставления имеющихся ресурсов с возможными выгодами от их использования. Исходя из этого определения выделяют производственное, монетарное, коммерческое, потребительское и другие виды экономического поведения. В частности, зарубежные ученые, исследуя экономическое поведение индивидов и групп, подчеркивают специфику хозяйствен-

ного взаимодействия в виде отношений обмена (К. Поланьи), зависимость экономических решений от хозяйственных традиций, менталитета, поскольку они определяются конкретно-историческими институциональными траекториями (Д. Норт), а также влияние объективных условий (доход, имущество, статус) на установки и ценностные ориентации индивида и группы (Дж. Катон).

В России предметом экономической социологии является социальное поведение как конкретное экономическое действие, которое осуществляется в процессах обмена и потребления. Однако В. Радаев, основоположник российской экономической социологии, в интерпретации экономического поведения исходит не столько из идей К. Маркса и М. Фридмана, сколько руководствуется положениями теории П. Бурдьё и Ж. Бодрийяра. Процесс потребления сводится автором к использованию полезных свойств блага для удовлетворения потребностей человека и расходованию ресурсов, равных стоимости этого блага. Следовательно, экономическое поведение как совокупность хозяйственных отношений отражает потребности и возможности индивида и групп получить объект их желаний и воспользоваться полезными свойствами вещей и благ. Индикатором экономического поведения индивидов и групп выступает не столько уровень дохода, сколько различные стили жизни. Подобная авторская трактовка экономического поведения характерна для определенного типа общества – общества потребления, которое отражает один из признаков (но не единственный) современного вектора экономического развития.

В более широкой исследовательской перспективе экономическое поведение определяется социологами как совокупность действий и поступков экономических субъектов в процессе синхронизации их материальных интересов, ресурсных возможностей и ценностно-нормативного потенциала. Выявляя ценностные ориентации и представления, а также установки россиян, ученые предлагают их различные типологии.

Разрабатывая методику измерения установок экономического поведения в зависимости от ценностных предпочтений, М. В. Ефремо-

ва, М. В. Котова, А. Н. Татарко зафиксировали две противоположные установки россиян – на экономическую самостоятельность и экономический патернализм. Это позволило выявить два типа экономического поведения: экономически-прогрессивное поведение, «которое способствует экономическому росту и росту благосостояния в долгосрочной перспективе, а также внедрению и поддержанию инноваций», и экономически-регрессивное поведение, «которое ведет к экономической стагнации в долгосрочной перспективе» [8, с. 156]. Данные типы исследовались в соответствии с ценностями, классифицируемыми исходя из логики отношений между мотивами поведения и соответствующими им поступками. Шкала ценностей, предложенная Ш. Шварцем и В. Билски, по мнению российских ученых, сочетает измерения экономического поведения: иерархию – индивидуализм, иерархию – коллективизм, равноправие – индивидуализм, равноправие – коллективизм.

В социологии экономическое поведение традиционно изучается в контексте социальных трансформаций. В частности, Ж. Т. Тощенко на основании данных общероссийских социологических исследований осуществляет сравнительный анализ экономического поведения граждан в 1990 и 2012 годов. Используя концепцию социологии жизни, ученый изучает экономическое сознание – поведение, которое не всегда адекватно отражает содержание сознания, а также условия реализации экономического сознания и поведения, то есть социальную среду. Изучение ученым экономического сознания и поведения россиян осуществлялось на макро-, мезо- и микроуровнях, причем исследование представлений граждан об экономической ситуации и вариантов их реакции на нее в виде установок поведения сопровождалось оценками экспертов, сопоставленными со статистическими (объективными) данными об экономической ситуации в стране.

Аналогичная направленность исследований экономического поведения осуществляется Институтом социологии РАН под руководством М. К. Горшкова. Ученый рассматривает его в динамике в зависимости от тенденций экономического развития общества – либе-

ральной и консервативной. Как показывают результаты социологических исследований, представления граждан и их поведение изменяются под влиянием социальных трансформаций [3, с. 11–19], вследствие которых сторонники либеральных реформ оказываются то в большинстве, то в меньшинстве в сравнении с представителями консервативного направления – сторонниками патернализма государства в экономике.

Особый интерес представляют социологические данные Левада-Центра, который ежеквартально осуществляет опросы общественного мнения, позволяющие оперативно выявлять новые оценки и установки экономического поведения российских граждан, особенно в условиях экономического кризиса.

Наиболее оптимальной методикой изучения экономического поведения индивидов и групп является моделирование, поскольку оно позволяет получить и обобщить информацию о его содержании, изменчивости и различиях. Традиционно модели поведения рассматривают как короткие поведенческие сценарии. О. Б. Павленко и Н. Е. Шилкина пишут, что модели поведения отражают типичные жизненные ситуации, в которых люди взаимодействуют друг с другом определенным образом. Р. А. Лубский подчеркивает когнитивную природу моделей социального поведения, содержательно отражающих практики социального поведения индивидуального или коллективного характера. Модели как упрощенные представления о реальности выступают образцами социальных действий.

Наиболее обобщенной типологией моделей экономического поведения может быть выявление нормативной и модальной моделей по критерию «осознанность/неосознанность». Так, «осознанные структуры определяют выбор модальных моделей индивидуального поведения, а неосознанные структуры предполагают выбор нормативной модели коллективного поведения, зависящего от общепринятых культурных ценностей и норм. Если нормативная модель социального поведения в российском обществе является достаточно устойчивой, поскольку акторы, придерживающиеся этой модели, не рефлексируют по поводу своих действий, обусловленных соответствующи-

ми установками, то модальные модели социального поведения достаточно подвижны, их границы взаимопроникаемы» [4, с. 34]. Экономическое поведение традиционно характеризуется как рациональное, поэтому модальные модели его описания встречаются статистически чаще. Как модели осознанного социального поведения индивидов они характеризуют поведение определенных социальных групп и индивидов.

Следовательно, научной новацией будет разработка модальных моделей поведения российских граждан в экономической сфере, позволяющих выявить его особенности. Для этого первоначально необходимо определиться с базовым понятием.

Экономическое поведение – это совокупность действий граждан как экономических субъектов в процессе синхронизации их материальных интересов, ресурсных возможностей и ценностно-нормативного потенциала. Поскольку оценка экономического поведения гражданами осуществляется в результате интерпретации текущей ситуации в экономической сфере, то целесообразно использовать ситуационный подход. Согласно этому подходу представления граждан о своем экономическом положении формируются с помощью субъективной оценки ситуации, которая означает приписывание ей в экономическом контексте определенных значений и смыслов.

Предметом исследования являются модальные модели поведения граждан в экономической сфере. В рамках модальной модели поведения исследователи различают либеральные и консервативные ориентации граждан в отношении экономического развития России, отражающие реальные мотивы и соответствующие им действия. Это позволяет ученым зафиксировать данные предпочтения в виде либеральной, консервативной и либерально-консервативной (гибридной) моделей поведения граждан в экономической сфере. Основным показателем их различия выступают отношения граждан к собственности.

Согласно социологическим исследованиям, большинство россиян поддерживают рыночный характер экономики. В сравнении с периодом начала рыночных реформ в 1990 году ко-

личество россиян, отрицательно относящихся к частной собственности, уменьшилось вдвое – с 11 до 5,2 %, то есть большинство из них если не приветствуют, то с пониманием относятся к ее существованию и развитию. Соответственно, можно было бы утверждать, что среди россиян в отношении собственности доминирует либеральная модель экономического поведения. Однако «в общественном сознании частная собственность ассоциируется не с крупным и даже не со средним капиталом, а с мелким бизнесом – личным подсобным хозяйством, занятием различными ремеслами, торговыми точками» [6, с. 54]. Поэтому «34 % россиян предпочитают иметь “собственное дело”, но только 9 % выступают за развитие рыночной экономики, укрепление частной собственности, в том числе и на землю (24 %), а 3 % считают, что все крупные предприятия должны находиться в частных руках, 17 % считают, что не нужно поднимать вопрос о возвращении государству приватизированной в 90-х годах собственности» [9].

Итак, в отношении частной собственности и рыночной экономики для российских граждан характерна либерально-консервативная модель поведения. Это не смешанная, а, скорее, гибридная модель, поскольку основной принцип либерального развития «рыночная экономика не отрицается, но вульгаризируется»: частная собственность ассоциируется с малым бизнесом, допускается вмешательство государства в экономическую деятельность предприятий и корпораций. Однако эта модель поведения была устойчива с 2008 по 2014 год, когда наблюдался рост бюджетных расходов на социальные нужды населения и повышение уровня заработной платы, что вызвало переход от стратегии выживания к стратегии развития. Сторонники либеральной модели поведения считали подобную экономическую политику антирыночной и прогосударственной, ограничивающей частных предпринимателей в получении высокой прибыли.

С середины 2014 года возникают условия для доминирования консервативной модели поведения россиян в экономической сфере. Падение цен на нефть, лишение возможности крупного бизнеса рефинансирования долгов повлекли отказ правительства от социально-

ориентированной политики. Согласно последним данным Левада-Центра, «число россиян, считающих экономический кризис главной угрозой для страны, выросло с 29 до 49 %. 53 % опрошенных более всего опасаются роста цен и обнищания населения, 35 % – роста безработицы. При этом почти половина респондентов говорят об ухудшении семейного потребления – во время кризиса 2008–2009 годов таких было лишь 34 %» [10]. Сегодня большинство россиян убеждены в том, что «экономическая система, основанная на государственном планировании и распределении, является наиболее правильной... Это мнение разделяют 52 % опрошенных (против 26 % респондентов, считающих наиболее правильным принцип частной собственности и рыночных отношений)» [5]. Следовательно, в настоящее время российские граждане в экономической сфере придерживаются либерально-консервативной гибридной модели поведения. Но в результате смены социально-ориентированной экономической политики нелиберальной возможен переход к консервативной модели поведения граждан.

Другим показателем доминирования определенной модели поведения в экономической сфере является отношение россиян к труду. Поскольку социальная значимость человека, его социальный статус и престиж зависят в основном, по мнению 52,8 % граждан, от владения капиталом, обладания властью (35,1 %) и служебного положения человека (34,6 %), а не от личных достижений и профессиональной подготовки (33,3 и 26,3 %) [6, с. 57], то главным показателем отношения к труду становится уровень заработной платы. Больше вознаграждение за труд получают работники в организациях частных или акционерных форм собственности, где их ответственность поддерживается жесткой производственной дисциплиной. Люди вынуждены дистанцироваться от того, что происходит в их организации, поскольку не могут принимать участие в ее управлении. Если в 90-е годы так считало 23,2 % граждан, то в 2012 году – 55,3 %.

Итак, уровень заработной платы как основной показатель отношения человека к труду позволяет сделать вывод о доминировании либеральной модели поведения россиян в тру-

довых отношениях. Однако о квазилиберальном характере этой модели поведения граждан в экономической сфере свидетельствует игнорирование уровня профессиональной подготовки и стремления к личностному развитию. Элементы консервативной модели поведения выражаются в стремлении работников обеспечить защиту своих прав и социальных гарантий, а также участвовать в управлении организацией.

Выбор модели поведения гражданами в экономической сфере также определяется показателем отношений в коллективе, который в настоящее время часто замещается показателем отношений в повседневных взаимодействиях. Это вызвано тем, что «каждый третий из четырех (74,2 %) считает, что в затруднительном положении с профессиональной деятельностью помогут только члены семьи, родные; половина (49, %) обратится к друзьям, каждый пятый (21,1 %) – к товарищам, коллегам по работе» [6, с. 58]. На помощь со стороны руководителей предприятий и организаций надеются 18,1 %, профсоюзных организаций – около 8 % и политических партий – 2,1 %. Со-

ответственно, для либерально-консервативной модели поведения отношений в коллективе характерен приоритет средств неформальной взаимопомощи.

Таким образом, сегодня большинство россиян в экономической сфере придерживаются либерально-консервативной модели поведения. Эта модель имеет гибридный характер, поскольку частная собственность ассоциируется с малым бизнесом и допускается вмешательство государства в экономическую деятельность предприятий и корпораций; уровень заработной платы как основной показатель отношения человека к труду сопровождается игнорированием качества профессиональной подготовки и стремления к личностному развитию, а формальная помощь в производственном коллективе подменяется средствами неформальной взаимопомощи. Однако в результате смены социально-ориентированной экономической политики неолиберальной в 2014 году, породившей экономический кризис, возможен переход к консервативной модели поведения граждан.

Литература

1. Гришина Н. В. Ситуационный подход и его эмпирические приложения // Психологические исследования. 2012. Т. 5. № 24. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n24/710-grishina24.html>.
2. Кризис в головах. URL: <http://apanthropy65.rssing.com/browser.php?indx=55953584&last>.
3. Лубский А. В., Лубский Р. А. Адаптация народов Юга России к социальным трансформациям: проблемы методологии исследования // Научная мысль Кавказа. 2008. № 4 (56).
4. Лубский Р. А. Государственность и модели социального поведения в современной России // Научная мысль Кавказа. 2014. № 1.
5. Предпочтительные модели экономической и политической систем. URL: <http://apanthropy65.rssing.com/browser.php?indx=55953584&last=1&item=3>.
6. Тощенко Ж. Т. Экономическое сознание и поведение: четверть века спустя // Социологические исследования. 2014. № 7.

Bibliography

1. Grishina N. V. Situational approach and its empirical applications // Psychological research. 2012. Vol. 5. № 24. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n24/710-grishina24.html>.
2. The crisis in the minds. URL: <http://apanthropy65.rssing.com/browser.php?indx=55953584&last>.
3. Lubsky A. V., Lubsky R. A. Adaptation of the people of the South of Russia to social transformations: research methodology problems // Scientific thought of the Caucasus. 2008. № 4 (56).
4. Lubsky R. A. Statehood and patterns of social behaviour in modern Russia // Scientific thought of Caucasus. 2014. № 1.
5. The preferred model of economic and political systems. URL: <http://apanthropy65.rssing.com/browser.php?indx=55953584&last=1&item=3>.
6. Toshchenko Z. T. Economic consciousness and behavior: a quarter century later // Sociological researches. 2014. № 7.
7. Heckhausen H. Personal and situational

---

7. Хекхаузен Х. Личностные и ситуационные подходы к объяснению поведения // Психология социальных ситуаций. СПб., 2001.

8. Ценности культуры и модели экономического поведения: научная монография / под ред. Н. М. Лебедевой, А. Н. Татарко. М., 2011.

9. Экономический кризис. URL: <http://www.levada.ru/30-11-2011/rossiyane-o-gosudarstvennoi-sobstvennosti-i-promyshlennosti>.

10. Ядов В. А. О социологической составляющей диспозиций // Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция. 2-е изд. М., 2013.

approaches to the explanation of behavior // Psychology of social situations. St. Petersburg, 2001.

8. The value of culture and models of economic behaviour: scientific monograph / ed. N. M. Lebedeva, A. N. Tatarko. Moscow, 2011.

9. Economic crisis. URL: <http://www.levada.ru/30-11-2011/rossiyane-o-gosudarstvennoi-sobstvennosti-i-promyshlennosti/>

10. Yadov V. A. On the sociological component of the dispositions // Self-regulation and forecasting of social behavior of personality: dispositional concept. 2 ed. Moscow, 2013.

Правила для авторов и условия публикации статей

1. Для опубликования рукописи статьи можно передать в редакцию с помощью следующих видов связи:

– почтовой (в этом случае присылается 1 экземпляр принтерной распечатки статьи и дискета или диск с идентичным текстом в редакторе «WORD –7»);

– Интернет (с последующей передачей в редакцию оригиналов рецензий на статью).

2. Текст рукописи должен быть набран 14 кеглем, шрифт – Times New Roman Cyr, межстрочный интервал – 1,5. Не следует использовать знаки ручного переноса и дополнительных пробелов. Поля страницы: снизу – 25 мм, остальные – 20 мм. Файл именуется по фамилии автора (авторов).

3. Объем статьи должен составлять от 10 до 15 страниц машинописного текста (включая таблицы, рисунки, аннотацию, ключевые слова и список литературы).

4. Вместе со статьей в редакцию предоставляются: внешняя и внутренняя рецензии (кроме статей докторов наук и членов редакционной коллегии журнала «Философия права»), подписанные рецензентами, с оттисками печатей; сведения об авторе, в которых указываются фамилия, имя, отчество (полностью); место работы, занимаемая должность, ученая степень, звание (в именительном падеже), служебный и электронный адреса, номер телефона/факса. Контактная информация об авторах будет опубликована в журнале.

5. Статья обязательно подписывается автором (авторами) следующим образом: «Материал вычитан, цифры, факты сверил с первоисточниками». При согласии автора на размещение его статьи в сети Интернет: «Согласен на публикацию моей статьи в свободном электронном доступе». Далее ставятся дата и подпись. Для соискателей ученой степени кандидата наук: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее – дата, Ф.И.О. руководителя, подпись.

6. К статье должны прилагаться: аннотация (не более 5–6 строк), ключевые слова (каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого запятой), индексы УДК и ББК.

7. Информация на английском языке: Ф.И.О. автора (полностью), место работы и должность, почтовый адрес, название статьи, аннотация, ключевые слова.

8. Список литературы на русском и английском языках приводится в конце статьи. В тексте должны быть ссылки (в квадратных скобках) на использованные источники.

9. Рукопись должна быть вычитана автором. Редакция оставляет за собой право в случае необходимости редактировать и сокращать статьи.

10. Рукописи не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

11. Материалы публикуются на безгонорарной основе.

12. Плата за публикацию статей с авторов не взимается.

13. Редакция не вступает в электронную переписку с авторами, в связи с этим сообщаем, что все возникающие вопросы необходимо задавать ответственному секретарю, позвонив по указанному в журнале номеру телефона.

14. Рукопись статьи публикуется на основании экспертного заключения, составленного редакционной коллегией журнала.

**Уважаемые авторы, в случае невыполнения вышеперечисленных условий
статья опубликована не будет!**